

**Дворец Детского (юношеского) творчества
Красногвардейского района Санкт-Петербурга «На Ленской»**

**ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ
Выпуск двенадцатый**

Дворец Детского (юношеского) творчества
Красногвардейского района Санкт-Петербурга «На Ленской»

ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ
Выпуск двенадцатый

Санкт-Петербург
2021

Составитель: Н. П. Столбова
Под редакцией Н. П. Столбовой.

Из Охтинской летописи. Выпуск двенадцатый /Сост.: Н. П. Столбова.
Под ред. Н. П. Столбовой. — СПб.: ГБУ ДДЮТ Красногвардейского
района Санкт-Петербурга «На Ленской». 2021

*На обложке — особняк М. Ф. Кшесинской. Арх. А. И. фон Гоген. 1906.
Фото из открытых источников.*

Двенадцатый выпуск исследовательских работ «Из Охтинской летописи» посвящен судьбам общественных и государственных деятелей, деятелей искусств, литераторов, связанных с историей Петербурга и России. Сборник содержит фрагменты работ учащихся краеведческого объединения «Охта» ДДЮТ «На Ленской», созданных в 2009—2017 гг.

Первая часть — «Восточная Сибирь и Айгунский мирный договор». Работы Смирновой Анастасии и Иванова Артема посвящены деятельности губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева и общественного деятеля Р. А. Черносвитова.

Вторая часть — «Петербургские исследователи». Работа Менгель Виктории «Он «памятник воздвиг себе нерукотворный»: жизненный и профессиональный путь Андрея Ипполитовича Вилькицкого» посвящена гидрографу-геодезисту, ученому, исследователю Арктики А. И. Вилькицкому.

Третья часть — «Современники Пушкина». Здесь представлены работы Жабенко Илоны «Церковный иерарх и историк Евгений Болховитинов (петербургский период)», Петровой Виктории «Друг Пушкина — поэт, драматург, критик Е. Ф. Розен и Гамзатовой Алины «Степан Петрович Шевырёв — пламенный патриот».

Четвертая часть — «Женские судьбы в истории Петербурга и России» представлена работами Беркос Анастасии, посвященными Елизавете Романовне Воронцовой и Анне Петровне Лопухиной. Здесь же — работы Трушиной Марины «В великокняжеском окружении: Матильда Кшесинская», Трушиной Елены «Петербургские годы Елизаветы Кузьминой-Караваевой» и Дроздовой Александры «Антонина Павлычева — актриса большого дарования (из истории жизни и творчества)».

Список использованных источников и литературы для всех работ приведен в конце сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Восточная Сибирь и Айгунский мирный договор	5
<i>Смирнова Анастасия</i> Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский — либерал, демократ, патриот	5
<i>Иванов Артем</i> Рафаил Александрович Черносвитов — человек своего времени	13
II. Петербургские исследователи	22
<i>Менгель Виктория</i> Он «памятник воздвиг себе нерукотворный»: жизненный и профессиональный путь Андрея Ипполитовича Вилькицкого	22
III. Современники А. С. Пушкина	28
<i>Илона Жабенко</i> Церковный иерарх и историк Евгений Болховитинов (петербургский период)	28
<i>Петрова Виктория</i> Друг Пушкина — поэт, драматург, критик Е. Ф. Розен	37
<i>Гамзатова Алина</i> Степан Петрович Шевырёв — пламенный патриот (патриотические взгляды и деятельность С. П. Шевырева)	45
<i>Беркос Анастасия</i> Елизавета Романовна Воронцова (женская судьба в истории России)	56
<i>Беркос Анастасия</i> Анна Петровна Лопухина (женская судьба в истории России)	74
<i>Трушина Елена</i> Петербургские годы Елизаветы Кузьминой-Караваевой	85
<i>Трушина Марина</i> В великокняжеском окружении: Матильда Кшесинская (из истории женских судеб)	102
<i>Дроздова Александра</i> Антонина Павлычева — актриса большого дарования (из истории жизни и творчества)	117
Список использованных источников и литературы работ, помещенных в сборнике	128

І. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ И АЙГУНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

**Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский —
либерал, демократ, патриот**

Смирнова Анастасия,

11 класс ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2015 г.

Военный, дипломат, государственный деятель Николай Николаевич Муравьев-Амурский — человек, страстно любивший Россию: «Доблестный воин, прошедший строгую школу николаевского времени, мудрый администратор и патриот, Муравьев является лицом выдающимся, как по своим заслугам, так и свойствам своего чисто русского самобытного характера...» (24, с. 244).

Николай Николаевич Муравьев (после 1858 г. — Муравьев-Амурский) — представитель старинного дворянского рода Муравьевых, родился в 1809 г. в Санкт-Петербурге. Отец будущего губернатора Восточной Сибири — Николай Назарьевич Муравьев служил в чине статс-секретаря и управляющего Собственной Его Величества канцелярией.

Мать — Екатерина Николаевна Мордвинова, дочь порховского помещика Псковской губернии. Его прадед — лейтенант Степан Воинович Муравьев был участником Великой Северной экспедиции 1734—1735 гг. Дед — Назарий Степанович Муравьев — помещиком Новгородской губернии, гражданским губернатором Архангельска.

Среди дальних родственников — декабрист А. Н. Муравьев и его братья, известные государственные и военные деятели Н. Н. Муравьев-Карский (наместник Кавказа) и М. Н. Муравьев-Виленский (министр государственных имуществ).

В молодости Н. Н. Муравьев неоднократно бывал в имении отца Покровское, расположенном на левом берегу Невы за Александро-Невским монастырем и приобретенном отцом в 1832 г. По территории бывшей усадьбы проходил Муравьевский переулок (ныне улица Цимбалина).

Вместе с братом Валерианом Николай Муравьев был отдан в частный пансион Годениуса (Шпалерная улица, 25) (12, с. 22—46).

По распоряжению императора Александра I оба брата были зачислены в Пажеский корпус (располагался в Воронцовском дворце; Садовая, 26). В 1824 г. Николай Муравьев произведен в камер-пажи и назначен к великой княгине Елене Павловне, супруге великого князя Михаила Павловича. В 1827 г. окончил Пажеский корпус с золотой медалью, после чего поступил прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Полк квартировал на Косой линии Васильевского острова, а на Большом проспекте была полковая церковь и полковой госпиталь. Казармы полка располагались по адресам: Набережная Лейтенанта Шмидта, 43; 18-я линия Васильевского острова, 3; 19-я линия Васильевского острова, 2; 20-я линия Васильевского острова, 1. Казармы дали название Финляндскому переулку: он идет от 17-й к 18-й линии параллельно набережной Лейтенанта Шмидта.

Вместе с Финляндским полком Муравьев принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В 19-летнем возрасте участвовал в осаде крепости Варны, в 1831 г. — в подавлении польского восстания.

В 1833 г. в чине штабс-капитана оставил военную службу и следующие пять лет провел в Виленской губернии в имении отца Стоклишки, где занимался хозяйством.

В 1838 г. был определен к генералу Головину — командующему Отдельным Кавказским корпусом для особых поручений. С 1840 по 1844 г. был начальником одного из отделений Черноморской береговой линии.

В 1841 г. Муравьев произведен в генерал-майоры. Но из армии ему пришлось уйти в 1844 г. — на этот раз окончательно: обострившаяся болезнь потребовала серьезного лечения, и он уехал во Францию.

Тульский губернатор. В 1846 г. Н. Н. Муравьев был назначен исправляющим должность военного губернатора Тулы и Тульского гражданского губернатора. Здесь же, в Тульской губернии 19 января 1847 г. он женился на французской подданной Елизавете Буржуа де Ришмон.

Новый тульский губернатор обратил серьезное внимание на нужды губернии, упадок сельского хозяйства, для помощи которому планировал учреждение в Туле губернского общества сельского хозяйства.

Он первым из губернаторов поднял вопрос об освобождении государственных крестьян, которых предлагал переименовать в вольные хлебопашцы, передав им в собственность по две десятины земли на «ревизскую душу»: *«Крепостное состояние — постыдное, унижающее для человечества, не должно быть терпимо в государстве, ставшим наряду со всеми европейскими государствами»* (3, с. 162).

Девять тульских помещиков подписали подготовленный Муравьевым адрес к Николаю I «*Опыт возможности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве*» (3, с. 17—27).

Дело осталось без движения, но государь обратил внимание на Муравьева как на «либерала и демократа». Посетив Тулу, император 5 сентября 1847 г. объявил о назначении его на должность исполняющего обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири (12, с. 29—30).

Сдав дела по Тульской губернии, в конце сентября 1847 г. Муравьев прибыл в Петербург, где в течение четырех месяцев изучал литературу и документы по Восточной Сибири, знакомился с отчетами, встречался с министрами, хорошо знающими проблемы Сибири.

Генерал-губернатор Восточной Сибири. В 1848 г. Н. Н. Муравьев прибыл в Иркутск, где в должности генерал-губернатора Восточной Сибири прожил до 1861 г.

Еще в Петербурге Муравьев обозначил свои задачи в Восточной Сибири: обустройство ссыльных, вопрос о частной золотопромышленности, устройство солеваренных и винокуренных заводов, путей сообщения, формирование новых казачьих частей, вопрос о границе и отношениях с Китаем, улучшение сообщения с Охотским морем и Камчаткой.

В Восточной Сибири при его правлении крестьяне получили волю еще до реформы 1861 г. Во время поездок по Восточной Сибири Муравьев обратил внимание на состояние крестьян, приписанных к Нерчинским сереброплавильным заводам. Детей забирали из семей в 12 лет, и на протяжении 40 лет они трудились на рудниках или заводах наравне с каторжниками. В 1851 г. он издал указ о создании Забайкальского казачьего войска. По этому указу крестьяне Нерчинских заводов отчислялись от заводов и присоединялись к Казачьему войску, после чего им предстояло не более пяти лет принудительной работы (1, с. 177).

При Муравьеве появились первые печатные органы Сибири, включая «Иркутские губернские ведомости» (1857). Одним из первых русских государственных деятелей он понял возможности периодической печати и стал их использовать в пропаганде успехов в освоении Амура.

В Иркутске начали выходить газеты, открылся театр, школы... В 1851 г. по инициативе генерал-губернатора Муравьева был открыт Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

Создание отдела в первую очередь было направлено на скорейшее освоение Приамурья. Были организованы экспедиции Р.К. Маака (Вилуйская — 1854 г., Амурская — 1855 г., Уссурийская — 1850 г.), позднее — П.А. Кропоткина (Сунгарийская, Олекминско-Вилуйская, Тункинская — 1864—1867 гг.), И.А. Лопатина (Витимская — 1865 г., Туруханская — 1866 г.), Н.М. Пржевальского (Уссурийская — 1867 г.), принесшие существенный вклад в развитие края. В 1856 г. начали издаваться «Записки Сибирского отделения Русского географического общества», в которых публиковались протоколы научных заседаний, отчеты экспедиций, научные труды (27).

Будущий революционер-анархист П.А. Кропоткин, проходивший военную службу в Восточной Сибири в 1862—1867 гг., писал о человеческих, даже дружеских отношениях Н.Н. Муравьева со ссыльными революционерами (25).

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев стремился поддерживать ссыльных декабристов, посещал дома князей Волконских и Трубецких. При нем получили места сыновья декабристов Волконского, Якушкина, Раевского. Граф Н.Н. Муравьев разрешил декабристам ездить по Сибири без специального разрешения.

После амнистии декабристам, которая последовала в 1856 г., Муравьев помогал им с переездом и выкупом их имущества. В ответ на обвинения в дружбе с государственными преступниками-декабристами он высказывал свою точку зрения: «...так называемые декабристы, искупив заблуждения своей юности тяжелою карою, принадлежат к числу лучших подданных русского царя и никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам, что они имеют права быть принятыми в обществе по своему образованию, своим нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям».

Император Николай I в ответ писал: «Благодарю... Нашелся человек, который понял меня, понял, что я не ищу личной мести этим людям, а исполняю только государственную необходимость и, удалив преступников отсюда, вовсе не хочу отравлять их участь там!» (28).

«Амурский вопрос». Уже в первые годы управления Восточной Сибирью, Муравьев начал активно заниматься «Амурским вопросом». По Нерчинскому договору 1689 г. территория Приамурья объявлялась принадлежащей Маньчжурской империи, но ее освоение китайцами шло крайне слабо, поскольку сам Китай к середине XIX века стал жертвой агрессии Великобритании и Франции, а также внутренних неурядиц.

В этих условиях генерал-губернатор Восточной Сибири опасался за восточную границу империи. Он стремился поддержать торговлю с Китаем и влияние России в Азии, упрочить владение Россией Камчатским полуостровом (3, с. 132).

Решение важнейшего для российской политики на Дальнем Востоке «амурского вопроса» было инициировано экспедиционным плаванием Г. И. Невельского из Охотского моря в устье Амура через открытый им пролив между материком и Сахалином. В июле 1850 г. недалеко от устья Амура Г. И. Невельским был заложен форт Николаевск, ставший военно-административным центром Нижнего Приамурья.

Смелые действия Г. И. Невельского были поддержаны Н. Н. Муравьевым, который в 1851 г. поставил перед китайскими властями вопрос о пересмотре линии русско-китайской границы на Дальнем Востоке и совместном владении течением Амура.

Сплавы по Амуру. 11 января 1854 г. Муравьев получил от императора Николая I право вести все сношения с китайским правительством по разграничению восточной окраины и производить по Амуру сплав войска. В мае 1854 г. произошел первый сплав, год спустя — второй, с которым прибыли в устье Амура первые русские поселенцы. Военные сплавы послужили толчком для колонизации «Амурской страны», и этот процесс уже невозможно было остановить. Дипломатические усилия графа Муравьева-Амурского стали давать положительные результаты. Муравьев принимал непосредственное участие в сплавах по Амуру 1854, 1855, 1857, 1858 и 1859 гг. (9, с. 36—37, 45).

По пути к устью Амура в Мариинском посту 9 сентября 1855 г. состоялись переговоры генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева с уполномоченными представителями Китая.

Муравьев подробно изложил причины, побудившие правительство России вступить в переговоры о новом русско-китайском разграничении, напомнив, что политическая ситуация в дальневосточном регионе изменилась, и земли по течению р. Амура больше не могут оставаться нейтральными для пользования обеих стран.

Указав на агрессивную политику западных держав на Дальнем Востоке, Муравьев сообщил о плавании русских судов по Амуру, благодаря чему удалось отразить нападение англо-французской эскадры. А поскольку образование русских деревень на берегах Амура, строительство военных постов и укреплений на Тихоокеанском побережье не могут быть временными, то *«все места, для этой цели занятые нами там, и весь приморский край должны окончательно остаться во владении России»* (3, с. 130—136).

В июне 1856 г. из Шилкинского завода была отправлена вниз по Амуру третья Амурская экспедиция, во время которой на территории будущей Амурской области были поставлены три русских поста: Кумарский, Зейский (Благовещенск) и Хинганский (Пашково). Эта экспедиция фактически завершила присоединение Приамурья к России.

Айгунский мирный договор. 16 мая 1858 г., во время пятого амурского сплава, состоялось подписание Айгунского мирного договора между Россией и Китаем. В преамбуле говорилось, что он заключен *«по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».*

Статья № 1 договора гласила: *«Левый берег реки Амура, начиная от р. Аргунь до морского устья р. Амур, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до реки Уссури, владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств»* (10, с. 66—73).

Благодаря стараниям Н. Н. Муравьева, договор не только дал возможность России присоединить огромный и плодородный Амурский край, но и обеспечил выход к морям Тихого океана, а также позволил занять стратегически важные пункты в Приамурье.

21 мая 1858 г. на Усть-Зейском посту архиепископ камчатский Иннокентий (Вениаминов) заложил храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (город Благовещенск). По распоряжению Муравьева в Уссурийский край вскоре было отправлено несколько исследовательских экспедиций (11, с. 138—139).

26 августа 1858 г. был объявлен высочайший рескрипт на имя Муравьева. Высоко оценивая государственную его деятельность, император сообщал, что он возведен в графское достоинство с присоединением к фамилии его именованию Амурский. Одновременно он получил чин генерала от инфантерии (24, с. 263—264).

Переселенческая политика Муравьева. После заключения Айгунского договора, основной деятельностью Муравьева в присоединенных территориях была переселенческая политика: *«...Любимейшею мечтою и желанием Н. Н. Муравьева было положить прочное основание переселенческому делу посредством привлечения на Амур частных переселенцев из России, создать сильный флот в южных портах Приморской области, развить промышленность и торговлю с Китаем, пользоваться природными*

богатствами края — лесными, рыбными, — залежами каменного угля, которым, видимо, покрыты берега области и острова Сахалина...» (28).

Первые поселенцы были привезены в эти земли со второй экспедицией по Амуру в 1855 г. Это были иркутские и забайкальские крестьяне общей численностью 48 человек, которым предстояло освоить земли на левом берегу реки Амур между Мариинском и Николаевском (3, с. 150).

Решая задачу заселения региона в условиях острого недостатка в поселенцах, Н. Н. Муравьев «прибег к необычайным мерам», а именно: «ссылнокаторжным, отбывшим срок в каторжных работах и приписанных к промыслам, возвратили гражданские права и обратили в Забайкальское казачье войско...». Наконец, генерал-губернатор «принял как колонистов две тысячи солдат из штрафных батальонов. Их распределили как приемных сыновей в казачьи семьи или же устроили артельными холостыми хозяйствами в деревнях Восточной Сибири» (25).

Заселение Амурской линии казаками разрешено было произвести летом 1857 г. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев отдал распоряжение о переселении в течение навигации на левый берег Амура трех сотен Амурского конного казачьего полка.

Процесс освоения и заселения Приамурья и Приморья русскими набирал силу. В 1857 г. на Амур переселилась 451 казачья семья (1850 человек обоего пола), занявшая пространство свыше 980 верст и основавшая здесь 17 казачьих поселков. Помимо казаков сюда были отправлены 13-й и 14-й Сибирские линейные батальоны. В 1858 г. казаками и солдатами линейных батальонов на Амуре и Уссури были основаны 32 новые станицы, в том числе и военный пост Хабаровка (Хабаровск) (4, с. 33—35).

В 1859 и 1860 гг. переселенцы селились уже на правом берегу реки Сунгач (приток Уссури) и на западном берегу озера Ханка. Однако Н. Н. Муравьев считал, что положение России на берегах Тихого океана будет прочным только в том случае, если ей будет принадлежать все Приморье до границы с Кореей. По его приказу в июне 1860 г. небольшие военные отряды 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона высадились в гаванях на юге Приморья, где основали посты Владивостокский (Владивосток) и Новгородский (Посыет) (18, с. 10—15).

При этом губернатор выступал за то, чтобы на новых землях не было сословного неравенства, а право на переселение получили все желающие.

Отставка и последующие десятилетия. За заслуги перед Отечеством генерал-губернатор Восточной Сибири был удостоен графского

титула, стал графом Муравьевым-Амурским. Однако, после того как не удалось получить одобрение нескольких проектов по преобразованию административного устройства и управления в Сибири, Н. Н. Муравьев-Амурский в 1861 г. подал в отставку (28).

Прошение об отставке было подписано 19 февраля 1861 г. в день отмены крепостного права. Указом императора Н. Н. Муравьев-Амурский освобождался от должности генерал-губернатора, командующего войсками Восточной Сибири. Этим же указом он был награжден орденом Святого Владимира I степени с мечами и назначен членом Государственного Совета. По его просьбе генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен М. С. Корсаков.

Двадцать лет жизни после отставки были заполнены путешествиями и постоянной перепиской с многочисленными соратниками. Он никогда не забывал о делах Сибири и Приамурья, постоянно использовал свой авторитет и связи для содействия их развитию. По мере необходимости, приезжал в Петербург для участия в работе Государственного Совета. Ему не раз предлагали крупные посты — наместника в Варшаву, на Кавказ, но состояние здоровья не позволяло вернуться к активной административной деятельности.

Н. Н. Муравьев-Амурский скончался в Париже 18 (30) ноября 1881 г. и был похоронен на Монмартрском кладбище.

Через десять лет после смерти Муравьева, по собранной его друзьями и почитателями подписке, в Хабаровске был сооружен памятник основателю города работы скульптора А. М. Опекушина. Пьедесталом послужила скала на берегу Амура. Высота фигуры доходит до пяти метров. Муравьев-Амурский стоит со скрещенными на груди руками и смотрит вдаль по течению реки. В одной руке у него бинокль, в другой — свиток с Айгунским договором. В 1925 г. памятник «царскому генералу» по приказу Дальневосточного ревкома уничтожили.

В ноябре 1991 г. по модели, хранившейся в Русском музее в Петербурге была изготовлена новая скульптура. Во второй раз памятник открыли 30 мая 1992 г.

Прах Н. Н. Муравьева-Амурского в 1991 г. был перезахоронен во Владивостоке. Возвращение его праха в край, обретение которого было главным делом его жизни, — лучший символ благодарности и признательности потомков.

Рафаил Александрович Черносвитов — человек своего времени

Иванов Артем,

11 класс, ГБОУ СОШ № 323.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2015 г.

Ассоциации, которые появляются в связи с именем Рафаила Александровича Черносвитова (1810—1868) скорее всего, связаны с его участием в кружке М. Петрашевского, с известностью, которую ему принесли упоминания в произведениях Ф. М. Достоевского, в той или иной степени известны его инженерные работы.

Личность Черносвитова известна узкому кругу лиц, преимущественно людям, хорошо разбирающимся в развитии патриотических движений в России.

Однако, дворянин по происхождению, золотопромышленник, петрашевец Р. А. Черносвитов, оказался «в нужное время в нужном месте» и по праву может называться человеком своего времени, человеком эпохи.

Из биографии. Рафаил Александрович Черносвитов родился в 1810 г. в Ярославской губернии, в дворянской семье, там же получил и начальное образование. По дошедшим до настоящего времени источникам у Рафаила был брат, Кирилл, а его отец был успешным военным. Обучение Черносвитов продолжил в школе армейских подпрапорщиков, с 6 февраля 1826 г. служил во Владимирском пехотном полку, а 9 октября того же года ознаменовалось его переводом в Муромский пехотный полк (10, с. 47).

Очень любознательный, он стремился всячески расширять свой кругозор. Будучи в войсках, знал только грамоту, но постепенно сумел приобрести довольно большие познания в области естественных наук, уделяя внимание изучению иностранных языков.

Свою тягу к знаниям характеризовал так: *«Изъездивши огромные пространства по России и Сибири, я замечал все на пути моем; одаренный памятью и соображением, я удержал все виденное и слышанное, а любя беседу и разговор, я никогда не таил моих взглядов и убеждений...»* (10, с. 343).

В 1828—1829 гг. Черносвитов участвовал в антитурецкой кампании, за что был удостоен серебряной медали. В 1831 г. — в подавлении Поль-

ского восстания, за что получил орден Военных заслуг (Virtuti Militari) 4-й степени. При этом, в одном из последних сражений потерял ногу. 24 мая 1832 г., ввиду ранения и невозможности дальнейшего участия в военных действиях, вышел в отставку, однако сохранил за собой право носить мундир и получать пенсию.

Мало что можно сказать о жизни Черносивитова с 1832 по 1841 гг., однако в этот период он женился, начал обзаводиться полезными связями, приобретать первый капитал, в общем, заниматься всем тем, чем занимались в то время многие практичные люди. О жене Черносивитова известно, что звали её Анфисой и была она из разорившихся дворян как и сам Черносивитов.

След Черносивитова вновь появляется в 1841 г., в связи с его участием в подавлении восстания в Перми в качестве исправника. По свидетельству окружного лесничего М. С. Валевского, чиновники, казаки и верные правительству крестьяне держали осаду в Барневской церкви под предводительством *«исправника — отставного поручика Черносивитова, отличившегося своею храбростью в военных действиях 1830-х годов, причем он лишился ноги, однако ходил довольно бойко при помощи искусственного сапога, большую же часть употреблял костыль; иногда он даже ездил верхом»* (9, с. 323).

Однако, ни награжден, ни даже упомянут в рапорте губернатора Пермской губернии, Черносивитов не был. По его воспоминаниям, содействие начальника могло бы быть весьма кстати, да вот только его не было: *«Государь император, получив донесение в одно время о происшествиях в Оренбургской и Пермской губерниях, приказал объявить нам монаршее благоволение, причем, разумеется, начальник губернии поставил в списке себя, управляющего палатою и штаб-офицера корпуса жандармов Жадовского, поистине их тут никого не было; нас нельзя же было исключать...»* (1, с. 343). В итоге Черносивитов своей прямоотой вызвал начальника на конфликт, за что и получил тактичный намек, что рекомендуется ему службу свою покинуть.

В 1845 г. Р. А. Черносивитов приехал в Красноярск, решив заняться золотопромышленностью. В этом ему способствовал один из видных Красноярских золотопромышленников Голубков и его атташе Кузнецов. Они любезно приняли молодого человека с явными задатками к инженерному делу и предоставили ему работу главного инженера на золотых приисках «Голубков и Ко» (5, с. 87).

Черносивитов в Петербурге. Посещение петрашевских пятниц. Осенью 1848 г., находясь в Санкт-Петербурге, А. Р. Черносивитов впервые по-

падает на «пятницу» — довольно популярное в то время еженедельное собрание интеллигенции, частыми гостями которого были Ф. М. Достоевский, Аполлон Майков, Михаил Салтыков-Щедрин. Молодыми интеллигентами обсуждались разные передовые идеи в области социализма, науки и мирового прогресса. Нередки были и разговоры радикально левого содержания, обсуждались возможные меры реформирования управления империей.

Проходили встречи в небольшом деревянном доме Михаила Буташевича-Петрашевского, расположенного на месте дома 111—113 на ул. Садовой. Разумеется, Черносвитов, имевший страсть к расширению объёма своих знаний, не смог удержаться от посещения компании петрашевцев.

На «пятницах» Черносвитов сразу привлек общее внимание, оказавшись неплохим собеседником, умеющим вызвать абсолютно любого человека на разговор, переходя из крайности в крайность, затем успокоить и повести любой разговор в одно ему ведомое русло. Об этом свидетельствует фраза из воспоминаний Спешнева, члена кружка, дававшего показания против нашего героя: *«Недаром Достоевский после одного вечера, в котором участвовал Черносвитов, сказал о нем: «Черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет».* (6, с. 181).

Черносвитов выделялся крайне смелыми антиправительственными высказываниями, так что даже многие из петрашевцев подозревали его в шпионаже. Тот же Достоевский на следствии так объяснил, почему высказал такую догадку Н. А. Спешневу: *«Мне показалось, что в его разговоре есть что-то увёртливое, как будто, как говорится, себе на уме...»* (6, с. 181).

Вместе с тем, Достоевский отрицал, что Черносвитов помышлял об отделении Сибири от России и устройства там отдельной империи, и в отличие от своих революционных товарищей, в своих показаниях говорил уклончиво: *«Я встретил Черносвитова в первый раз у Петрашевского, никогда не выдав его прежде, и видел его не более двух раз...»* (3, с. 115).

Весной 1849 г. Черносвитов возвратился в Сибирь. Первую половину мая он провел в Красноярске, а после вновь уехал в Петербург для решения организационных вопросов.

23 апреля 1849 г. производились массовые аресты петрашевцев и всех тех, кто когда-либо посещал их собрания. На станции Камышёвской Омского района был арестован Рафаил Черносвитов (1, с. 343).

21 июля 1849 г. Черносвитов был доставлен в Петропавловскую крепость, где содержался в одном из казематов до суда и высылки в Кексгольм. 27 и 28 июля 1849 г. приговор военно-судной комиссии оставил его в «сильном подозрении», он подлежал отправке под надзор полиции в Кексгольм. Однако секретным сообщением было указано, что Черносвитов должен был жить непосредственно в крепости, а не в самом Кексгольме.

В заключении Черносвитов находился с декабря 1849 по декабрь 1854 г. Ввиду того, что он был отправлен с женой и сыном, местный начальник выделил для проживания семьи башню коменданта Кексгольмской крепости.

Благодаря неприхотливому и бойкому характеру, Черносвитов смог не только пережить заключение, но и сократить срок, показав правительству, что «есть еще порох в черносвитовских пороховницах» и, что может быть еще он полезен своему государству.

Деятельность в Кексгольме. Период заключения Черносвитова в крепости, возможно и не был самым приятным в его жизни, но стал плодотворным для нашего героя.

Во-первых, Черносвитов окончательно закончил чертёж «Черносвитовской ноги», той самой, которую дважды упоминает в своем романе «Идиот» Достоевский, протеза ноги, который в то время был настоящей инновацией: «...Ах да, с черносвитовскою ногой, говорят, танцевать можно»...Совершенно знаю-с; Черносвитов, изобретя свою ногу, первым делом тогда забежал ко мне показать...» (3, с. 177). Речь идет о генерале Иволгине, который, стараясь произвести впечатление, делится с князем Мышкиным, главным героем произведения, абсолютно вымышленными фактами.

Что же касается «Бесов», то в романе классик использует образ Черносвитова сразу в нескольких персонажах. Во-первых, «...хромой, лет сорока пяти, преподаватель в гимназии, очень ядовитый и замечательно тщеславный человек» (3, с. 381). Персонаж, который так и называется — хромой учитель, появляется лишь раз и практически никакой смысловой нагрузки не несет, но является прямой отсылкой к внешности Черносвитова и некоторым качествам его личности.

Во-вторых — Петр Верховенский, главный социалист романа «Бесы», является достаточно достоверной интерпретацией Достоевским образа Черносвитова. Например, Верховенский, так же как и Черносвитов обладал даром красноречия, умел так же умно и красиво говорить (3, с. 381).

В Кексгольме Черносвитов написал работу о воздушных кораблях, основываясь на опытах и испытаниях по конструированию управляемого человеком аэростата проведенных им еще до заключения и прерванных его арестом. Вышеупомянутая работа была напечатана в 1857 г. в «Морском сборнике». Следует отметить, что если бы не заключение, Черносвитов возможно смог бы закончить свою работу раньше Анри Жиффара, изобретателя дирижабля, совершившего испытания в 1852 г., и приобрести мировую известность. Работа даже после публикации была отвергнута императором, и поэтому дирижабли в России появились гораздо позже, только в XX в. Важную роль трактат Черносвитова сыграл только для Можайского, посчитавшего его дельной вещью и задавшегося целью создать летательный аппарат для военных нужд. К слову, самолёт Можайского был сконструирован и испытан в 1876 г. В 1855 г. в Петербурге вышла книга Черносвитова «Наставление к устройству искусственной ноги» (5, с. 87).

Во время ссылки Черносвитов познакомился с художником (имя, к сожалению, неизвестно), который сделал его портрет, тем самым создав единственное достоверное прижизненное изображение Черносвитова. Портрет экспонируется в музее Кексгольмской крепости на стенде, посвященном ее узникам.

В декабре 1854 г. Черносвитов был переведен в Вологду. По коронации 1855 г. был освобождён от присмотра официального, но тайная слежка продолжалась вплоть до смерти в 1868 г.

Статьи об освоении Сибири. По возвращении в уже ставшие ему родными просторы Сибири, Рафаил Черносвитов вновь занялся золотопромышленностью, совершая частные поездки по России. В этот период он жил в Иркутске.

Вскоре вышли несколько статей, под авторством нашего героя в «Иркутских губернских ведомостях», особую популярность сыскала статья «Освоение Сибири», где Черносвитов приводит достаточно интересный план возможного освоения Сибири, основываясь на конкретных фактах и используя свое знание эпохи.

Еще в Кексгольме, Черносвитов составил записку «Виды на Сибирь», в которой предлагал множество актуальных идей, касающихся освоения Сибири и значении Амура: «Если бы Амур был русский, что вероятно и будет когда-нибудь, то пароходы по Амуру привозили бы на стрелку (где соединяется Аргунь и Шилка) все произведения юга и востока. Калифорния под боком, Индия и Кантон тоже, и этот неизмеримый край, ныне пустой — ожил бы жизнью чудной» (11, с. 444).

Вполне возможно, что именно эта «прелюдия» к Айгунскому договору помогла Черносвитову сократить срок заключения. Вот, например, идеи, предложенные им: «*Россию отделяет от Байкала огромная полоса земли — через неё должна Россия торговать с Востоком и Америкой и даже с Индиями; в настоящее время невозможно и думать об этом пути, но если построить от Екатеринбурга до Иркутска дорогу, которую бы тяжёлые транспорты пробежали в 12 дней за дешёвую провозную оплату, то это дело получит вид новый*» (11, с. 445).

Черносвитов предлагал выделить для строительства железной дороги полосу от Екатеринбурга до Иркутска в 5 вёрст шириной и поселить на каждой версте 100 ревизских душ. Эти поселенцы и должны были проложить рельсовый путь, а затем разделить его на дистанции по 5 вёрст. На эти дистанции поселенцы будут выставлять лошадей, и каждая пара повезёт по рельсам 200 пудов со скоростью 10 вёрст в час. Автор предлагал правительству разрешить также всем желающим строить вдоль дороги гостиницы, фабрики и заводы. Впоследствии подобный план был использован Муравьевым-Амурским при налаживании коммуникаций на востоке Сибири (11, с. 448).

О суждениях Черносвитова в отношении Восточной Сибири писал Достоевский в своих показаниях Следственной комиссии по делу петрашевцев: «...Слова эти (Черносвитова, что "Восточная Сибирь есть отдельная страна от России и что ей суждено быть отдельною империею") припоминаю; но только не помню, чтобы Черносвитов давал им подобный смысл. Он говорил, что восточный край Сибири действительно страна как бы отдельная от России, но, сколько я припомню, в смысле климатическом и по особенной оригинальности жителей. Такого же резкого суждения, что Сибири суждено быть отдельною империей, — я решительно не слыхал от Черносвитова, и такого смысла в словах его, по моему мнению, не заключалось...» (3, с. 115).

Участие в подготовке Айгунского договора. По просьбе губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, Черносвитов занимался подготовкой Айгунского мирного договора с Китаем, опираясь на свои записки «*Виды на Сибирь*».

Черносвитов писал старательно и кропотливо, грамотно используя свой дар красноречия, знание географии Амурского края и ранее упомянутые им еще в «*Видах на Сибирь*» проекты. По завершении вышел отличный нормативный акт, который практически без правок был отправлен с Петром Перовским, российским послом в Китай (8, с. 237).

Договор фактически пересматривал ранее подписанный Нерчинский договор 1689 г., который впервые согласовал границу между Китаем и Россией. Предметом договора было установление российско-цинской границы (тогда в Китае правила империя Цин).

Стороны соглашались, что левый берег Амура от реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы. Плавание по Амуру, Сунгари и Уссури было разрешено только российским и китайским судам и запрещено всем остальным.

Существует множество мнений, почему же все-таки китайский главнокомандующий И-шань подписал этот явно неравный договор, однако я склонен считать, что правильная форма оформления документа, усталость от многолетних распрей, наконец, желание обеих сторон теснее сотрудничать друг с другом сыграли решающую роль.

Итак, после подписания акта И-Шанем, его подписал и китайский император. Наступил момент долгожданного триумфа, Николай Николаевич Муравьев получил титул Амурского, но никто не упомянул имя Рафаила Александровича Черносветова. Справедливо? Не знаю.

С одной стороны наш герой открыто распространял социалистическую пропаганду, не стесняя особо себя в выражениях, числился одним из участников «Дела петрашевцев», однако с другой стороны событие подобного масштаба так или иначе должно было быть вознаграждено.

Возможно, что он был каким-либо образом отмечен генерал-губернатором Восточной Сибири графом Муравьевым, к тому времени уже Муравьевым-Амурским. Зная о том, что наш герой патриотически настроенная, гордая личность, привыкшая получать желаемое, он, вероятнее всего, как и любой другой человек, совершивший что-то достойное, в первую очередь получил удовольствие моральное.

В 1860 г. в виде дополнения к Айгунскому трактату вышел Пекинский договор, присоединивший к территориям России Уссурийский край. Авторство документа неизвестно, но резонно предположить, что создателем его вполне мог быть тоже Черносветов.

«Сибирь — это больше чем Эльдorado, Колорадо и Клондайк вместе взятые! Повернём сибирские реки, построим Парижы и Римы, что тогда станет с Европой!», считал Черносветов и даже думал о разделении империи по уральскому хребту (12). Это свидетельствует о том, что было у нашего героя еще много интересных идей.

Последние годы своей жизни Черносивитов жил в Иркутске, однако так и не смог привести свои дела в порядок, несмотря на многочисленные непрерывные попытки и помощь друзей. В 1868 г. он скончался, оставив семью практически без средств. Похоронен в Красноярске, городе, хотя и не родном для него, но близким по духу и особенно любимом. Семья осталась в Красноярске и с тех пор берет начало новая ветка древнего рода Черносивитовых — Сибирская ветвь.

В 2010-е годы в интернете начали появляться статьи иркутчан и красноярцев, утверждавших о том, что найден истинный автор Айгунского договора. Так слава, пускай и не масштабная, наконец, нашла своего героя.

Причиной этих статей стала глава «Александр Кириллович Черносивитов из рода меланхленов» из книги «Tchernosvitov», написанной Михаилом Черносивитовым, проживающим во Франции. Статья размещена на сайте Евгения Черносивитова, далекого потомка Р. А. Черносивитова, профессора, заведующего кафедрой, консультанта-психиатра, психотерапевта, одного из основоположников социальной медицины и социальной юриспруденции в России.

Помимо прочего мне удалось найти немного сведений о сыне Рафаила Александровича Черносивитова — Кирилле, включая его портрет. Сын Рафаила Александровича, Кирилл Рафаилович окончил Петербургскую ветеринарную академию и служил ветеринарным инспектором в Тверской губернии. Запомнился, как строгий, бескомпромиссный чиновник.

Заключение. В ходе работы удалось сопоставить информацию из различных исторических источников, создав тем самым максимально подробную и достоверную биографию Р. А. Черносивитова.

Используя достоверные факты из жизни нашего героя, выстроенные в хронологическом порядке и тщательно отсортированные, мною было составлено немало предположений и теорий на тему «Рафаил Александрович Черносивитов — человек своей эпохи».

Черносивитова действительно можно назвать человеком своей эпохи. Его эксперименты в области инженерии соответствовали веяниям века. Он был образован, смыслил в модных социальных движениях и выступал хорошим собеседником, что особенно было важно для XIX в., «века разговоров о главном».

Жизнь свою Рафаил Черносивитов прожил достойно, совершив много важных дел. Смог добиться признания, хоть и небольшого, в качестве инженера, принять участие в войне и подавлении двух восстаний,

а также одержать, пусть и незримую победу на политическом поприще (подготовка Айгунского договора).

Наш герой был личностью яркой. Поражает, сколько различных идей, осуществленных и утраченных, роилось в его голове. Еще множество вопросов требуют ответа, а значит, изучение данной темы должно продолжиться.

II. ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Он «памятник воздвиг себе нерукотворный»: жизненный и профессиональный путь Андрея Ипполитовича Вилькицкого

Менгель Виктория,

11 класс ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2015 г.

Настоящая работа посвящена талантливому гидрографу-геодезисту, ученому, исследователю Арктики, члену Императорского Русского Географического общества Андрею Ипполитовичу Вилькицкому.

Актуальность темы заключается в привлечении внимания к личности, знакомой только специалистам и малознакомой моим сверстникам.

В ходе работы удалось познакомиться с Записками, Отчетами и Известиями Русского Географического общества, в которых содержится материал по деятельности А. И. Вилькицкого. Была проведена работа с архивными материалами РГА ВМФ, архива РГО, а также семейного архива И. С. Тихомировой — правнучки Вилькицкого.

В работе использовалась книга Комарицына А. А. «История гидрографической службы Российского флота», выпущенная в 1997 г. и содержащая материалы по биографии и деятельности А. И. Вилькицкого, некролог «Памяти А. И. Вилькицкого», написанный К. Мордовиним в 1913 г. В 2013 г. вышла книга Н. И. Евгенова, В. Н. Купецкого «Полярная экспедиции на ледоколах Таймыр и Вайгач 1910—1915», которая познакомила с историей экспедиции, в деятельность которой внес немалый вклад А. И. Вилькицкий.

От гардемарина до генерал-лейтенанта. Путь, который прошел Вилькицкий в морской службе от гардемарина до генерал-лейтенанта, нельзя назвать простым и легким. Выходец из потомственной дворянской семьи Борисовского уезда Минской губернии, он родился 1 июня 1858 г., рано остался без матери. Его отец был военным, мачеха относилась к нему и остальным детям мужа-вдовца пристрастно: *«человек она была неплохой, но детей мужа не любила»* (3). Сразу после окончания гимназии, уехал в Петербург, где начал учебу, предшествующую его будущей карьере.

В 1875 г. начал службу юнкером в Балтийском флоте, обучаясь в специальном юнкерском классе Морского корпуса, был зачислен в 8-й флотский экипаж. Через два года переведен в гардемарины по приказу Его Императорского Величества Генерал-Адмирала за № 48, в 1878 г. стал мичманом (2, л. 21—28).

На этом обучение Вилькицкого не закончилось: в августе 1878 г. он стал слушателем Николаевской Морской Академии, которую блестяще окончил в 1880 г. (2, л. 21—28). Позже с 1885 (с перерывами до 1908 г.) преподавал там астрономию. Интересный факт отмечается слушателем его лекций — К. П. Мордовиным: *«Обхождение Андрея Ипполитовича с нами, слушателями, было чисто товарищеское, лишенное всякого педантизма, однако без оттенка дешевого популярничанья и когда нужно в меру требовательное...»* (8).

Много фактов дает Послужной Список Вилькицкого, хранящийся в РГА ВМФ. Отсюда мы узнаем, что свои первые гидрографические исследования на Балтийском море Вилькицкий выполнил в 23 года. В течение 1882—1885 гг. летом у него была практика, он возглавлял гидрографическую партию на Онежском озере, зимой обучался теории: высшей геодезии и практической астрономии в Пулковской обсерватории. О Пулкове, своей alma mater, всегда отзывался с любовью и уважением.

В 1883 г. *«Высочайшим приказом по флоту произведен по линии в Лейтенанты»*, а через год был пожалован орденом Святого Станислава 3-ей степени» (2, л. 21—28).

В 1886 г. Вилькицкий был назначен младшим делопроизводителем Главного Гидрографического управления. С этого года началась дорога от «младшего делопроизводителя низшего оклада» до начальника Главного Гидрографического Управления (ГГУ). В 1891 г. временно исполнял должность старшего делопроизводителя ГГУ, потом был назначен на эту должность (2, л. 21—28).

В декабре 1901 г. Вилькицкий стал исполняющим делами помощника начальника ГГУ. В 1903—1904 гг. замещал начальника ГГУ по причине отъезда последнего для осмотра маяков Каспийского, Черного и Балтийского морей. С 1907 г. и до конца жизни руководил Главным Гидрографическим управлением (2, л. 21—28).

На этом посту многое сделал для обеспечения безопасности плавания у морских берегов России: способствовал учреждению Корпуса гидрографов, изданию новых морских карт, строительству маяков, знаков и створов, учреждению в Петербурге мастерской мореходных

инструментов, изданию лоций морей России, созданию и оборудованию мерных линий, организовал при ГГУ Штурманский офицерский класс, разработал проект систематических описей всех морей России и десятилетний план перестройки маяков (5).

Андрей Ипполитович Вилькицкий был чутким и внимательным отцом, а самое главное любящим. Из четырех детей А. И. Вилькицкого самым знаменитым стал Борис. Он пошел по стопам отца, положив свою жизнь на пьедестал гидрографии и мореплавания. Но обстоятельства, сложившиеся в 1920-м г., вынудили Б. А. Вилькицкого покинуть страну и эмигрировать в Англию.

Большое впечатление производят письма, написанные дочерью Вилькицкого — Верой, она очень нежно и ласково отзывается о своем отце. По ее свидетельствам, он «никому, даже матери, не доверял измерение температуры и дачу лекарств», читал своим детям сказки, к тому же пел им песни «хотя голоса у него не было» (3).

За все свои заслуги он получил ответную любовь и уважение: «Очень мы все дети его любили, уважали и боялись огорчить» (3).

Его заботу и внимание отмечали не только родные, но подчиненные и вообще люди, которые его когда-либо окружали: «К нуждам самых маленьких из них (подчиненных), сторожей, рабочих, мастеровых, он относился с таким вниманием, которого они обыкновенно не видят в самых ближайших, непосредственно над ними стоящих служащих. Зачастую он лично посвящал массу времени обсуждению их интересов, разборку их жалоб или претензий и всегда стоял на страже справедливости и законного удовлетворения их потребностей» (8).

Первые научные исследования. В 1887—1889 гг. Вилькицкий произвел первые измерения ускорения силы тяжести на Новой Земле и по угле параллели 52° (Орел, Липецк, Саратов); определил по телеграфу разность долгот Архангельск — Пулково и Енисейск — Красноярск (5, с. 137).

За проведенные наблюдения и достигнутые результаты награжден в 1888 г. орденом Св. Анны 3 степени, в 1891 г. орденом Св. Станислава 2 степени.

Все его исследования запечатлены в научных трудах, называемых «Наблюдения над качаниями поворотных маятников Репольда». Эти наблюдения проводились в период с 1887 по 1894 г. в семи точках России: на Новой Земле и в Архангельске (1887), в Орле, Липецке и Саратове (1889), в Кишиневе и Александровске (1892).

Гидрографическая экспедиция по изучению устьев рек Енисея, Оби и части Карского моря. В 1894—1896 гг. в чине подполковника Вилькиц-

кий возглавил Гидрографическую экспедицию по изучению устьев рек Енисея, Оби и части Карского моря. Командуя отрядом экспедиционных судов, плавал на пароходе «Лейтенант Овцын». В ходе экспедиции произведены исследования от устья Печоры до Енисея, в Енисейском заливе и Обской губе. В 1897 г. за отличие по службе произведен в чин полковника КФШ (7, с. 70—71).

Казалось бы, предыдущие экспедиции XVIII в. добыли информацию об исследуемых территориях, все обширное пространство было нанесено на карту. Но все же, это было неточно. Поэтому были необходимы новые исследования для уточнения и изменения предшествующих. Астрономические определения Норденшельда, выявленные в ходе его плаваний в 1875—1878 гг., показали, что неверность в положении на картах берегов достигала иногда 40 миль (4).

Исходя из отчетов Вилькицкого, видим, что экспедиция была очень трудной: уже вначале встретились с распутицей и нехваткой топлива. В своей работе он описывает ландшафт береговой линии Северного Ледовитого океана, население, их занятия и быт.

Итогом данной экспедиции являлось то, что были уточнены береговая черта, наличие и местоположение паковых льдов, протяженность постоянного припая, нанесены на карты сотни ориентиров, навигационных опасностей и выставлены десятки навигационных знаков.

Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. В 1889—1901 гг. Вилькицкий был начальником Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, исследовавшей пролив Югорский шар и лиман Печоры. Он составил карты этих районов, способствовавшие установлению регулярных пароходных рейсов из Архангельска на Печору и в Югорский Шар (16).

Помимо картографического материала, полностью сохраняющего свое значение и в настоящее время, работы дали обширные сведения о физических свойствах охваченных ими районов.

В марте 1896 г. А. И. Вилькицкий пожалован серебряной медалью в память Царствования Императора Александра III (2, л. 21—28). Эта медаль была утверждена, чтобы наградить все чины, находившиеся на действительной службе во время правления Александра III.

В 1896 г. работы Вилькицкого были высоко оценены Николаем II: *«Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 114 изъявлено Высочайшее благоволение за произведенный Государем Императором 27 марта (1896 года) в Залах Зимнего дворца осмотр гидрографических и картографических работ, найденных в отличном исполнении»* (2, л. 21—28).

В 1898 г. А. И. Вилькицкий был назначен Начальником гидрографической экспедиции Северного Ледовитого Океана (2, л. 21—28).

5 марта 1899 года, как гласит «*Полный послужной список*», «*конференцией Императорской Академии Наук по представлению Директора Николаевской Главной Физической Обсерватории, предоставлено звание члена-корреспондента названной Обсерватории за оказанную науке и Обсерватории пользу, с правом ношения Высочайше утвержденного для сего звания нагрудного знака*» (2, л. 21—28).

В 1905 г. принял участие в организации экспедиции от Министерства путей сообщения по Северному морскому пути на Енисей, командовал караваном из 22 судов при прохождении через пролив Югорский Шар до устья Енисея (16).

Последние годы жизни. В октябре 1904 г. за свои заслуги А. И. Вилькицкий был пожалован Французским орденом Почетного Легиона Командорского креста. В этом же году была «*объявлена Государем Императором Высочайшая именная благодарность за особые труды по успешному изготовлению судов 2 эскадры флота Тихого океана к плаванию*» (16).

В декабре 1906 г. пожалован орденом Св. Станислава 1 степени. А через 4 года — орденом Св. Анны 1 степени. А за год до этого А. И. Вилькицкий был произведен в генерал-лейтенанты «с утверждением в должности начальника Гидрографического управления» (16).

Будучи начальником ГГУ участвовал в организации экспедиции по Северному Ледовитому океану (1909—1913), начальником которой являлся его сын Б. А. Вилькицкий. Деятельность по организации экспедиции началась после русско-японской войны в 1904—1905 гг., когда была создана комиссия под председательством А. И. Вилькицкого. В 1909 г. началось снаряжение экспедиции. Именно в этой экспедиции, благодаря доблести офицеров, удалось изучить и сделать доступным для навигации Северный Морской путь: «*Успешность экспедиции явилась итогом многолетних усилий, предпринимавшимися передовыми деятелями науки С. О. Макарова, Д. И. Менделеева и А. И. Вилькицкого*» (11).

По инициативе А. И. Вилькицкого в 1912 г. был учрежден Корпус Гидрографов при ГГУ для обеспечения безопасности мореплавания. А через год, в 1913 г., Андрей Ипполитович Вилькицкий был зачислен в Корпус Гидрографов со званием гидрографа-геодезиста, произведен в полные генералы Корпуса гидрографов и уволен со службы по болезни (7, с. 70—71). Последние годы жизни Андрей Ипполитович Вилькицкий посвятил организаторской и управленческой деятельности.

26 февраля 1913 г. Андрей Ипполитович Вилькицкий скончался. Похоронили его на Смоленском Православном кладбище. Это было очень тяжелым событием для многих людей, когда-либо знавших Вилькицкого. О его последних годах жизни Мордвин писал: «...представляют собой картину жестокой борьбы энергии духа с упадком физических сил» (8).

К. П. Мордвину принадлежит и известная фраза, написанная в этом же некрологе: «Он беречь своих сил не умел» (8). Такая короткая фраза, но она позволяет нам понять всю его жизнь.

О жизни Андрея Ипполитовича Вилькицкого напоминают многие места Петербурга — носители истории: Николаевская Морская Академия, куда он поступил, приехав в Петербург; Пулковская обсерватория; Зимний дворец и Адмиралтейство; Русское Географическое Общество и Охта, куда переехало Главное Гидрографическое Управление и где находились мастерские мореходных инструментов. Это и его дом на набережной Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), д. 96, семейная дача в Парголово.

Его именем названы залив, ледник и два мыса на Новой Земле, остров у полуострова Ямал и острова в архипелаге Норденшельда, остров на Новосибирских островах.

Хотелось бы закончить изыскания словами Константина Павловича Мордовина, ученика Андрея Ипполитовича Вилькицкого: «Идейное наследие выдающихся талантов может дать достаточный материал для плодотворной деятельности целых поколений. Нужно только уметь использовать это наследие, понять его значение и смысл, оценить его и приумножить новыми наращениями...» (8).

III. СОВРЕМЕННОКИ А. С. ПУШКИНА

Церковный иерарх и историк Евгений Болховитинов (петербургский период)

Илона Жабенко,

10 класс,

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Наталья Павловна Столбова.

Работа 2009 г.

Работа посвящена петербургскому периоду жизни церковного деятеля Евгения (Болховитинова). С этой неординарной и выдающейся личностью я познакомилась, когда писала работу «Новгородские встречи Г. Р. Державина», посвященную дружбе Болховитинова и Державина.

Евгений (Болховитинов) родился 18 декабря 1767 г. в Воронеже. Окончил Воронежскую семинарию и как лучший ученик был отправлен для продолжения образования в Московскую Славяно-греко-латинскую академию. Одновременно с занятиями в академии слушал лекции в Московском университете. В 1793 г. был рукоположен в сан священника. После того, как лишился в 1798 г. троих детей, а год спустя овдовел, принял монашество. Это произошло в Петербурге, куда он уехал в 1800 г. В этом же году назначен префектом Александро-Невской академии. А в 1804 г. рукоположен в епископа Старорусского. Затем был епископом Вологодским (1808), Калужским (1813), архиепископом Псковским (1816), митрополитом Киевским (1822). Скоропостижно скончался в 1837 г., был по завещанию погребен в Софийском соборе Киева.

Петербургский период жизни Евгения (Болховитинова), в первую очередь — 1800—1804 гг. В эти годы церковный деятель жил и работал в Петербурге. Петербургский период, это и последующие годы, в которые Болховитинов поддерживал творческие связи с Петербургом и был связан с ним по роду деятельности.

При создании работы использована литература из фондов Российской Национальной библиотеки и других библиотек города. Одним из основных источников явились письма Болховитинова к его другу В. И. Македонцу, опубликованные в Русском архиве за 1870 г. Письма, в которых он описывал свои чувства, действия, давал свою оценку событиям и современникам, как нельзя лучше помогают раскрыть характер Евгения.

Также при написании работы были использованы труды А. М. Аббазова «Житие митрополита Евгения» и «Из родословной Евфимия Алек-

сеевича Болховитинова», «Воронежский край XVIII века в описаниях современников», в которых конкретно говорилось о жизни Евгения (Болховитинова) и частично о петербургском периоде. Эти труды были одними из ключевых при формировании «скелета» работы.

При освещении деятельности Болховитинова в Румянцевском кружке была использована переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером Николаем Петровичем Румянцевым и некоторыми другими современниками, где они обсуждали различные вопросы, планировали издание книг.

При написании работы были использованы и многие другие источники, с которыми можно ознакомиться в списке литературы.

Евгений (Болховитинов) — префект и преподаватель Александро-Невской академии. Петербургский период жизни Е.А. Болховитинова, незадолго до этого перенесшего личную трагедию — потерю жены и троих детей, начался в марте 1800 г. В Петербург он был приглашен в 1799 г. главой Санкт-Петербургской епархии митрополитом Амвросием (Подобедовым). О своем прибытии в Петербург архимандрит Евгений так писал своему другу Г.А. Петрову в Воронеж 12 марта 1800 г.: «...3-го явился я в Невской и того же числа определен Академии Префектом и учителем Философии и Красноречия...» (5, с. 74—75).

В Александро-Невской Свято-Троицкой Лавре на него возложили обязанности: префекта Александро-Невской духовной академии, преподавателя философии и высшего красноречия, а впоследствии — богословия и истории.

9 (22) марта того же года Е.А. Болховитинов пострижен был в монашество и наречен именем Евгений. «Четыре дня только я погулял бельцом. А 9 мая монахи, как пауки затащили в Утреню, опутали меня в черную рясу, мантию и клобук. Имя я себе выбрал Евгений...» (3, с. 771).

В архимандриты Зеленецкого монастыря, находящегося неподалеку от Санкт-Петербурга, Болховитинов был посвящен 11 марта 1800 г. 15 марта того же года был определен присутствующим в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию.

В должности префекта духовной академии Болховитинов состоял в 1800—1804 гг. Его четырехлетнее состояние в должности было ознаменовано новшествами в преподавании. Болховитинов впервые ввел в программу обучения работы по истории Русской Православной церкви. (11, с. 297). Приучая студентов к самостоятельной деятельности, ввел публичные чтения студенческих работ. До него такой практики в Академии не было.

Подготавливая лекции, Болховитинов работал в академической библиотеке, где имелись многочисленные рукописи и книги, из которых Евгений (Болховитинов) делал выписки, составлял описания наиболее ценных и интересных экземпляров, определял даже время происхождения некоторых рукописей.

Будучи архимандритом Зеленецкого монастыря и выполняя поручения митрополита Амвросия, Евгений Болховитинов составил записку «О незаконности и неосновательности Папской власти в Церкви Христовой», вызванную проектом о соединении православной церкви с католической.

Евгений (Болховитинов) — архимандрит Троице-Сергиевой пустыни. 27 января 1802 г. Евгений (Болховитинов) был переведен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни. Приморская Троице-Сергиева пустынь (пустынь — уединенное поселение отшельников), как обычно называли монастырь, сегодня — Свято-Троицкая Сергиева Приморская мужская пустынь — имеет свою давнюю историю.

В 1732 г. был подписан указ о передаче пустовавшей Приморской дачи сестры императрицы Анны Иоановны на Петергофской дороге, «Троицкому Сергиеву монастырю и Архимандриту Варлааму, и кто по нем, в оной обители, Архимандриты будут в вечное владение». Архимандрит Варлаам (Высоцкий), духовный отец Анны Иоановны, был наместником Троице-Сергиевой Лавры под Москвой.

Скромная обитель занимала небольшой участок на берегу Финского залива. Она была обнесена деревянной оградой с угловыми башнями. На центральной площади стояла деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы. По обеим сторонам церкви — монашеские кельи и каменный дом настоятеля.

В царствование Елизаветы Петровны монастырь преобразился. По проекту Ф.Б. Растрелли в 1756 г на месте старой церкви был заложен пятиглавый Свято-Троицкий собор, в 1756—1758 гг. возведена церковь преподобного Сергия Радонежского, а также новые монашеские кельи, каменные, вместо деревянных, стены и башни.

Вот как описывает свой приезд в пустынь и первые свои впечатления сам архимандрит Евгений: «6 февраля 1802 года. С.-Петербург... Из Зеленецкого монастыря меня перевели в Сергиеву пустынь, что на Петергофской дороге... 2-го февраля я со звоном туда въехал, служил и монастырь принял в управление, разумеется по титулу. Поглядел на море из настоятельских прекрасных покоев; посидел в том покое, где в 1762 г. июня 28 сидела Екатерина II... — Там донныне висит ее портрет...» (3, с. 823).

Продолжая служить в Духовной академии, деятельность в которой занимала много времени, в пустыни архимандрит бывал редко: «13 мая 1802 года С. П. Бург. Нас бедных редко и в Пустыню отпускают: представьте, только дважды со Святой был я там. Зато и дома я по-пустыннически живу — никуда вон ногою» (3, с. 823).

В эти годы Болховитинов активно занимался творчеством. Причем, был внимательным слушателем и записывал интересные «разговоры». Так, из бесед с грузинским преосвященным Варлаамом получилась книга об истории Грузии.

В письмах Болховитинова не содержится хозяйственных или иных забот о пустыни, напротив, он восхищается природой и наслаждается одиночеством. 6 мая 1803 г. писал: «Я дважды уже был в своем земном рае — Пустыне. Зелень и сады вокруг, море играет и тихими волнышками умывает берега с плесканьем... В следующее воскресенье опять буду в Пустыне с некоторыми из здешних приятелей» (3, с. 823).

Заботами Болховитинова в «аристократической» пустыни были и приемы высокопоставленных гостей — членов Священного Синода и митрополита, устраиваемые в дни церковных праздников: «...5 июля был у меня здесь праздник, и обедали члены Синодальные, а митрополит и служил...» (3, с. 827).

Из писем следует, что в это же время архимандрит Евгений активно работал в Академии — «...11-го же числа я исправлял в Академии диспуты. Все сие измучило меня». И дальше — отношение к своему подвижническому труду и оценка окружающих: «...Вы дивитесь, что я за нищенский комитет ничего не получил. Да когда же я что-нибудь за труды получал? Во всю мою жизнь судьба моя была работать, а не получать за работу награды, а если что и получил я, то совсем не за труды, а как то по случаю...» (3, с. 828).

Двухгодичное пребывание Болховитинова в должности архимандрита Троице-Сергиевой пустыни, закончилось назначением его на пост Новгородского викария.

8 января 1804 г. он писал в Воронеж Македонцу: «...Спешу уведомить вас, что 1-го Января сего Нового года Промыслом Божиим...пожалован я в звание Новгородского викария...» (3, с. 834).

То недолгое время, когда Троице-Сергиевой пустыню руководил Евгений (Болховитинов), не отмечено какими-либо крупными хозяйственными или иными начинаниями. Издревле пустынь поддерживалась богатыми дворянскими фамилиями, ее кладбище было местом семейного погребения многих известных родов, поэтому архимандриты

Пустыни, в том числе и Болховитинов, не имели особых затруднений. Безусловно, Болховитинов, выполнял те обязанности, которые выполняли до него и после другие настоятели, и выполнял успешно.

Болховитинов и Румянцевский кружок. Румянцевский кружок — содружество историков, археографов, филологов, объединившихся вокруг мецената, любителя древностей, собирателя книг и рукописей графа Н. П. Румянцева. Сюда входили Н. Н. Бантыш-Каменский, Ф. Круг, А. Ф. Малиновский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. Х. Востоков, П. П. Кеппен. Членом Румянцевского кружка был и митрополит Евгений (Болховитинов).

Особняк Румянцева на Английской набережной, по праву связан с развитием российской науки. Первый каменный дом на этом участке невской набережной появился в 1740-х гг. и принадлежал князьям Голицыным. В 1802 г. особняк приобрел граф Н. П. Румянцев (1754—1826). В 1814 г. Румянцев вышел в отставку и занялся изучением отечественной истории. Он объединил вокруг себя ученых, исследовательская деятельность которых увенчалась изданием нескольких десятков книг и созданием музея древностей. Впоследствии это объединение было названо «румянцевским кружком», а дом стал «центром наук» и «храмом муз».

Евгений (Болховитинов) начал активно работать в «Румянцевском кружке», будучи Новгородским, потом Вологодским епископом. Будучи в Новгороде, а потом в Вологде, Болховитинов обследовал древние церкви, изучал древности, публиковал и комментировал исторические документы и литературные записки, занимался местной и церковной историей.

Во время приездов по службе в Петербург он встречался с Румянцевым и другими «учеными мужьями», представлял свои труды, участвовал в обсуждениях, интересовался деятельностью «братьев по разуму», участвовал в общих начинаниях.

В начале 1810-х гг. в составе группы «Румянцевского кружка» готовил к изданию многотомный труд — «Собрание государственных грамот и договоров», хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел, содержащее основные материалы по истории внешней политики и дипломатии. Первый том «Собрания» вышел лишь в 1813 г., а последний, четвертый том увидел свет в 1828 г.

Получив назначение в Псковскую епархию 7 февраля 1816 г., Болховитинов не забыл своего духовного друга и поддерживал с Румянцевым отношения. По приезде в Псков Евгений (Болховитинов) приступил к составлению «Истории княжества Псковского», не ограничиваясь

русскими летописными источниками, но привлекая Лифляндские хроники, книги «Лифляндские, Эстляндские и Курляндские». Есть сведения и об использовании Болховитиновым в этой работе немецких источников. Помог в получении необходимых книг и документов граф Н. П. Румянцев: он, например, снабдил Евгения ценными материалами из Кенигсбергского архива, выписками из Польского Гербовника (7, с. 92).

Творчество «петербургского периода». В годы своего пребывания в столице отец Евгений продолжал углубленные научные занятия, много писал... В 1802—1803 гг. в Петербурге были созданы и опубликованы: «Церковный календарь или полный месяцеслов...», «Историческое исследование об иерархах Российской церкви», «Историческое изображение Грузии...».

В 1804 г. вышли в свет «Рассуждение о соборном деянии, бывшем в Киеве в 1157 году...», «Рассуждение о начале важности и знаменования церковных облачений», «Рассуждение о книге, именуемой православный истолкователь веры киевским митрополитом Петром Могилою»... Тогда же было написано около 60 статей в 7 томах «Географического словаря» Щекатова и Максимовича (о славянских племенах, кочевниках, о первых славянских городах...) (1, с. 53).

Кроме указанных произведений за время пребывания в Петербурге архимандритом Евгением написаны: «Церковная история, читанная в Академии», «Записка о разговоре с двумя духоборцами» — эти работы связаны с его деятельностью и современной историей.

«Историческое исследование о соборах Российской церкви», «Историческое рассуждение о переводе словенской библии», «Памятный церковный календарь», «Исторический отрывок о Иоанне Спириде, полочанине, придворном враче Владимира I, великого князя Киевского», «Историческое рассуждение о чинах Грекороссийския церкви», работы, посвященные древней истории.

Литература, написанная архимандритом Евгением за такой короткий срок, поражает прежде всего своею многочисленностью. Трудно даже представить, каким одаренным ученым и писателем был Евгений Болховитинов, какими энциклопедическими знаниями, какой работоспособностью он обладал!

Трудом всей жизни Евгения (Болховитинова) было создание «Словаря русских писателей», безусловно, связанное с Петербургом, так как со многими писателями, живущими там, Болховитинов встречался или состоял в переписке. Он вел обширную переписку, стараясь собрать и зафиксировать возможно больше имен и фактов. Статьи «Словаря»

в ряде случаев основаны на автобиографиях писателей — современников Болховитинова, иногда биографические данные были взяты у их близких. Работая над словарем, уже будучи в Новгороде, Болховитинов познакомился с Г. Р. Державиным, дружба с которым продолжалась вплоть до смерти последнего.

С мая 1805 по 1808 гг. Болховитинов регулярно посещал Званку — имение поэта. Он жил между нею и Новгородом в Хутынском монастыре, где частенько бывал и сам Гавриил Романович. Переписка их продолжалась до самой смерти поэта.

«Отец русских поэтов» посвятил церковному служителю поэму «Евгению. Жизнь Званская». Это была хроника только одного дня, заполненная важными и неважными делами, подсвеченная различными воспоминаниями и предчувствиями поэта. Одновременно это картина жизни и быта русской усадьбы в мельчайших подробностях. Отставной министр, опальный сановник и бич вельмож, гуляя по саду «между лилий и роз», рассказывал о прожитой жизни. Заканчивая свое послание к Болховитинову, поэт выражал надежду, что тот разбудит потомков словами: «Здесь бога жил певец, Фелицы».

В свою очередь Е. А. Болховитинов дал в словарь светских писателей одну из первых биографий Г. Р. Державина на 15 страниц. Характеризуя «Словарь русских светских писателей» издатель М. П. Погодин писал, что: «...Евгений сочинением двух словарей своих — писателей русских духовного чина и светских — положил твердое основание истории и словесности русской» (2, с. 99).

События петербургской жизни, в которых принимал участие Евгений (Болховитинов) и дальнейшие связи с Петербургом. Болховитинов был участником или свидетелем многих исторических событий, происходивших в Петербурге. 12 мая 1800 г. он шел среди духовенства за катафалком с гробом А. В. Суворова и спустя всего два дня описал всю церемонию в послании к своему знакомому. Вот отрывок из письма к В. И. Македонцу, касающийся императора Павла I: «Мы шли по Сенной бессменно до Лавры. Едва вышли на Невский проспект близ Гостинного ряду, как вдруг увидели государя ожидающего церемонии верхом на лошади при углу Гостинного двора. Мы поклонились и он соответствовал, а потом сделал честь и гробу. Мы потянулись к Невскому, а он куда изволил поехать не видали» (3, с. 778).

3 сентября 1801 г. архимандрит Евгений участвовал в коронации императора Александра I, за что был пожалован алмазным наперстным крестом (3, с. 802).

В 1803 г. Болховитинов участвовал в праздновании 100-летия основания Петербурга. Столетие Петербурга официально отмечалось 16 мая 1803 г. В этот день с утра войска столичного гарнизона (22 батальона пехоты и 13 эскадронов кавалерии) были выстроены на площади перед Зимним дворцом, по улицам вдоль Главного Адмиралтейства вплоть до Исаакиевской площади, Синего моста и здания Сената. На Неве стояли корабли Балтийского флота, в том числе стопушечный корабль «Архистратиг Гавриил», на палубе которого был установлен ботик Петра I — «Дедушка Российского флота». В Исаакиевском соборе состоялось торжественное богослужение — литургия, во время которой префект Духовной академии Евгений Болховитинов произнёс «Торжественное слово». Во время литургии произведён троекратный салют орудиями Петропавловской крепости, Адмиралтейской крепости и ружейными залпами войск гарнизона. Затем войска церемониальным маршем проследовали по Английской набережной к Петровской площади (Сенатская площадь), на которой состоялся парад. После парада депутация «именитого купечества» преподнесла в Зимнем дворце императору Александру I памятную золотую медаль. Вечером 16 мая все императорские дворцы, обе крепости, домик Петра I, корабли на Неве и все «казённые» здания были иллюминированы. 17 мая Сенат в полном составе в сопровождении духовенства отправился в Петропавловский собор, где митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, отслужив панихиду перед гробом Петра I, возложил золотую медаль с изображением головы Петра I на его надгробие — «от лица России, благословляющей великие его начинания...». Торжества были отмечены в городе трёхдневным праздничным колокольным звоном, разного рода театральными представлениями и народными гуляниями.

В 1806 г. Болховитинов за труды в области церковной истории был избран в действительные члены Российской академии наук.

В 1810 г. — членом Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств; в 1811 г. — почетным членом и соревнователем Санкт-Петербургского общества любителей русского слова. Тогда же, он активно сотрудничал с Румянцевским кружком. С 1814 г. — член Санкт-Петербургской духовной академии. В 1818 г. Болховитинов был возведен в сан митрополита и стал членом Священного Синода. С 1818 г. — член Санкт-Петербургского Вольного общества русской словесности. В 1818 г. был назначен членом комиссии по составлению законов Российской империи. С 1829 г. — член Санкт-Петербургского университета.

В декабре 1824 г, после пятнадцатилетней службы в Киеве, Болховитинов был вызван в Петербург, где более года занимался в Священном Синоде делами церковного управления, участвовал на заседании Синода по поводу изменения церковных законов. Также в столице он решал вопросы совершенствования учебного процесса Киевской академии.

В день восстания декабристов 14 декабря 1825 г. по «высочайшему поручению» он, вместе с митрополитом Новгородским и Петербургским Серафимом, находился на Сенатской площади, призывал восставших к покорности. В дни суда над ними он оказался членом Особого Совета по делам декабристов и принимал участие в суде над ними.

Впоследствии от царских властей он получил драгоценную панагию. В рескрипте на его имя было отмечено: *«Преосвященный митрополит Киевский Евгений! Обращаю внимание мое на служение ваше церкви, престолу и отечеству, для которого вы подвизались ныне в 14-й день декабря, когда подвергли жизнь свою опасности... справедливым почитаю изъять вам за то мою признательность. В ознаменование оной, жалею вам украшенную драгоценными камнями панагию. Пребываю вам доброжелательным...»* (1, с. 73) 23 августа 1826 г. в Москве при коронации Николай I вручил церковному иерарху орден Андрея Первозванного.

В 1837 г., незадолго до собственной кончины, Болховитинов с горечью откликнулся на гибель Пушкина.

Петербургский период является переломным в жизни Болховитинова и важным в его творчестве и служении. В Петербурге он принял монашеский постриг. Здесь продолжалось его становление как историка и исследователя, чему немало способствовало его творческое окружение. Ученый иерарх церкви всю жизнь трудился в неисследованных областях науки, именно поэтому его произведения так ценны. Болховитинова называют «первым русским собирателем славянских древностей» (1, с. 830).

Во время работы преподавателем и префектом Александро-Невской Духовной академии Евгений (Болховитинов) с искренней радостью передавал свои знания студентам, считаясь с их мнением и став для них духовным наставником.

Около двух десятилетий, вплоть до смерти Н. П. Румянцева, Болховитинов был связан с «Румянцевским кружком». Здесь он нашел единомышленников, а в лице Румянцева — духовного наставника, помощника и вдохновителя на создание многих произведений.

Активная творческая, духовная и жизненная позиция, деятельность в работе государственных и общественных органов, комиссий и коми-

тетов, не давали Болховитинову надолго расставаться с Петербургом. Поэтому, есть все основания говорить о том, что «петербургский период» Болховитинова продолжался вплоть до его кончины.

В дань памяти Евгения (Болховитинова) во многих городах проходят «Болховитиновские чтения». Одни из наиболее массовых чтений произошли в 1992 г (Воронеже, Киеве, Петербурге и других городах). Именно в этом году отмечалось 225-летие со дня рождения Евгения (Болховитинова). На Болховитиновских чтениях выступают историки, филологи, философы, богословы, музыковеды, краеведы, раскрывая в своих докладах и сообщениях разные грани таланта этого энциклопедически образованного ученого иерарха, и, наверное, это и есть лучшая память о его делах и трудах.

Друг Пушкина — поэт, драматург, критик Е. Ф. Розен

Петрова Виктория,

10 класс ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2012 г.

Из справочников и других источников по истории Санкт-Петербургских кладбищ известно, что на утраченном Малоохтинском кладбище был похоронен поэт, драматург, критик Егор Федорович Розен. Прах Розена в 1944 г. перенесен в некрополь Александро-Невской лавры.

Настоящая работа посвящена другу Пушкина Егору Фёдоровичу Розену — поэту, драматургу, критику. Работ, посвященных творчеству Розена, создано немало. Но работ по историко-краеведческой тематике, посвященных ему, нет. Поэтому работа носит краеведческий характер, в ней предпринимаются подходы к раскрытию темы «Розен в Петербурге».

Работа, аккумулируя уже известный материал о Е. Ф. Розене, носит исследовательский характер в части создания петербургского «портрета» Розена и петербургского окружения Розена.

Для написания данной работы использовались письма А. С. Пушкина, Е. Ф. Розена, очерк фамильной истории баронов Розенов, составленный А. Е. Розеном, воспоминания русского писателя, критика И. И. Панаева, литераторов В. П. Бурнашева, Ю. К. Арнольда, материалы из истории создания оперы «Жизнь за царя», произведения самого Е. Ф. Розена и другие материалы.

Из биографии Е. Ф. Розена. Егор Фёдорович Розен — барон, русский поэт, драматург и критик, родился 16 (28) декабря 1800 г. в Ревеле, относится к ветви Розенов-Ликгольм. Его непосредственными предками являлись Иван Розен (1685—1757), барон Фридрих Адольф Розен (1722—1796), сын которого барон Федор Розен (1771—1847) является отцом Е. Ф. Розена. Мать Розена — Елена фон Таубе (6, с. 76).

Егор Федорович Розен получил классическое домашнее воспитание, владел латинским и древнегреческим языками, хорошо знал историю, этнографию, философию, по свидетельству очевидцев, поражал своей памятью и начитанностью. Любимейшими его поэтами были Вергилий и Гораций.

Сам Е. Ф. Розен в своей автобиографии писал: *«Я родился и воспитывался в Эстляндской губернии. Рано пробудилась во мне страсть к поэзии. Моими первыми любимейшими поэтами были Вергилий и Гораций; они жили со мною на берегах Дона и Волги, когда я начал служить в гусарах, а я гостил у них в пустоши Сабинской виллы или на берегу Неаполитанского залива»* (6, с. 77).

В 1819 г. поступил на военную службу: до 1831 г. служил в Елисаветградском гусарском полку, в 1831—1834 гг. — при дежурном генерале Главного штаба П. А. Клейнмихеле. В 1834 г. по болезни вышел в отставку в чине майора с правом ношения мундира.

Жил Розен на Песках в районе Конной площади, свидетельством чего являются воспоминания М. И. Глинки, либретто к опере которого *«Жизнь за царя»*, писал Розен: *«Невеста моя, по причине приготовлений к свадьбе, часто жила у матери на Песках, а поэт мой Розен — в соседстве с ними, на Конной площади; так что, посещая Марью Ивановну, я заходил и к Розену»* (17, с. 2).

В 1835 г. по рекомендации В. А. Жуковского был назначен личным секретарем при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче (будущем императоре Александре II), сопровождал его в путешествиях в 1838 и 1839 гг.

В 1840 г. по состоянию здоровья Розен окончательно вышел в отставку с ничтожным пенсионом в 400 рублей. Жуковский, который писал, *«этого достаточно, чтобы в первую треть года не умереть с голоду»*, хлопотал перед цесаревичем об увеличении суммы, но тщетно (14).

По воспоминаниям родных, с начала 1840-х гг. Розен жил затворником на своей небольшой даче в Кушелевке, занимаясь литературой и воспитывая детей брата и собственных.

В эти и последующие годы он сотрудничал с рядом изданий: «Пантеоном» и «Литературной газетой» Ф.А. Кони, «Сыном отечества» Н.И. Греча, «Северной Пчелой», «Литературной газетой» Дельвига, журналом «Современник» Пушкина. Издавал собственный альманах «Альциона» и вместе с Н.М. Коншиным — альманах «Царское Село». В 1849 г. выполнял функции редактора, систематически печатал критические статьи и другие произведения.

В 1859 г. Розен подал министру народного просвещения просьбу о цензурском месте, и был определен в Министерство народного просвещения. В феврале 1860 г. Розена назначили чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры.

В конце жизни Розен купил небольшой дом в Санкт-Петербурге, женился на своей экономке, жил уединенно, занимаясь литературой, лингвистическими исследованиями и философией.

Умер, держа в руках свою трагедию «Дочь Иоанна III», 23 февраля (6 марта) 1860 г., похоронен на Малоохтинском православном кладбище в Санкт-Петербурге. После уничтожения кладбища, прах Розена перенесен в 1944 г. в Александро-Невскую лавру. После его смерти брат уничтожил весь архив как ненужный хлам.

Е. Ф. Розен — поэт, критик, прозаик. 1830—1840 гг. — годы становления Розена как поэта и драматурга и вхождения его в круг петербургских писателей и поэтов. В эти годы Розен был приближен ко двору, будучи наставником великого князя Александра Николаевича, входил в его свиту во время длительного путешествия.

Е. Ф. Розен дебютировал как поэт в 1825 г., когда в московских журналах появились его стихи: *«Я убедился, что без поэзии дышать не мог, и оставалось мне только одно средство — вступить в тайную любовную связь с поэзией и с гусарскою жизнью...»* (6, с. 28).

Служа на Дону и Волге, проникся интересом и симпатией к русскому народному быту, поэтому особое место в творчестве Розена занимала русская фольклорная тема: *«Часто приходилось мне с гусарами стоять в степной деревне, в ста верстах от полкового штаба, идиллически принимать участие в играх деревенской молодежи, слушать старинные сказки от краснобаев, веселые и унылые песни парней и девушек, одним словом — участвовать во всех отношениях народной жизни, и я неприметным образом всею душою обжился с духом национальным...»* (6, с. 78).

Писал о своих произведениях «Рождение Иоанна Грозного» (1830), пьес на исторический сюжет «Россия и Баторий» (1833), «Пётр Басма-

нов» (1835), «Дочь Иоанна III» (1835) и другие: «Эти произведения имеют такие народные оттенки и окраски, что я даже сам не отважился бы перевести их на немецкий язык...» (6, с. 78).

В 1838—1839 гг. в свите наследника, где был и Жуковский, Розен совершил заграничное путешествие. В Риме встречался с Н. В. Гоголем. Результатом путешествия явилась серия путевых очерков и стихов. Очерки Розена стали заметным явлением в русской «литературе путешествий» 1840-х гг.; дорожные впечатления сочетаются в них с картинами исторического прошлого.

Литературные труды Розена были замечены царем: «Государь, — писал князь П. А. Вяземский, — был очень доволен трагедией барона Розена «Россия и Баторий». Желая видеть ее на сцене, требовал он некоторых перемен, и Розен уже перекроил трагедию свою на новый лад...» (5, с. 5).

В 1843 г., будучи рецензентом «Сына Отечества», Розен выступил со статьей «О стихотворениях Лермонтова», которого оценивал лишь как талантливого подражателя Пушкина, хотя отмечал в нем силу творческой фантазии и возможности «самобытного развития»: «...Он весь подражатель, по крайней мере, в первых его пьесах, но подражатель одного Пушкина...» (19).

Творчество Розена не было высоко оценено современниками, не было оценено и впоследствии. В литературных кругах отношение к Розену было поощрительным и отчасти снисходительным, как к даровитому, но все же чужезычному поэту: «Известнейшие наши литераторы часто выражали мне свое удивление, каким образом я, с трудом научившись русскому языку в манеже и на службе, так глубоко мог проникнуть в дух русской народности...» (6, с. 78).

Личность барона Розена рисуется в воспоминаниях современников, в частности И. И. Панаева и В. П. Бурнашева. В рассказах Бурнашева встречается не мало характерных эпизодов, в которых выступает барон Розен всегда в несколько смешном, но вместе с тем в симпатичном освещении: «...Е. Ф. Розен был добрый и честный человек, благородный, услужливый, но фантастик, нервозный и капризный, иногда как светская дамочка...» (3, с. 20).

По воспоминаниям Панаева: «Барон Розен был уверен в том, что он глубокий и единственный в России знаток драматического искусства и величайший драматический поэт. Он очень наивно говорил нараспев и с резким немецким акцентом. Из всего немецкого репертуара, без сомнения, самая замечательная вещь — это «Ифигения Гете...» (6, с. 68—69).

Не так много стихов, обращенных непосредственно к Петербургу. В стихотворении «Пастуший рог в Петербурге», называет город «столицей пышной скуки»:

Здесь, в столице пышной скуки,
Слышу утренней порой
Идиллические звуки,
Говорящие со мной... (5, 5).

Обращение к Петербургу в творчестве Розена только намечено. Себя считал скорее русским, но не петербургским писателем, хотя в эти годы был знаком со многими петербургскими писателями и издателями, печатался в петербургских изданиях.

Розен и Пушкин. Выйдя в 1828 г. в отставку и обосновавшись в Петербурге, Розен в феврале 1829 г. через русского литературного критика Шевырёва познакомился с А. С. Пушкиным, который поддерживал своим участием издававшиеся Розеном альманахи, хвалил его стихи, находил талантливыми его исторические драмы.

Имеется шесть писем Розена Пушкину и одно письмо Пушкина Розену. Впервые переписка опубликована В. Я. Брюсовым в его книге «Письма Пушкина и к Пушкину» в 1903 г.

В письме от 27 июня 1831 г. Розен рассказывает Пушкину, что принят на службу с назначением состоять при дежурном Главного штаба, собирается переводить пушкинского Бориса Годунова. Весной 1831 г. Пушкин женился в Москве на красавице Наталье Гончаровой и проводил лето в Царском селе: «...Будучи принят в службу с назначением состоять при Дежурстве Главн.<ого> Штаба, я остаюсь здесь — в соседстве Вашем — и уеду только тогда, когда двинется всё Дежурство;... Приготовляю всё нужное для перевода Бориса, и как скоро можно будет, приеду к Вам...».

После появления Пушкинского «Бориса Годунова» Розен писал С. П. Шевырёву 19 июля 1831 г.: «...Вышел «Борис Годунов» Пушкина, и никто из критиков-самозванцев не умел оценить этого прекрасного творенья! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали Годунова, творец коего, во времена Петрарки и Тассо, был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования...» (17, с. 4).

В 1830—1831 гг. Розен перевел на немецкий язык ряд стихов Пушкина и сцену из «Бориса Годунова» (4).

Пушкин высоко оценил критические отзывы Розена о своих произведениях, особенно о Борисе Годунове. По сообщению Розена, перевод заслужил «восторженную благодарность» Пушкина и «хвалу Жуковского»: «...Горю нетерпением прочитать Ваше предисловие к «Борису»,

думаю для второго издания написать к Вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию. Весь ваш А. П.» (2).

По воспоминаниям Розена, Пушкин поддерживал его издание альманаха «Альциона»: «...Пушкин дал мне несколько прекрасных пьес и уверяет честью, что еще даст. Мы с ним довольно сблизились. Его лестные обо мне отзывы сторицею воздают мне за несправедливость некоторых критиков, задетых эпиграмматическою стрелою или пораженных в честной критике» (13, с. 47).

Посылая в 1833 г. Шевырёву книжки своего альманаха, он писал: «Пушкину в особенности нравится моя пьеса «Зеркало старушки». Он меня встретил восторженным восклицанием: «Ваша Серафима — прелесть», а в следующем письме пишет: «Пушкин ко мне слишком благосклонен, а кроме него, есть на святой Руси только два записных рецензента, мнением коих весьма дорожу — вы да и И. В. Киреевский» (13, с. 48).

В письме к Пушкину от 19 июня 1833 г. Розен обсуждает поэму Кукольника «Торквато Тассо»: «...Читали ли вы „Тассо“ Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей...» (2).

4 февраля 1836 г. Розен отправляет Пушкину свои стихи для опубликования их в пушкинском «Современнике», полагаясь по поводу публикации на мнение Пушкина: «Посылаю вам стихотворение, написанное мною недели две тому назад; право, не знаю, хорошо ли оно или нет — полагаюсь в этом отношении вполне на Ваше суждение...» (2).

В 1836 г. статья Розена «О рифме» была размещена А. С. Пушкиным в первом выпуске издававшегося им журнала «Современник».

Общая мысль Розена состоит в том, что рифма естественна для ранней стадии развития национальной поэзии, но затем должна быть отброшена как ненужное украшение, и будущее русской поэзии — за безрифменным стихом: «Говорят, рифма произошла от стремления души к симметрии во всем, даже в звуках; если так, то она долженствовала бы родиться у Греков, коль довели пластику до совершенства, и донныне, в истории Искусства, перед всеми народами отличаются чувством формы и симметрии... Русский язык так богат рифмами; они так легко даются Русскому народу, когда он острит и балагурит...» (18).

19 апреля 1836 г. Розен пишет о том, что отправляет Пушкину свои произведения: «Вот моя трагедия и отрывок, который я для вас предназначаю, если вы его одобрите... Кажется, я наперед знаю ваше мнение об этой пьесе: вы скажете, что она чересчур уж немецкая!...» (2).

13 декабря 1836 г. Розен посылает Пушкину либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». Пишет, что гордится тем, что никто не замечает огромных усилий, которых ему стоило это произведение: «Дорогой друг! Вот вам либретто оперы... Никто не замечает огромных усилий, которых мне стоило это произведение; я этим горжусь: это доказывает, что я победил трудности» (2).

По свойственным его характеру самолюбию и самоуверенности, Розен склонен был преувеличивать свое значение и свою роль в создании успеха, какой выпал на долю оперы. Вместе с тем его творчество не было достаточно оценено современниками, и горькое чувство по этому случаю обнаруживается в этом письме: «Я открыто бросил вызов в лицо свету; я должен бороться с ним честно; победа будет на моей стороне, хотя бы после моей смерти... Я сознаю себя и свои силы... Было время, что я осуждал в сердце своем тех, кто, зная мне цену, не имел мужества вступить в мою защиту; теперь очень рад тому; я хочу быть обязанным исключительно себе тем, что я исторгаю из публики, как бы ничтожно это ни было...» (17, с. 7—8).

Пушкин покровительствовал Розену, поддерживал и достаточно высоко ценил его поэзию. Письма свидетельствуют о добрых приятельских отношениях, существовавших между Пушкиным и Розеном. Розен, безусловно, дорожил мнением Пушкина, именно ему для оценки посылал свои стихотворения, поэмы, прежде чем их публиковать.

Смерть Пушкина глубоко потрясла Розена. Его памяти он посвятил стихотворение «Могила поэта» и «Эврипид», где указал на конфликт со двором как причину гибели поэта. По воспоминаниям В. П. Бурнашева в день прощания Розен читал стихи. В 1840-е гг. Розен выступал как консервативный критик в «Сыне отечества», причём в этих статьях есть мемуарные фрагменты о Пушкине.

Розен и круг Пушкина. Не менее Пушкина благоволил к барону Розену В. А. Жуковский, рекомендовавший его М. И. Глинке для сочинения либретто оперы «Жизнь за Царя». В 1834 г. Жуковский заинтересовался его трагедией «Осада Пскова», представленной тогда же на сцене Александринского театра. Стихи Розена высоко оценивал П. А. Вяземский, отмечая «замечательное дарование» Розена.

В 1828—1829 гг. Розен выступил в ревельской газете «Эстона», публикуя переводы не только стихов А. С. Пушкина, но и А. А. Дельвига, И. И. Козлова, а также перевод статьи И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина».

Критический отзыв Дельвига на поэму Розена «Рождение Иоанна Грозного» (1830) стал причиной их разрыва «после очень близких отношений». Расхождение с пушкинским кругом было недолговременным. Сразу после смерти Дельвига в 1831 г. Розен поместил в «Литературную газету» стихотворение «Тени друга» со скорбно-покаянными нотами. После называл Дельвига не иначе как «наш незабвенный Дельвиг» (6, с. 78).

Другие его литературные взаимоотношения отличались крайней сложностью и неустойчивостью. По воспоминаниям литератора В. П. Бурнашева, в начале 1830-х гг. он «постоянно воевал» с Н. А. Полевым, с которым ранее сотрудничал, настороженно относился к Ф. В. Булгарину (15).

Немало строк посвятил Розен Гоголю. Откликаясь на 2-е издание «Мертвых душ» (1846) со специально составленным к нему предисловием автора, Розен определяет Гоголя как «кривое зеркало», в которое смотрится «неизящная, нечистая природа».

В статье «Ссылка на мертвых» развернуто анализирует произведения Гоголя «Ревизор», «Нос», «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями», пытаясь доказать, что они противоречат нормам пушкинской эстетики, равно как и общим эстетическим нормам литературы: «...Все знают упомянутую повесть Гоголя. Уродливое, отвратительное по предмету, никогда и никому не принесет удовольствия, но может только быть терпимо, когда оно резко выражает аллегория, занимательную по смыслу ее...» (6, 6).

На литературных вечерах у В. А. Жуковского Гоголь часто читал свою комедию «Ревизор». Розен, сидя в кругу, как он сам писал, «именитейших литераторов и нескольких почтенных, образованных особ», не мог понять причину общей веселости, когда все вокруг аплодировали и восхищались. Он уж стал думать, что «его продолжительное болезненное состояние убило в нем чувство комизма» (20).

Петербург способствовал становлению Е. Ф. Розена как русскоязычного писателя, поэта и драматурга. Здесь он вошел в круг петербургских писателей и поэтов, и хотя, не был высоко ими оценен, внес свою лепту в русскую литературу.

В Петербурге было создано либретто к опере М. И. Глинки «Жизнь за царя», принесшее ему самую большую известность.

С Петербургом связана издательская деятельность Е. Ф. Розена, здесь он издавал свой альманах «Альциона», сотрудничал с петербургскими редакторами и издателями, печатал свои произведения.

В Петербурге произошло знакомство Розена с Пушкиным, который ценил его. С Пушкиным связаны не только творческие, но и дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. Розена глубоко потрясла смерть Пушкина, в память которого он посвятил два стихотворения, где указал на конфликт со двором как причину гибели поэта.

Розену покровительствовали В. А. Жуковский, А. А. Дельвиг. Значительная страница критических произведений Розена посвящена произведениям Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова.

Часть петербургского периода жизни Розена связана с царской семьей. В 1835—1839 гг. Розен был личным секретарем наследника престола Александра Николаевича, сопровождал его в длительном путешествии. Некоторые его пьесы ценил и рекомендовал к постановке Николай I.

Удалось установить множество петербургских адресов, связанных с жизнью и деятельностью Е. Ф. Розена. Особенно важным кажется установление через воспоминания М. И. Глинки места проживания Розена в районе Конной площади.

Е. Ф. Розен представляется через воспоминания и письма его современников многогранной талантливой личностью, имеющий широкий круг знакомств и интересов в Петербурге. Творчество Розена как поэта и писателя может быть и не было равным по дарованию многим другим его современникам, но деятельность в качестве драматурга, критика и либреттиста свидетельствовала о его незаурядных способностях.

Степан Петрович Шевырёв — пламенный патриот. (патриотические взгляды и деятельность С. П. Шевырева)

Гамзатова Алина,

11 класс ГБОУ гимназия № 628.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2017 г.

Исследовательская работа «Степан Петрович Шевырёв: Пламенный патриот» посвящена жизни и творчеству выдающегося филолога, научного и общественного деятеля Степана Петровича Шевырёва.

Известный русский литературный критик, академик, преподаватель Московского университета, поэт, антагонист западничества, издатель

и редактор популярного в 1840—1850-е гг. журнала «Москвитянин», апологет теории «официальной народности», С. П. Шевырёв был поистине личностью самобытной, многогранной и неординарной. Будучи недооцененным и во многом непонятым современниками при жизни, в нашем веке он для многих может являться примером трудолюбия, проявления бесконечной любви к Родине, бескорыстного стремления работать на благо Отечества.

Деятельности С. П. Шевырёва посвящали свои работы В. Г. Белинский («Литературные мечтания»), Н. В. Гоголь («О движении журнальной литературы»), А. С. Пушкин («История поэзии С. П. Шевырёва»), И. В. Киреевский («Публичные лекции профессора Шевырёва...») и другие, давая при этом разные оценки его деятельности. Современники (М. П. Погодин, П. И. Бартенев, С. М. Соловьёв, Б. Н. Чичерин) оставили свои воспоминания о Шевырёве, которые являются неоценимыми источниками по изучению его многогранной деятельности.

Среди современных работ следует отметить работы Петрова Ф. А. «С. П. Шевырёв — первый профессор истории российской словесности в Московском университете» (1999), Цветковой Н. В. «С. П. Шевырёв — критик, историк и теоретик литературы» (2008), статью Карпова Н. А. «Петербург в жизни и творчестве С. П. Шевырёва». В 2009 г. вышла книга Горохова А. А. «С. П. Шевырёв — последователь традиции старчества в русской консервативной мысли и культуре первой половины XIX столетия».

Основными источниками, использованными при подготовке работы, являются документы фонда С. П. Шевырёва № 850, хранящиеся в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки: личные дневники С. П. Шевырёва за 1829—1830 гг., ноябрь 1831— февраль 1839 г.; «Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве» Погодина М. П., «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 гг.)»; труды Шевырёва С. П.: «История поэзии, лекция 41-я» (1834), «Словесность и торговля» (1835), «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841), «Об отношении семейного воспитания к государственному» (1842), «Вступление в педагогию» (1852), «О народном способе распространения грамотности» (1859), «Беседы об истории русской словесности (№ 11—15)» (1862) и другие источники.

Степан Петрович Шевырёв родился 18 октября 1806 г. в Саратове в дворянской семье. Его отец, Пётр Сергеевич Шевырёв, занимал пост саратовского губернатора, мать, Екатерина Степановна Шевырёва (из рода Топорных), «представляла образец семейных добродетелей»

(7, с. 1). Родители были людьми глубоко религиозными, придерживающимися патриархально-консервативных взглядов и прививали эти взгляды своим детям (31, с. 46).

Первоначальное образование С. П. Шевырёв получил в доме родителей, а в двенадцатилетнем возрасте был привезён в Москву поступать в *Благородный пансион при Московском университете*, который он окончил с золотой медалью в 1822 г. В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится диплом об окончании *«Благородного Пансиона Императорского Московского Университета»* (25, л. 1).

В эти же годы он брал уроки греческого языка, изучал произведения Шеллинга, которые в дальнейшем оказали существенное влияние на его мировоззрение (6, с. 13).

Патриотическая педагогическая и научная деятельность. К педагогической и научной деятельности С. П. Шевырёв приступил в 1832 г. В ней Шевырёв придерживался идеалов пушкинской эпохи, а также тех новых для своего времени патриотических взглядов, которые продолжали формироваться в Москве под влиянием известных славянофилов Киреевского, Хомякова, Кошелева.

Патриотизм С. П. Шевырёва проявлялся, в первую очередь, в его интересе к самобытности древнерусской литературы, он был среди тех, кто сделал первые попытки систематизации русского литературного наследия. Одним из первых привлек к нему внимание русской общественности, показал существование художественной литературы со времен Киевской Руси.

Большое влияние на Шевырёва оказала деятельность известного российского историка А. И. Мусина-Пушкина, который ввёл в научный оборот ряд ценнейших древнерусских рукописей, включая *«Слово о полку Игореве»* — знаменитый памятник русской литературы XII века (12, л. 235).

Стремясь привлечь к истории России внимание современников и поднять в них патриотический дух, С. П. Шевырёв написал множество научных трудов, посвящённых изучению памятников древнерусской и современной ему литературы. Одними из его главных трудов по этой теме являются *«Обозрение русской словесности за 1827-й год»* (1828), *«Беседы об истории русской словесности»* (1862), а также *«История русской словесности, преимущественно древней»* (1846) (22, л. 230).

В 40—50-е годы XIX века активно развивалась не только научная, но и педагогическая деятельность С. П. Шевырёва. Начав преподавать русскую литературу в Московском университете в 1832 г., в 1848 г. он

был пожалован кавалером ордена Св. Анны II степени за отличную службу и избран доктором Императорского Королевского Пражского университета (20, л. 1).

В 1851 г. возглавил кафедру педагогики в Московском университете, читал лекции по педагогике, был ведущим профессором педагогического института при университете.

В педагогической деятельности Шевырёва ясно прослеживаются патриотические идеи, которые он активно «проповедовал». В наиболее известной лекции С. П. Шевырёва «Вступление в педагогию», напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1852 г., С. П. Шевырёв писал: *«Мы понимаем высокое назначение науки. Её дело — определить русским великую задачу русского воспитания...»* (14, л. 23).

В речи «Об отношении семейного воспитания к государственному» (1842) С. П. Шевырёв пытался доказать, что семья и государство в равной мере должны участвовать в воспитании и способствовать формированию чувства патриотизма в каждом гражданине с детства (24, л. 3).

Шевырёв разработал программу лекций и практических занятий со студентами. Педагогические беседы дополнялись педагогическими упражнениями студентов с учениками, приходящими в университет из уездных училищ. Примечательно, что на свои лекции *«молодых людей и художников, нуждающихся в средствах к образованию»* (28, л. 1) профессор приглашал бесплатно.

Лекции Шевырёва посещала большая часть передовой молодежи первой половины XIX века. Среди его собеседников были Одоевский, Гоголь, Плетнев, Жуковский, Аксаков, Вяземский, Неверов. Он был частым гостем в семье Зинаиды Волконской и воспитателем её сына, ему даже была выдана *«Доверенность на управление её именьями в России»* (18); к его мнению прислушивались, его личностью интересовались.

Идеи патриотизма, которые проповедовал С. П. Шевырёв, активно обсуждались в обществе, их поддерживали и развивали выдающиеся литераторы, публицисты и общественные деятели. Одним из них был известный издатель консерваторских убеждений М. П. Погодин, выпускавший журнал «Москвитянин», который проповедовал патриотические идеи.

Таким образом, влияние С. П. Шевырёва на общественность 1840—1850-х гг. было достаточно велико. За время своей научной и педагогической деятельности Шевырёв написал большое количество лекций, статей, научных работ. Практически в каждом его произведении звучал мотив патриотизма, проглядывались или прямо проповедовались идеи глубокой религиозности, верности царю и Отечеству.

Однако идеи профессора были встречены современниками не только с одобрением, но и с недовольством. С течением времени с Шевырёвым становилось несогласно все большее количество людей: после 1840-х гг. в обществе наметилось расслоение на «западников» и «славянофилов».

Тема патриотизма в критической и редакторской деятельности. Для многих современников С. П. Шевырёва выдающийся литератор, поэт и педагог был более известен как издатель и редактор передовых журналов первой половины XIX века (21).

Этой деятельностью Шевырёв начал заниматься в 1835 г., когда стал ведущим литературным критиком и редактором журнала «Московский наблюдатель», издававшегося в Москве с 1835 по 1838 г. Сотрудниками этого журнала были убеждённые славянофилы, придерживающиеся общей идеологии с С. П. Шевырёвым: поэт, основоположник раннего славянофильства А. С. Хомяков, философ, один из главных теоретиков славянофильства И. В. Киреевский.

В 1835 г. в журнале «Московский наблюдатель» была опубликована полемическая статья Шевырёва «Словесность и торговля», которая вызвала в обществе серьёзный резонанс (5). В этой статье публицист выступал против «торгового направления» в литературе и журналистике, получившего широкое распространение в России в 1830-е гг (30, с. 407).

Автор, обращаясь к идеям патриотизма, сравнивает современную ему русскую литературу с литературой «старой Европы», которая «имеет, как всякая старость, двух спутников неизбежных: опытность и разочарование» (29, с. 33).

С 1841 г. Шевырёв начал работать в журнале «Москвитянин», издаваемом главным редактором — убеждённым консерватором М. П. Погодиным. Шевырёв был ближайшим помощником редактора и заведовал литературной критикой журнала, который, по мысли издателей, должен был «знакомить русскую публику с национальными духовными богатствами» (32, с. 467).

В первом номере журнала литературный критик Шевырев опубликовал статью «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841). Автор, показал, что Запад умирает и контакты с ним подобны общению с заразным больным. Россия же, вобрав в себя лучшее из культурного наследия Европы, избежала революционных потрясений потому, сохранила в себе чистыми «три коренных чувства», в которых заключается «семя и залог нашему будущему развитию страны» (13, с. 43).

Во-первых, это древнее чувство религиозное, во-вторых, чувство её государственного единства. С. П. Шевырёв утверждал, что в Рос-

сии «царь и народ составляют одно неразрывное целое», основанное на «бесконечной преданности народа царю своему». И третье чувство — это «сознание нашей народности». Литератор призывает к изучению Древней Руси, в которой хранится «первоначальный чистый образ» народности (13, с. 43—44).

В этой статье, необычайно схожей с «теорией официальной народности» С. С. Уварова, созданной в 1833 г. и провозглашавшей «православие, самодержавие, народность» как единственно возможную концепцию существования России, Шевырëв предпринял попытку обратить внимание читателей к собственным российским корням, показать величие России.

Однако, общественность того времени, не заметив благих помыслов публициста привить любовь к России, узрела в этом желание Шевырëва стать одним из приближённых императора, сочла его лицемером и стала воспринимать как «холопа» С. С. Уварова (41, с. 347—368).

Репутация некогда широко известного и уважаемого профессора, успешного учёного и литератора, выдающегося поэта, приложившего немало усилий для поднятия духа патриотизма в российском народе, в глазах общественности была навсегда погублена, а его неоценимые заслуги преданы забвению. В 1844—1845 гг., журналистская деятельность Шевырëва затихла (36, с. 79).

Тема патриотизма в поэзии С. П. Шевырева. Степан Петрович Шевырëв, истинный патриот, стремился выразить свою любовь к России посредством не только научной, преподавательской, публицистической, но и литературной деятельности. Особое «звучание» тема патриотизма получила в поэзии С. П. Шевырëва.

Лирику С. П. Шевырëва принято разделять на два неравных по протяжённости периода. Первый охватывает 1820-е гг. и самое начало 1830-х, второй — все остальные годы его жизни, то есть целых три десятилетия, вплоть до 1860-х гг.

Стихотворения Шевырëва первого периода, когда ему более были близки идеи западничества, в большей степени посвящены общесоциологическим вопросам. В этот период жизни Шевырëв предстаёт перед нами как «классический» молодой поэт начала XIX столетия, увлеченный вольнолюбивым пафосом творчества Шиллера (43).

Несмотря на увлеченность С. П. Шевырëва зарубежной поэзией, в его творчестве уже в то время отчетливо прослеживается тема патриотизма. Так, в 1831 г. поэт пишет стихотворение «Русским литераторам»,

которым призывает «коллег»-современников издать русский рифмарь (словарь рифм, используемый поэтом), дабы подчеркнуть самобытность и прелесть русского языка.

Славянофильские взгляды и убеждённости в самобытности Российского государства Шевырёва окончательно сформировались только к 1840 г.

В 1842 г. Шевырёв написал стихотворение «Железная дорогая», характеризующее его как убеждённого консерватора, поддерживающего идеи «теории официальной народности».

В статье «Принципы «официальной народности» в русской поэзии конца 1830-х — первой половины 1850-х годов» ученый и исследователь К. В. Ратников дает характеристику этому стихотворению: «*Воспевая строительство железной дороги между Москвой и Петербургом, Шевырёв не преминул указать на общенациональную заинтересованность в этом народа России («Закупай же, труд народный»)...» (38).*

В 1850-е гг. С. П. Шевырёвым было создано стихотворение «Песня русской земли», в котором тема патриотизма раскрывается наиболее полно. С нежностью и теплотой, присущими лишь пламенным патриотам, поэт обращается к России:

Будь хранима небесами,
О родимая земля!

В конце своей жизни, уже живя в Италии, С. П. Шевырёв продолжал много работать и как ученый, и как преподаватель, и как поэт. Здесь, в далёкой Италии, где некогда молодой литератор провёл несколько плодотворных и счастливых лет жизни (23, с. 17), он с неподдельной тоской вспоминает о горячо любимой России и посвящает одно из своих последних стихотворений именно ей.

Стихотворение «19 февраля», написанное поэтом в 1861 г., посвящено освобождению крестьян Российской империи от крепостной зависимости. С. П. Шевырёв, несмотря на свои во многом консервативные взгляды, поддерживает проведённую реформу и радуется, что отныне каждый житель его Родины свободен, а славное имя России не запятнано клеймом «рабовладельческая»:

О люди русские, благословим сей день
И воздадим хвалу мы богу всеблагому
За то, что с родины слетает рабства тень,
Не будет человек принадлежать другому.

Таким образом, Степан Петрович Шевырёв развивал тему патриотизма не только в научной и публицистской, но и в поэтической деятель-

ности. Его стихотворения пронизаны грустью, вызванной от осознания того, что народ недостаточно патриотичен и одновременно надеждой на то, что народ опомнится и придёт светлое будущее России.

Шевырёв оставался истинным патриотом России на протяжении всей жизни, неоднократно рискуя репутацией. Последний раз он предпринял попытку защитить «доброе имя» России на заседании совета Московского художественного общества в 1857 г., когда вступил в полемику с графом Бобринским, начавшим яростно критиковать многие порядки, установленные в Российской империи. Завязалась потасовка. И. С. Тургенев в письме А. И. Герцену дал *«во всех подробностях точное описание этой знаменитой драки, от которой по всей Москве стоял стоном»* (10). В результате Шевырёв был уволен со службы и высочайшим повелением навеки выслан из Москвы.

После ухода из университета Шевырёв продолжал научную деятельность, работая над третьей и четвертой частями «Истории русской словесности», которые вышли в 1858 и 1860 гг. Отзывы прессы были преимущественно отрицательные.

25 сентября 1861 г. Шевырёв навеки покинул Россию. Но и в Италии учёный продолжал упорно работать и не забывал о любимой Родине. В 1861 г. он прочитал на итальянском языке двенадцать лекций по истории русской словесности и издал их в январе 1862 г. под названием «Storia della letteratura russa». Уже больной, он всё ещё надеялся вернуться в любимую Москву, но этому не суждено было сбыться. В 1864 г. Степан Петрович Шевырёв скончался в Париже на 58-ом году жизни. Немного позднее его прах был перевезён в родную и горячо любимую литератором Россию. На Ваганьковском кладбище в Москве С. П. Шевырёв нашёл свой последний приют (2, с. 68).

Петербург в жизни С. П. Шевырёва. Несмотря на то, что С. П. Шевырёв прожил в Москве всю свою сознательную жизнь (почти 40 лет) и испытывал к этому городу сильную любовь, он неоднократно покидал его ради путешествий по Италии или по России. В частности, Петербург Шевырёв посетил три раза.

Примечательно, что вместе с формированием и изменением взглядов поэта на будущее развитие России менялось и его отношение к столице Российской империи.

Как было сказано ранее, С. П. Шевырёв, будущий апологет «теории официальной народности», не всегда придерживался столь консервативных убеждений. До 1840-х гг. литератор считал, что России в дальнейшем развитии необходимо ориентироваться на западные страны.

Неудивительно, что, оказавшись впервые в Петербурге в начале осени 1828 г., ещё молодой поэт был впечатлён величественной столицей, которая являлась единственным подлинно европейским городом в Российской империи. В письме приятелю, редактору журнала «Московский вестник» М. П. Погодину, он писал: *«За то, что ты присоветовал мне ехать в Питер, я тебя благодарю душевно»* (34).

С. П. Шевырёв был убежден, что Петербург есть полноправный представитель современной европейской цивилизации и просвещения, о чём он писал в личном дневнике в 1828 г.: *«Петербург <...> поражает новостью, щегольством, опрятностью, стройною правильностью; для не выезжавших Москвитян за границы России он есть первый представитель современной Европы — и потому поглощает их изумление»*.

Во время своего первого визита в город на Неве только начинающий поэт лично встретился с уже широко известным А. С. Пушкиным, также общался с такими выдающимися литераторами того времени, как В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский и В. П. Титов.

Вернувшись в Москву, соредактор «Московского вестника» не мог забыть царственного великолепия столицы Российской империи. В своём дневнике он писал: *«Никогда не забуду я первого дня, проведенного мною в столице голубой Невы»* (29 а, с. 35—36).

С. П. Шевырёв прибыл в столицу второй раз зимой 1828 г., по пути в Италию, где он провёл три года в качестве воспитателя сына княгини З. А. Волконской (23).

На этот раз молодой поэт провёл в столице две недели (с 16 по 28 февраля). За это время он успел встретиться с поэтами и писателями А. А. Дельвигом (в его доме по адресу Загородный проспект, дом № 9), В. П. Титовым, В. Ф. Одоевским (в доме, ныне расположенном по адресу Миллионная улица, 23), И. А. Крыловым, историком Ф. И. Кругом. Шевырёву удалось даже отобедать во дворце княгини А. Г. Белосельской, находящемся на Невском проспекте, дом № 41, и доме графини А. Г. Лаваль, расположенном по адресу Английская набережная, дом № 4 (34).

В период второго визита в Петербург у литератора созрел замысел написать отдельное произведение о полюбившемся ему городе. Этот замысел будет осуществлён Шевырёвым уже в Италии. В 1830 г. на свет появилось стихотворение «Петроград», единственное произведение, целиком посвященное Петербургу.

Впервые это стихотворение было опубликовано в журнале «Московский вестник». Московская публика приняла произведение поэта с восторгом (7, л. 1).

Вероятно, этот факт стал следствием приверженности большей части интеллигенции древней столицы России западничеством воззрениям. Кроме того, этот текст интересен и тем, что реализует сразу несколько типичных петербургских мифов: о поединке Петра с природной стихией и о гибели города от наводнения (42). Этим обусловлено сходство стихотворения С. П. Шевырёва «Петроград» с поэмой «Медный всадник», написанной через семь лет А. С. Пушкиным (1, с. 221—226).

Бесспорно, второй визит С. П. Шевырёва в Петербург оказался более плодотворным для молодого поэта. Стихотворение «Петроград» не только приумножило количество людей, интересующихся его творчеством, но и выступило средством выражения патриотических чувств любви литератора к Родине.

В третий раз С. П. Шевырёв оказался в столице Российской империи в 1838 г. Профессор был в городе проездом, вновь по пути в Италию, куда отправлялся в отпуск, но за непродолжительное время пребывания здесь успел встретиться с княгиней Долгорукой в её доме по адресу Английская набережная, 46; давним приятелем В. Ф. Одоевским (в доме писателя на набережной реки Фонтанки, 35), путешественником Г. С. Карелиным («на Михайловская площади, в доме Палибиной, на квартире под № 8») (34).

Изменившиеся взгляды Шевырёва не могли не отразиться на его восприятии Петербурга. Для профессора Московского университета (эту должность Шевырёв получил в 1832 г.) столица продолжает ассоциироваться с Западом. Однако если в написанном восемь лет назад «Петрограде» «чуждые народы» несут России «дань наук и плод свободы», то теперь эта свобода воспринимается литератором как всеобщее падение нравов.

Славянофильские убеждения профессора взяли верх над его восхищением величественным городом: «Россия вся работала для того, чтобы отделать это болото в гранит, золото и проч.» (16, л. 78), — с пренебрежением замечает Шевырёв в своих записях.

Таким образом, изменение взглядов С. П. Шевырёва на дальнейшее развитие России и его переход к восприятию Родины как особенной, неповторимой страны оказали прямое влияние на отношение литературоведа к Петербургу. От восторга, в который приходил некогда молодой поэт при виде великолепия столичных домов и дворцов, он пришёл к осознанию, что Петербург, который Пётр I строил как первый в России «европейский» город, являет собой воплощение негативных

черт Запада, которые могут помешать дальнейшему процветанию России как отдельной, независимой и неповторимой страны.

Тем не менее, важно отметить тот факт, что Петра Великого, основателя этого «западного» города, С. П. Шевырёв почитал до конца жизни. Профессор видел императора в первую очередь великим реформатором, раскрывшим внутренний потенциал самого народа.

С гордостью поэт отмечал в дневнике: «Я очень рад, что отец мой назывался Петром», тем самым подчёркивая свою «принадлежность» к великому Петру I — подлинному патриоту России.

В 2016 г. прошло 210 лет с момента рождения одарённого поэта, серьёзного учёного, талантливого критика, «великого трудолюбца», как отозвался о Шевырёве один из его учеников, впоследствии историк и литературовед, П. И. Бартенев, истинного пламенного патриота, посвятившего всю свою сознательную жизнь формированию патриотических настроений среди современников.

Имя С. П. Шевырёва долгое время было предано забвению, (вследствие резко негативного отношения интеллигенции первой половины XIX столетия к консервативным воззрениям, которых он придерживался), и в наши дни его творческие и научные труды почти незнакомы широкому кругу людей. Несмотря на это, его вклад в развитие русской литературы и науки, неоценим. А патриотические идеи, с которыми он выступал с кафедры Московского университета и страниц журналов, в которых работал, находят отклик в сердцах людей по сей день.

С. П. Шевырёв бесспорно был личностью многогранной. Тем не менее, в своей разноплановой деятельности он был последователен: начав с литературы, Шевырёв постепенно развивал тему патриотизма в научных и публицистических трудах. Своими трудами, работой и жизнью литератор доказал, что любовь к Родине истинного патриота неизбежна и крепка.

«Поэт с возвышенной душой», «чистый, пламенный Шевырёв», как говорили о нём современники, останется одной из самых значительных персон середины XIX века, чьих достоинств и важности труда не смогут умалить ни высказывания недругов, ни многолетнее забвение, которому было предано имя этого славного деятеля культуры и образования.

Близкий друг С. П. Шевырёва М. П. Погодин завершает очерк «Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве» емкой оценкой личности литератора и учёного: «Шевырёв имеет полное право на глубочайшую признательность. Он сделал много для своего времени» (7, с. 60).

Елизавета Романовна Воронцова (женская судьба в истории России)

Беркос Анастасия,

10 класс, ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2009 г.

Женская судьба в истории России, одна из судеб... Ведь женщины всегда были в центре многих событий в истории России. Женщины – императрицы, фрейлины, матери семейства, фаворитки, наконец... Что формирует судьбу, как она складывается, какие события и обстоятельства на нее влияют? У каждой свои... Кто-то может противостоять ударам судьбы, кто-то нет. Женские судьбы в истории России — тема заинтересовала меня, заставила задуматься. Вот, например, эпоха Екатерины II: сама императрица Екатерина, Екатерина Дашкова, скульптурное изображение которой можно увидеть рядом с Великой Екатериной в Екатерининском сквере. Кажется, у нее была сестра, и это еще одна женская судьба. Три судьбы одной эпохи, три разные судьбы... Захотелось ответить на множество вопросов, познакомившись поближе с судьбой Елизаветы Романовны Воронцовой.

Настоящая работа посвящена Елизавете Романовне Воронцовой — представительнице старинного рода Воронцовых, дочери генерал-аншефа Р. И. Воронцова, племяннице канцлера М. И. Воронцова, сестре Президента Российской академии наук Екатерины Романовны Дашковой, фаворитке императора Петра III, супруге статского советника А. И. Полянского...

Имя Елизаветы Воронцовой никогда не упоминается отдельно: только в ряду с кем-то, более известным и выдающимся. Характеристики, оставленные ей, тенденциозны и не оставляют выбора потомкам в восприятии ее, как личности, традиционно непопулярной. Большинство современников выделяют её отрицательные качества. Поэтому, хотелось, на основе не столь многочисленных источников, содержащих сведения о Е. Р. Воронцовой, дать представление о ней, ее роли в придворной жизни, характере ее отношений с родственниками и окружающими, ее человеческих качествах, то есть создать ее исторический портрет.

Работ, посвящённых отдельно Елизавете Романовне Воронцовой нет. Достаточно краткие сведения о ней приводятся в словарях и энци-

клопедиях. Более объемно, но недостаточно полно, в книге В. Н. Алексеева «Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России». Основным источником при создании работы была мемуарная литература. Это мемуары и записки Екатерины II, фаворита императрицы Станислава Понятовского, мемуариста Андрея Болотова, придворного ювелира Позье. Письма Екатерины II Станиславу Понятовскому, написанные всего через месяц после переворота, «смирненные» письма Петра III Екатерине из Ораниенбаума — все это документы эпохи, свидетели происходящих событий.

Все перечисленные авторы мемуаров лично знали Елизавету Воронцову, хотя ей в них отводится не так много места. Одним из основных источников для написания работы были и записки её сестры-Екатерины Дашковой, выдающегося государственного деятеля и близкой подруги Екатерины II.

Еще один вид источников — исторические описания, принадлежащие известным историкам: В. О. Ключевскому, С. В. Платонову и другим. Книга «Русский двор сто лет тому назад» тоже дает целый ряд подробностей об эпохе Петра III, Екатерины II, в которую и жила Елизавета Воронцова. Исторические данные, изложенные в книге, основаны на официальных донесениях иностранных послов. Это основные источники, на которые я полагалась в своей работе.

Еще один источник, никогда ранее не упоминаемый в связи с Е. Р. Воронцовой — письмо А. Н. Радищева к ее брату А. Р. Воронцову, в котором он высказывает сочувствие, ввиду смерти его сестры (Е. Р. Полянской).

Не так просто прикоснуться к чьей-то судьбе, читать чужие письма, размышления, характеристики.... Даже, если эти события происходили очень давно, их свидетелями остается Петербург. Ведь именно здесь творилась история, здесь жили люди, участвующие в ее метаморфозах. Здесь жила та «некрасивая девочка с оливковым цветом лица», судьба которой сегодня вверена мне.

Елизавета Романовна Воронцова родилась 13 августа 1739 г. предположительно в Петербурге. Она была вторым ребёнком в семье Романа Илларионовича Воронцова, принадлежавшего к старинному дворянскому роду.

Роман Илларионович Воронцов родился в 1717 г., служил офицером в лейб-гвардии Измайловском полку. После дворцового переворота 1741г., приведшего к трону Елизавету Петровну, сопровождал в заточение правительницу Анну Леопольдовну и ее семью. В 1740—1760 гг.

занимал важные государственные должности. Пользовался доверием императора Петра III, имел звание генерал-аншефа. После переворота Екатерины II был арестован и выслан в Москву, лишен ряда имений. Опала длилась недолго. Позднее, вновь участвовал в государственных делах: был членом Уложенной комиссии, одним из основателей Вольного экономического общества, наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. Умер 30 ноября 1783 г. во Владимире.

Мать Елизаветы Воронцовой — Марфа Ивановна Воронцова (урождённая Сурмина), происходила из богатой купеческой семьи. Была близкой подругой императрицы Елизаветы. Она была очень богатой, поэтому с великой готовностью снабжала саму императрицу и великую княгиню Екатерину Алексеевну деньгами. Не дожив до 27 лет, преждевременно скончалась, когда её дочери Елизавете было всего шесть лет. Марфу Ивановну погребли на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Родные, как смогли, постарались позаботиться об оставшихся от неё пяти детях-сиротах. Самому младшему из них не исполнилось ещё и года.

Образованнейшими людьми своего времени были дети Романа Илларионовича: Александр Романович Воронцов (1741—1805) — поверенный в делах России в Вене, сенатор, президент коммерц-коллегии, член Государственного Совета. При Александре I — государственный канцлер и глава Комиссии по составлению законов.

Семён Романович Воронцов (1744—1832) — российский политический деятель и дипломат, посол в Италии, бессменный посол России в Англии, кавалер всех российских орденов.

Старшая дочь — Мария (1737—1765), в замужестве Бутурлина, была тремя годами старше Елизаветы Воронцовой. Именно с ней она была взята ко двору и в первые годы делила ее судьбу.

Младшая дочь — Екатерина приобрела громкую известность под именем княгини Дашковой. Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова (1743—1810) воспитывалась в доме дяди, вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. В шестнадцать лет вышла замуж за князя Михаила Дашкова, известного аристократа, ведущего свои корни от Рюриковичей, и переехала с ним в Москву. Знакомство с великой княгиней Екатериной в 1758 г., и личное к ней расположение, сделало Дашкову преданной её сторонницей. Ещё будучи совсем молодой, участвовала в движении поддержки Екатерины при восшествии ее на престол. Задумав государственный переворот, Екатерина избрала главными союзниками своими Григория Орлова и княгиню Дашкову. Орлов про-

пагандировал среди войск, Воронцова-Дашкова — среди сановников и аристократии. С императрицей их связывали также и литературные интересы: Екатерина Дашкова была одной из образованнейших женщин своего времени. Когда переворот совершился, отношения императрицы к Дашковой стали прохладнее: она считала, что Дашкова приписывает себе большую, чем было в действительности роль в перевороте 28 июня 1762 г. (12, с. 20).

В отличие от своей младшей сестры Екатерины, будущей основательницы Российской академии наук, которую воспринимала из купели сама императрица Елизавета, а крёстным отцом был великий князь Пётр Федорович, для Елизаветы Воронцовой ничто не предвещало скорого погружения в круговорот придворной жизни.

Елизавета Воронцова — фрейлина великой княгини Екатерины Алексеевны. В 1750 г., спустя пять лет после смерти матери, одиннадцатилетняя Елизавета Воронцова была определена фрейлиной к великой княгине Екатерине Алексеевне. Ее старшая сестра — четырнадцатилетняя Мария, назначалась фрейлиной к самой императрице. Елизавета не забыла дружбы с их матерью Марфой Ивановной и услуг, которые та ей оказывала, и заботилась о ее дочерях, подрастающих в подмосковных имениях Сурминых. Взятие «ко двору» означало для девочек карьеру, хорошие возможности замужества и было большой удачей.

К тому времени, когда в состав великокняжеского двора была введена Елизавета Воронцова, «молодой двор» (племянник императрицы — великий князь Петр Федорович и его жена — великая княгиня Екатерина Алексеевна) существовал уже пять лет. Великокняжеская чета проживала под одной крышей с императрицей, сначала в Зимнем дворце времен Анны Иоанновны, потом в Зимнем дворце Елизаветы Петровны на Мойке. Летом — в Летнем дворце (на месте Михайловского замка) или в Ораниенбауме, подаренном будущему императору Петру III в 1743 г. Елизавета не просто подарила своему племяннику Ораниенбаум: стараниями Растрелли дворец превратился в настоящую великокняжескую (в будущем императорскую) резиденцию.

Сама Екатерина Алексеевна так писала о своем окружении: «...Еще в Москве императрица назначила мне дам и кавалеров, составлявших мой двор. Вскоре по возвращении в Петербург она приставила ко мне русских женщин для того, чтобы, как она говорила, я могла скорее выучиться русскому языку. Я была очень этим довольна. Самой старшей из девушек, которых мне дали, было около двадцати лет; все они были

очень веселого нрава, так что с этого времени, вставши чуть с постели и до самой ночи, я не переставала петь, танцевать, резвиться и дурачиться у себя в комнате...» (3, с. 501—502).

Это были первые ощущения молодой Екатерины, на самом деле все было далеко не безоблачно. Жизнь «молодого двора» протекала на глазах слуг, которых назначала сама Елизавета. К великой княгине была приставлена особо преданная императрице статс-дама Чоглокова, которая, по словам Екатерины, «шпионила за ней и обо всем докладывала Елизавете».

Мемуары Екатерины II фиксируют и первое появление при дворе Елизаветы Воронцовой: «... кроме принцессы Курляндской (дочь ссыльного Бирона — авт.) двор сделал в Москве еще другие приобретения, именно, императрица взяла ко двору двух графинь Воронцовых, племянниц вице-канцлера, дочерей графа Романа, его младшего брата. Старшей, Мариц, могло быть около четырнадцати лет, ее сделали фрейлиной императрицы; младшая, Елисавета, имела всего одиннадцать лет; ее определили ко мне; это была очень некрасивая девочка, с оливковым цветом лица и неопрятная до крайности. Они обе начали в Петербурге с того, что схватили при дворе опсу, и младшая стала еще некрасивее, потому что черты ее совершенно обезобразились и все лицо покрылось не оспинами, а рубцами» (5, с. 181).

Это первая характеристика Воронцовой, правда, записывала это Екатерина значительно позднее, чем впервые увидела свою новую фрейлину, почти ребенка. Характеристика нелестная, но устойчиво вошедшая в обиход при дворе. Имела она под собой какие-то основания? Безусловно, имела. Но вместе с тем формировала образ Елизаветы Воронцовой таким, каким хотела его видеть Екатерина.

Из воспоминаний Екатерины II можно судить и о том, как жили фрейлины, среди которых была Воронцова: «... фрейлины жили по две, по три и по четыре в комнате, у каждой своя постель с занавесью; особых выходов не было...». Обязанностью фрейлин были дежурства, выполнение различных поручений, они развлекали молодую княгиню, отвечали за ее гардероб, драгоценности. По своему положению были по сути бесправны: «принцесса курляндская в течение многих лет совершенно по своему усмотрению распорядилась замужеством императрицыных фрейлин...» (5, с. 45) — ничто не оставалось незамеченным для молодой великой княгини.

Для достижения определенного положения требовалась не только личная преданность, но ум и хитрость. В дальнейшем кто-то из них вхо-

дил в круг друзей, кто-то — соперников Екатерины. Соперницей со временем стала и Елизавета Романовна Воронцова...

Придворная жизнь середины XVIII века была в характере «веселой Елизавет». Балы, маскарады, переодевания, маски, карнавалы... Азартные игры, сплетни, интриги, флирты: «...Карты спасали придворное общество: другого общего примиряющего интереса не было у этих людей, которые, ежедневно встречаясь во дворце, сердечно ненавидели друг друга. Говорить прилично между собою им было не о чем; показать свой ум они умели только во взаимном злословии; заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать...» (8, с. 22).

В такой среде оказалась и, обладающая веселым нравом, унаследованном от матери Марфы Ивановны — плясуньи и «затейницы», совсем юная Елизавета Воронцова, фрейлина-ребенок, подрастающая при дворе и не имеющая особых обязанностей в первые годы. Здесь, в круговороте придворной жизни, формировался ее характер. Взрослеющая Воронцова — «некрасивая девочка, с оливковым цветом лица», постигала премудрости придворной жизни, не предполагая своей будущей роли в ней.

Елизавета Романовна Воронцова — фаворитка великого князя Петра Федоровича. Для Елизаветы Воронцовой путь от фрейлины великой княгини до фаворитки великого князя был длиной в пять лет. Вряд ли она стремилась изменить свой статус, и как-то торопила события. Все получилось как-то само собой...

В первые годы брачной жизни сердце Екатерины было открыто великому князю, хотя «Россию она любила больше», а точнее — российскую корону, и не очень скрывала этого. Отношения в великокняжеской семье, к неудовольствию императрицы, были непростыми с самого начала. Великий князь Пётр Федорович никогда не скрывал от Екатерины своих увлечений другими женщинами. Первой любовью Петра была «курляндская принцесса». Она была некрасивой, маленького роста и слегка горбатая. Но очень скоро он полюбил Шапирову, за нею последовала Теплова, а самой главной его любовью была Елизавета Романовна Воронцова, которую Екатерина назовет «фаворит-султаншей»: «Я очень хорошо видела, что великий князь вовсе не любит меня; через две недели после свадьбы, он опять признался мне в своей страсти к императрициной фрейлине... Я старалась восторжествовать над своим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любил меня» (5, с. 37—38).

В конце XIX века, опираясь, очевидно на бытующее мнение, Воронцову продолжали характеризовать нелестно: «Вкус же Петра был удивительный. Его дамы сердца были постоянно самые некрасивые женщины, которых только можно было выискать при дворе. Елизавета Воронцова положительно бросалась в глаза своим безобразием, всё лицо её было исковеркано оспинками, она была толстая и малого роста, лишённая ума и вообще всяких духовных качеств. Но, несмотря на эти все недостатки, она оказывала на Петра громадное влияние. Екатерину оскорбляла духовная нищета её супруга и, право, нечего удивляться тому, что она с первых дней замужества засматривалась на красивых гвардейцев» (19, с. 19).

Начало увлечения великого князя Воронцовой можно отнести к середине 1750-х гг. Их отношения стали активно развиваться в 1756 г., о чем снова свидетельствуют мемуары Екатерины II: «...Я прошла через переднюю, где нашла Его Императорское Высочество, усевшегося в уголке с графиней Елисаветой Воронцовой и занятого игрою в карты с ней. Он встал, и она также, когда меня увидел, чего он обыкновенно не делал; на эту церемонию я ответила очень глубоким реверансом и прошла своєю дорогой» (3, с. 700).

Великий князь не скрывал своих отношений с Воронцовой и проводил с ней много времени, что не могло не задевать Екатерину: «Я узнала, что Великий Князь терпеть не мог Русской комедии, и даже сердился; когда его звали на неё; на этот раз сверх отвращения к народной комедии он имел и другую причину и даже личный интерес не желать, чтобы я на неё поехала; в это время графиня Елизавета Романовна ещё не ходила к нему; он видался и любезничал с нею в передней комнате, где она обыкновенно сидела с другими фрейлинами; если бы я поехала на комедию, эти девицы должны были сопровождать меня, и таким образом Его Высочеству нечего было бы делать, как идти пить у себя в комнатах» (5, с. 233—234).

Вскоре великий князь совсем перестал замечать свою жену. Даже когда Екатерина серьезно заболела, он не пришел к ней и не прислал спросить, как она себя чувствует. Из воспоминаний Екатерины: «Я после того узнала, что в этот самый день он обещал Елисавете Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба очень радовались моему состоянию» (3, с. 704).

Екатерина чувствовала себя униженной таким положением дел: «Что касается Великого Князя, то я с ним не имела вовсе отношений, слышала только, что он ждёт, не дожждётся минуты, когда меня отош-

лют, и что он, наверное, рассчитывает вступить во второй брак и жениться на Елисавете Романовне Воронцовой, она приходила уже в его покои и разыгрывала хозяйку» (5, с. 250).

Однако, «отставка» великой княгини принята не была, внешне отношения были улажены, в чем принимал участие дядя Воронцовой — канцлер М. И. Воронцов. Императрица была полностью на стороне Екатерины Алексеевны. Она отдавала должное ее уму и критически относилась к своему племяннику: «Она любит правду и справедливость; это очень умная женщина, но мой племянник — дурак».

Елизавета способствовала и тому, чтобы в окружении Екатерины были молодые мужчины. В 1756 г. избранником Екатерины стал Станислав-Август Понятовский, в то время польский посланник при российском дворе. Станислав-Август Понятовский часто жил в Петергофе и достаточно часто ездил в Ораниенбаум, где располагался тогда молодой двор.

Пётр знал об этом увлечении жены: «Пётр III смущал их иной раз, хотя он был мало ревнив и свою трубку, любовницу и солдат предпочитал своей очаровательной жене» (15, с. 83).

Известно, что Пётр с Екатериной не однажды устраивали ужины вместе с Понятовским и Елизаветой Воронцовой; они проходили в покоех великой княгини. Из мемуаров Понятовского: «Затем мы принялись болтать, хохотать, устраивать тысячи маленьких шалостей, используя находившийся в этой комнате фонтан, так, словно мы не ведаем никаких забот. Расстались мы лишь около четырёх часов утра». После, удаляясь с фавориткой на свою половину, Пётр шутил: «Ну, дети, теперь мы вам больше не нужны» (16, с. 87).

О некоем своеобразии жизни великокняжеской семьи могут рассказать особенности планировки внутренних покоев Большого дворца в Ораниенбауме. На половине Екатерины существовала потайная лестница, по которой к ней приходил на свидания тогдашний ее фаворит Понятовский. На другой половине, под покоем Петра Федоровича, находились апартаменты для его фаворитки Елизаветы Воронцовой. Это опочивальня с потайной лестницей, кабинет с камином, так называемый Золотой кабинет (будуар), и кабинет Дианы, оформление которого посвящено древнеримской богине Луны, охоты и целомудрия. Можно полагать, что с этого времени Екатерину Алексеевну вполне устраивало присутствие рядом с Петром его фаворитки Елизаветы Воронцовой.

Елизавета Романовна Воронцова — фаворитка императора. Великий князь Петр Федорович стал императором 25 декабря 1761 г. в день

смерти Елизаветы, вступив на престол под именем Петра III. Сестра Елизаветы Воронцовой — княгиня Дашкова, в своих Записках так рассказывает о первых днях правления Петра III: «25 декабря, в день рождения Христова, мы имели несчастье потерять императрицу Елизавету. Я могу засвидетельствовать как очевидец, что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида...» (2, с. 35).

С вступлением Петра на престол, положение Елизаветы Воронцовой очень изменилось — она становится не просто избранницей, а официальной фавориткой: «Избавившись от опеки строгой тетки, Петр наполнил ее дворец дымом солдатского кнастера и запахом вина и портера, которыми злоупотреблял ежедневно и еще с утра. Поэтому за обедом он уже не владел собою, говорил заведомые небылицы или обнаруживал такие секреты политики и придворных отношений, какие следовало хранить строго... Мучимый идеей своей гибели в России, Петр III пустился во все тяжкие. Только так он ощущал себя личностью. Во всем этом хаосе, который сам и создал, Петр III нашел единственного человека, принимавшего его таким, каким он был. Елизавета Воронцова... Тогда же без церемоний и стеснений обнаружилась его пассивность к Воронцовой, на которой он хотел жениться. Положение сразу сделалось зазорным и неприличным». Законной жене, Екатерине II, грозило отречение и ссылка в монастырь. «К жене отношение Петра, и прежде враждебное, теперь перешло в ненависть. Екатерина мешала ему жить. При ней он не мог жениться на Воронцовой...» (17, с. 141).

Петр III начал свое правление с амнистии и возвращения из ссылки опальных немцев — Миниха, Бирона и других государственных деятелей. Следующими шагами был Указ о вольности дворянской и уничтожение Тайной канцелярии, ведавшей политическими преступлениями. Однако, вместо расположения дворян он получил ненависть, так как стал переделывать армию на прусский манер, вызвав недовольство армии и гвардии. Оставаясь в душе лютеранином, восстановил против себя духовенство. «Первые действия Петра Фёдоровича по восшествии его на престол ярко очерчивают во всей целостности характер этого государя. Страстность, порывистость во всех действиях, сопровождавшаяся нередко забвением не только личных, но и государственных интересов, но так же доброта и великодушие, доходившие до самозабвения, — вот отличительные черты нравственной личности нового государя», — так писал о нем историк Семевский (15, с. 182).

О желании жениться на Воронцовой Петр III говорил в первые недели по восшествии ее сестре княгине Дашковой, но не встретил понимания. Через полгода Екатерина Дашкова станет одной из участниц переворота, приведшего Петра III к свержению: «...на шестой день моя сестра написала мне, что государь недоволен тем, что я не приезжаю, и не верит моей болезни. Не желая вызывать неприятного объяснения между императором и моим мужем, я после обеда поехала сначала к моему отцу и к дяде, а затем отправилась во дворец... Когда я вошла в гостиную, Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре и было так нелепо, что мне не хочется и повторять его слова. Я притворилась, что не поняла их, и поспешила присоединиться к игре в камни...» (2, с. 85).

Сразу же после вступления на престол Петр III пожаловал Воронцову в камер-фрейлины, а 9 июня 1762 г., в день заключения мира с прусским королем, возложил на нее екатерининскую ленту: «...в Летнем дворце состоялся еще ужин в присутствии нескольких городских дам, любимых генералов и офицеров и прусского министра; тут Петр III по-своему изобразил свою радость, и его в четыре часа совершенно пьяного вынесли на руках, посадили в карету и отвезли домой во дворец... Однако перед отъездом из Летнего дворца он наградил мою сестру, Елизавету, орденом св. Екатерины...» (2, с. 35). Это была высшая степень ордена, Воронцова стала кавалерствующей дамой Большого креста. Согласно статусу ордена Большой екатерининский крест могли иметь одновременно только 12 дам из ближнего окружения императрицы. Однако эти знаки отличия ей было суждено носить меньше месяца. После переворота она лишилась и камер-фрейлинского портрета, и ордена св. Екатерины.

Интересные характеристики, отличные от характеристик Воронцовой в мемуарах Екатерины, приводит в своих Записках придворный ювелир Позье, который рассказывает о первых днях вступления на престол Петра III, о влиянии на него Воронцовой: «...Во время кончины императрицы Елизаветы, я был очень болен... В это время великий князь прислал ко мне одного из своих офицеров просить меня достать ему золотую табакерку, осыпанную брильянтами...». Елизавета запрещала давать великому князю кредит, поэтому жена Позье отказала прибывшему офицеру. Позье переживал по этому поводу и для того, чтобы поздравить нового императора, решил прибегнуть к помощи Воронцовой: «...Я был обязан идти его поздравить, а как представиться ему после того, что случилось? Дело шло о совершенной моей погибели...».

При дворе было известно о влиянии Воронцовой, поэтому Позье обратился к ней: «...Я знал, что фрейлина графиня Елизавета Воронцова, воспитанная у дяди ее великого канцлера Воронцова и бывшая фрейлиной при великой княгине, имела большое влияние на нового императора, которого она слыла фавориткой и так как она оказывала мне большое расположение, то я решился написать к ней записку с объяснением, что болезнь до того расслабила меня, что я несмотря на сильное моё желание поздравить императора с восшествием на престол, не могу этого исполнить, т. к. слабость моя не позволяет мне долго стоять в ожидании его в зале; что я знаю, что он иногда бывает на ее половине и что она премного обяжет меня, если позволит отправиться к ней, дав мне знать, когда он будет у нее...».

Позье свидетельствует о том, что Воронцова была достаточно обходительна и доброжелательна, по крайней мере хорошо воспитана: «...Она меня приняла весьма вежливо, поздравив меня с выздоровлением; сказала, что император не замедлит навестить её, и что мне можно будет поздравить его тут, и что при нём будет небольшая свита. В самом деле, минутой спустя он вошёл в сопровождении двух своих любимцев...» (6, с. 250).

Воспоминания Екатерины II свидетельствуют, что новоявленный император сразу же распорядился, чтобы фаворитка переехала в покои, самые близкие к его комнатам: «...Император приказал приготовить для себя покой от меня через сени, где жил Александр Иванович Шувалов, и что в его покое, возле моих, будет жить Елисавета Романовна Воронцова...». Зная буйный характер Петра III и его склонность к пьянству, нетрудно предположить, что Елизавета Воронцова оказалась в весьма сложном положении. Между ними нередко возникали ссоры: «Император ужинал у графа Шереметева тут Елисавета Воронцова приревновала, не знаю к кому, и приехали домой в великой ссоре» (3, с. 708).

Елизавета Воронцова даже просила императрицу быть посредником между ней и Петром III. Говорила, что не желает больше жить во дворце, и умоляла отпустить её к отцу: «...На другой день, после обеда, часу в пятом, она прислала ко мне письмо, прося меня, дабы я для Бога самого пришла к ней, что она имеет величайшую нужду говорить со мною, сама же не может прийти ко мне, понеже лежит больна в постели. Я пошла к ней и нашла ее в великих слезах... и начала меня просить, чтоб я пошла бы к Императору и просила бы его именем ее, чтоб он бы ее отпустил к отцу жить, что она более не хочет во дворце остаться...». Императрица действительно обращалась с этой просьбой к Петру III:

«Я начала говорить ему: "Ежели вы дивитесь моему приходу, то еще более удивитесь, когда сведаете, с чем я пришла", и рассказала ему все от слова до слова, как Елисавета (авета). Романовна). Воронцова ко мне писала, и что говорила со мною, и как я отклоняла сию комиссию и причины, кои она имеет не верить кроме меня оной. Он, услыша сие с удивлением и задумчивостию, заставил меня повторить сказанное». Однако эта просьба не была удовлетворена: «Тогда Мелыунов и Лев Нарышкин мне пеняли, что, имея такую хорошую оказию выгнать ее из дома, не воспользовалась тем...» (3, с. 708—710).

О первых неделях воцарения Петра III рассказывают и записки А. Т. Болотова. Болотов часто бывал во дворце, но так случилось, что ему никогда не удавалось видеть фаворитку Петра III, которую он представлял красавицей. Однажды, будучи во дворце, он увидел двух женщин в чёрных платьях, идущих в комнату к государю. И спросив у стоявшего рядом офицера, кто была первая из прошедших, очень удивился, узнав, что это императрица. Но ещё больше он удивился, когда узнал, что вторая, шедшая за ней женщина была Елизавета Романовна Воронцова: «эта-то Елисавет Романовна!.. Ах! Боже мой... да как это может стать? Уж такую толстую, нескладную, ширококорую, дурную и обрюзглую совсем, любить и любить еще так сильно государю? Ну, правду сказать, есть чему и дивиться, подхватил я, пожимая только плечами, ибо в самом деле была она такова, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно» (7, с. 196). Французский посол Бретейль будто поддерживает Болотова: «Трудно себе представить женщину безобразнее ее; она похожа на трактирную служанку» (13, с. 130).

Была ли она столь безобразной, как ее описывают, судить трудно. До наших дней дошло лишь несколько портретных изображений Е. Р. Воронцовой. Наиболее известен портрет, который находится в Государственном Историческом музее Москвы, авторство которого приписывают русскому живописцу А. П. Антропову. Антропов являлся придворным живописцем при Петре III. Написанный им парадный портрет Петра III считается наиболее удачным. На портрете Антропова Елизавета Романовна Воронцова изображена поколенно. В правой, опущенной руке она держит веер, левой придерживает букетик цветов на груди, касаясь пальцами фрейлинского портрета на голубом банте. Парадность портрета подчеркивается расположенной справа колонной. Темно-голубое платье украшено рюшами, подкладка мантильи в красно-розовых тонах, вокруг выреза платья — розочки, на шее — бантик. Темная кружевная горжетка на короткой полной шее подчеркивает некраси-

вое, чувственное лицо «Романовны», как обыкновенно называл свою фаворитку Петр III. Шпалерная мануфактура в 1762 г. выткала портрет Е. Р. Воронцовой. Возможно, в качестве образца был использован портрет работы Антропова (14, с. 92).

Переворот 28 июня 1762 г. Переворот, подготавливаемый в течение нескольких месяцев, был стремительным, а роль в нем официальной фаворитки Елизаветы Воронцовой — пассивной. Это была, скорее, роль женщины, которая хочет, чтобы все поскорее закончилось. Оппозиционные настроения появились уже в начале царствования Петра III. Недовольных его действиями было много. В гвардии зрела оппозиция.

В августе 1762 г. Екатерина II так пишет о минувших событиях Понятовскому: *«...Пётр III потерял остатки разума. Он обрушивался на всех подряд, он решил уничтожить гвардию и послал её для этого в поход, заменив оставшимися в городе остатками голштинцев. Он собирался перейти в другое вероисповедание, жениться на Л. В. (Елисавете Воронцовой), а меня заточить в тюрьму...»* (9, с. 23). 9 июня 1762 г. в день празднования мира с прусским королем, Пётр III приказал арестовать Екатерину, но её дядя, принц Георг, заставил отменить приказ. После этого Пётр III уехал в Ораниенбаум, а Екатерина II начала вслушиваться в предложения, которые делались ей со дня смерти императрицы: *«...Я была в Петергофе. Петр III жил и пьянствовал в Ораниенбауме. Согласились на случай предательства не ждать его возвращения, но собрать гвардейцев и провозгласить меня...»* (9, с. 23).

Переворот не оставлял Петру III возможности реванша. Екатерине присягнули гвардейские полки, на ее стороне были Синод и Сенат. Петр укрылся в Петергофе с кучкой верных голштинских войск. С ним была Воронцова.

Екатерина выступила во главе войск, направлявшихся в Петергоф: *«Когда мы подошли к небольшому монастырю на этой дороге, является вице-канцлер Голицын с очень льстивым письмом от Петра III...»*, так писала она после переворота Понятовскому. Понимая бессмысленность обороны несколькими полками, Миних предложил перебраться в Кронштадт, где был многочисленный, хорошо укрепленный и вооруженный гарнизон. Однако, Кронштадт был уже на стороне Екатерины и не подпустил яхту Петра III к берегу: *«...Когда бывший Император узнал о мятеже в городе, молодые женщины, из которых он составил свою свиту, помешали ему последовать совету старого фельдмаршала Миниха который советовал ему броситься в Кронштадт или удалиться с небольшим числом людей к армии, и, когда он отправился на галере*

в Кронштадт, город был уже в наших руках...» (9, с. 23). Тогда он вернулся в Ораниенбаум с намерением бежать.

Между Троице-Сергиевой пустыней, где находилась Екатерина, и Ораниенбаумом, где к тому времени вместе с Елизаветой Воронцовой был император, сновали курьеры. Петр III был готов к отречению, к нему его склоняла и Воронцова, которая предложила ему просить позволения вдвоем уехать в Голштинию. В ответ Екатерина прислала ему текст отречения от престола, который он и подписал: «...Петр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения, окруженный 1590 голштинцами, и прибыл с Елисаветой Воронцовой, Гудовичем). и Измайловым в Петергоф, где, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеров и несколько солдат» (9, с. 23).

О том, чтобы отпустить Петра вместе с Воронцовой в Голштинию, Екатерина не помышляла, для них она готовила совсем другие «апартаменты»: «...я послала, под начальством Алексея Орлова, в сопровождении четырех офицеров и отряда смиренных и избранных людей, низложенного Императора за 25 верст от Петергофа, в местечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень приятное, на то время, пока готовили хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге и пока не успели расставить лошадей для него на подставу...» (9, с. 23).

Петр просил у Екатерины оставить с ним Елизавету Воронцову, верного слугу, собаку и скрипку. Но получил только три последние вещи. Письма низложенного императора из Ропши, касающиеся его судьбы и условий содержания, удивляют своим смирением: «Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться... Отдаваясь Вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог ей заплатит непременно, Ваш нижайший слуга Петр».

«Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человеку, который достаточно уже несчастен, имейте жалость ко мне и оставьте мне мое единственное утешение Елизавету Романовну. Вы этим делаете большее милосердие Вашего царствования; если же Ваше Величество пожелало бы меня видеть, то я был бы совершенно счастлив. Ваш нижайший слуга Петр».

«Ваше Величество, Я еще прошу меня, которой Ваше воле исполнял во всем отпустить меня в чужие края с теми, которые я Ваше величество прежде просил и надеюсь на ваше великодушие, что вы не оставите без пропитания. Верный слуга Петр» (10, с. 73).

Уехать в Голштинию ни одному, ни с Елизаветой Воронцовой, низложенному императору не довелось: он был убит в Ропше вскоре после ареста. Екатерина решила устранить возможного конкурента окончательно, но, не желая испортить свою репутацию, повела дело так, что ее окружение решилось на убийство императора Петра без высочайшей санкции. Ее же версия причины смерти были «гемморoidalные колики». Сразу после убийства Алексей Орлов направил императрице покаянное письмо. Бывшего императора похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры.

О положении Воронцовой после переворота, можно судить по запискам ее сестры — Екатерины Дашковой: *«Мой отец принял меня без малейшего гнева, но выразил свою досаду по поводу того, что его двадцать четыре часа продержали под стражей, как государственного преступника, и жаловался на присутствие в доме моей сестры, графини Елизаветы».* Для Елизаветы Воронцовой дом её отца стал в то время единственным убежищем, но отец не желал жить с ней под одной крышей: *«Он с трудом разрешил мне пойти к сестре: он никогда не чувствовал особенной нежности к ней, а полное невнимание к нему с ее стороны в царствование Петра III, когда он представлял из себя ноль без всякого влияния, не послужило к улучшению их отношений... я просила его принять во внимание настоящее положение моей сестры, вследствие которого его дом представлялся единственным приличным и естественным убежищем для нее, и что со временем их обоюдное желание не жить под одной кровлей, несомненно, будет приведено в исполнение с сохранением приличий... В комнате моей сестры мне пришлось выслушать длиннейшую жалобу. Я уверила сестру в моей нежности к ней и сказала, что не говорила еще с императрицей о ней, потому что была убеждена, что у государыни были самые благожелательные и великодушные намерения по отношению к ней и что все возможное будет для нее сделано...»* (2, с. 284).

Екатерина II по отношению к Воронцовой была великодушна. Несколько раз она присылала сказать, что не оставит ее. От бывшей фаворитки императрица потребовала только отсутствия во время коронационных торжеств в Москве.

Елизавета Романовна Полянская. После переворота 28 июня 1762 г., Елизавета Воронцова была лишена ордена св. Екатерины и отправлена в подмосковную деревню отца. Сама Екатерина II взялась устроить дальнейшую судьбу Воронцовой, *«чтобы она уже ни с кем дела не имела и жила в тишине, не подавая людям много причин о себе говорить».*

Е. Р. Воронцова вышла замуж 16 февраля 1765 г. за Александра Ивановича Полянского (1721—1818). Бригадир, статский советник, он происходил из дворян Пензенской губернии (18, с. 157). Свадьба не была пышной, но родственники с обеих сторон присутствовали. По витавшему «в воздухе» мнению, не обошлось без участия Екатерины. Позднее, по духовному завещанию отца, Е. Р. Полянская получала 10 тысяч рублей как «давно обещанные». Ее сестры не получили ничего как «замужние». Правда, и Воронцова была к тому времени Полянской... выделенные деньги, скорее всего — тоже забота императрицы. Екатерина была приемницей сына Полянской — Александра.

В Петербурге Воронцова, теперь уже Полянская, поселилась в доме на Английской набережной, 28, принадлежащем семейству Полянских с 1710 г. Впоследствии дом перешел по наследству к Александру, сыну Е. Р. Полянской. В XVIII веке дом был двухэтажным, в 13 окон по фасаду, на высоком цокольном этаже. По возвращении из первого своего пребывания за границей в 1771 г. здесь у сестры жила Екатерина Романовна Дашкова. После Полянских дом перешел к Никите Всеволодовичу Всеволожскому, их дальнему родственнику. Еще позже, новым владельцем участка на Английской набережной становится Павел Григорьевич Дервиз — крупнейший в России концессионер, строитель железных дорог. После смерти П. Г. Дервиза дом перешел к его сыну Павлу. В 1904 г. П. П. Дервиз продал его великому князю Андрею Владимировичу, которому особняк и принадлежал до 1917 г. Современный вид дом приобрел после перестройки для П. Д. Дервиза в 1898 г. по проекту архитектора А. Ф. Красовского. Ныне это дворец бракосочетаний.

Воронцова-Полянская никогда больше не появлялась при дворе, но бывала в свете. У Елизаветы Романовны Полянской было двое детей — дочь Анна и сын Александр. Анна в 1782 г. была пожалована фрейлиной, а впоследствии вышла замуж за голландского посланника барона Гагера. Сын Александр, родившийся в 1774 г., в возрасте 6 лет был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1802 г. был пожалован в действительные камергеры. В августе 1809 г. определен к исправлению гражданской службы в Министерстве юстиции. Через несколько месяцев, в звании советника, возведен в Санкт-Петербургскую палату уголовного суда, а с октября 1812 г. — председатель этой палаты. Незадолго до кончины был назначен сенатором и произведен в тайные советники. По отзывам современников был человеком доброй души и большим любителем театра. Дом Полянских был хорошо известен в Петербурге. Именно сюда в 1803 г. приехала англичанка М. Уильмот,

одна из подруг княгини Дашковой. Племянник и племянница княгини ввели англичанку в петербургский свет. Сенатор А. А. Полянский скончался в один год со своим отцом, 28 марта 1818 г. Дочь Анна Александровна часто жила у своей тетки — княгини Дашковой в ее имении в Троицком. Слыла доброй и чуткой женщиной (1, с. 257—258).

В течение всей жизни Воронцова поддерживала родственные отношения со своими братьями и сестрами и их семьями. Таких свидетельств не так уж много, но они есть. Судя по запискам Дашковой (начало 1760-х), отношения между сестрами всегда были вполне родственными: «Через два дня после отъезда князя со мной случилась неприятность... взломали окно комнаты, где горничная хранила мое белье, платье и даже деньги, — я ей доверяла решительно все. Моя сестра, графиня Елизавета, прислала мне кусок великолепного голландского полотна. Я послала ей сказать, что мне главным образом нужны были одна или две рубашки, пока прачка не принесет белье, находившееся у нее во время кражи; сестра немедленно прислала их мне...» (2, с. 247).

Екатерина Дашкова содействовала в определении своей племянницы Анны Полянской во фрейлины императрицы, о чем тоже писала в своих «Записках»: «...Я убедительно просила Потемкина... вспомнить о моем желании относительно моей племянницы Полянской. Мне совестно смотреть на нее, добавила я, после 1762 года, изменившего ее судьбу под моим влиянием, и этого тягостного чувства не искупят все сокровища императрицы... Спустя добрый час тот же адъютант возвратился с копией в руке и прочитал мне приказание возвести молодую Полянскую в достоинство фрейлины. Я побежала с этой новостью к сестре, которая ужинала в этот вечер у графа Воронцова; она была в полном восторге от нового назначения, дававшего ее дочери положение и вес в свете» (2, с. 252).

В письме к своему брату — С. Р. Воронцову (российскому посланнику и дипломату) и его супруге от 19 марта 1784 г., Е. Р. Полянская пишет: «...Мне сказали, что ты назначен в Англию... Княгиня Дашкова просила меня, чтобы я сделала комплименты вам обоим, когда буду писать вам... Вы ничего не пишете о Мишеньке, говорит ли он? Я ему вышила кошелек...» (1, с. 256). Писала по-французски. Письмо наполнено неподдельной искренностью и интересом.

Брат Воронцовой — А. Р. Воронцов, состоял в переписке с Радищевым, которому покровительствовал. Воронцов сочувствовал ссылке автору «Путешествия из Петербурга в Москву» и помогал ему. Из письма Радищева узнаем, в какой печали и скорби находился он

после кончины сестры — Елизаветы Полянской. *«Помимо радости, доставляемой мне всегда получением ваших писем, я чувствую еще большее утешение от известия, что вы здоровы, что здоровье ваше не ухудшилось от скорби по покойной сестре вашей и особенно от того, что вы были свидетелем ее смерти...»* (11, с. 401).

Обстоятельства достаточно ранней смерти Е. Р. Полянской неясны. Елизавета Романовна Воронцова похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (7А, с. 152).

На постаменте памятника высечена надпись: «Елизавета Романовна Полянская рожденная графиня Воронцова скончавшаяся 1792-го года 2 февраля от рождения ей было 49 лет». Надпись ошибочна, умерла она на пятьдесят третьем году жизни. Неподалеку захоронены ее супруг, скончавшийся 28 ноября 1818 г. и сын — Александр.

Мы перелистнули страницы судьбы Елизаветы Романовны Воронцовой-Полянской. Перед нами прошла вся ее жизнь от рождения и до смерти. Мы прошли вместе с ней все этапы ее жизненного пути. Сама о себе она почти не рассказывала. О ней говорили ее современники. Положительных характеристик ей почти не давалось. Только, пожалуй, Позье свидетельствует о ней, по крайней мере, как о светском человеке. И свидетельства ее родных, которые представляются более объективными.

Пожалуй, у нее не было ни друзей, ни врагов. Даже Екатерину нельзя причислить к ее врагам, и нельзя назвать их отношения противостоянием. Слишком неравны они были во всем. Екатерина была умна, дальновидна... Воронцову дальновидной назвать трудно.

Характер Елизаветы Воронцовой формировался в отсутствии материнской заботы. Ее отец был озадачен воспитанием сыновей и преуспел в этом. Но нрав ей передался материнский — веселый, скорее даже беззаботный. Возможно, именно он привлек к ней великого князя, потом императора?

Елизавета Воронцова не имела сильного характера, и не желала вмешиваться в государственные дела. Фавориткой, в общепринятом значении, ее назвать нельзя. Она не была интриганкой, не вмешивалась ни в политику, ни в отношения в великокняжеской семье.

Скорее, можно говорить об искренней привязанности, хотя, нигде не встречается реакция Воронцовой на арест и смерть Петра III. Ближайшие к перевороту дни описывает в своих «Записках» ее сестра — княгиня Дашкова, но там только «длиннейшая жалоба» и никакого беспокойства.

После смерти Петра III, она вышла замуж за Полянского и прожила с ним до конца своей жизни. Вспоминала ли она когда-нибудь, свою более, чем десятилетнюю придворную жизнь и человека, чьей избранницей она была, неизвестно. Сожалела ли она о чем-то, свидетельств этому нет.

Анна Петровна Лопухина. (женская судьба в истории России)

Беркос Анастасия,

10 класс, ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2010г.

Настоящая работа посвящена Анне Петровне Лопухиной, представительнице старинного дворянского рода Лопухиных, дочери государственного деятеля Петра Васильевича Лопухина, фаворитке императора Павла I, супруге князя Гагарина. Анна Петровна Лопухина — вторая женщина из рода Лопухиных, в судьбу которой вмешивались «власть предержажшие». К роду Лопухиных принадлежала и первая жена Петра I Евдокия Федоровна Лопухина, судьбу которой счастливой не назовешь.

Так что же формирует женскую судьбу, какие события, обстоятельства на нее влияют или случай ее вершит? Вряд ли моя героиня могла предположить, что её имя войдёт в историю рядом с именем русского императора.

Выбор темы не был для меня случайным. Моя прошлогодняя работа была посвящена Елизавете Романовне Воронцовой — фаворитке императора Петра III. Интересно, похожи ли судьбы этих императоров России? А характеры их фавориток? Судьбы императоров — отца и сына, оказались похожими: оба были убиты в результате заговора. Оказалось, что в чем-то были схожи и характеры их избранниц.

В этой работе, я хотела бы попытаться ответить на эти вопросы и поближе познакомиться с фавориткой Павла I — Анной Петровной Лопухиной. Её жизнь была достаточно короткой, да и не очень счастливой. Так ли просто быть фавориткой императора, как может показаться на первый взгляд? Что чувствовала и о чём думала эта молодая женщина? К сожалению, к словам самой «героини» мы апеллировать не можем, так как дневника она не вела, а воспоминаний оставить не успела.

Цель работы: создание исторического портрета Анны Петровны Лопухиной. **Задачи:** дать представление об Анне Лопухиной как о представительнице рода, как о фаворитке императора Павла I, супруге князя Гагарина и человеку.

В своей работе я в основном полагалась на мемуарную литературу. Наиболее полные сведения по моей теме содержатся в записках графини В. Н. Головиной, мемуаристки, подробно описавшей жизнь при дворе Павла I. Так же я использовала записки Н. А. Саблукова, в которых приводятся некоторые подробности отношений Павла I и Анны Лопухиной-Гагариной. В работе использованы материалы из книги Г. И. Чулкова «Императоры: Психологические портреты». Во второй главе использованы материалы из книги Альбины Даниловой «Воспитанницы Смольного института». Там я нашла информацию об отношениях Павла I со своей бывшей фавориткой Екатериной Нелидовой. Достаточно краткие биографические сведения об Анне Лопухиной и её семье приводятся в книге «Дворянские роды Российской империи» и в Русском биографическом словаре. В последней главе использованы записки и воспоминания очевидцев из книги «Цареубийство 11 марта 1801 года».

Настоящая работа является новой и по теме и по содержанию, так как работ, отдельно посвященных А. П. Лопухиной нет.

Актуальность темы в том же, потому что представить еще одну женскую судьбу, оставившую след в истории России, не может быть не важным и тем более, неинтересным.

Из рода Лопухиных. Анна Петровна Лопухина родилась 8 ноября 1777 г. в Москве. Её отец, Пётр Васильевич Лопухин, принадлежал к старинному дворянскому роду Лопухиных, который происходил от касожского князя Редери. Никто из близких родственников Анны Лопухиной не был связан с придворной жизнью. Правда, Евдокия Лопухина была супругой Петра I, но после того, как отношения между Петром I и Евдокией Лопухиной охладели, род Лопухиных перестал иметь влияние при дворе. Таким образом, можно говорить о том, что Анна Лопухина была второй женщиной из рода Лопухиных, вовлеченной в круговорот придворной жизни. Следует познакомиться с членами этого знатного русского рода поближе.

Отец А. П. Лопухиной — Пётр Васильевич Лопухин (1744—1827) светлейший князь (с 1799), активный государственный деятель. Начал службу в 1760 г. капралом в лейб-гвардии Преображенском полку и в 1777 г. был произведён в чин полковника. В 1779 г. назначен обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, в 1782 г. — правителем тверского намест-

ничества в звании генерал-майора. В 1784—1794 гг. — Московский губернатор. В 1794 году становится генерал-губернатором Ярославской и Вологодской губерний.

Лопухин пользовался доверием императора Павла I. С его воцарением был переведён в Петербург и назначен сначала сенатором, а в 1798 г. — генерал-прокурором с производством в действительные тайные советники и награждён орденом Св. апостола Андрея Первозванного. 22 февраля 1799 г. ему и всему его роду пожаловали титул светлейшего князя. При императоре Александре I он становится министром юстиции (1803—1810), а затем председателем департамента Гражданских и Духовных дел Государственного совета (1810—1816). С 1816 г. до своей кончины в 1827 г. — председатель Государственного совета и комитета министров (2, с. 178) Анна Петровна была дочерью П. В. Лопухина от первого брака с Прасковьей Ивановной Левшиной.

Мать Анны Петровны Лопухиной — дочь полковника Левшина и его жены, княжны Львовой. От брака с Петром Васильевичем Лопухиным она имела трех дочерей: Анну (1777—1805), Екатерину (1783—1830), Прасковью (1784—1870). Прасковья Ивановна умерла очень рано, поэтому о ней сохранилось мало сведений, и ей не пришлось быть свидетельницей возвышения своей семьи (9, с. 646).

Анна Лопухина, как и другие дети, воспитывалась мачехой — Екатериной Николаевной Шетневой (1763—1839). Екатерина Николаевна Шетнева родилась в 1763 г. Была дочерью генерал — поручика Николая Лаврентьевича Шетнева и его жены, урожденной Матюшкиной. В конце 1780-х гг. Екатерина Николаевна вышла замуж за московского губернатора Петра Васильевича Лопухина.

По запискам графини В. Н. Головиной, можно судить, что это была довольно невоспитанная женщина: *«Роду она была незнатного и манеры её доказывали полное отсутствие воспитания; к тому же известно было, что прошлое её далеко небезукоризненное. Она было мачехой Лопухиной, которая вместе со своими двумя младшими сёстрами, лишилась ещё в детстве своей родной матери»* (3, с. 44) Е. Н. Шетнева имела много поклонников; в числе их были и граф Безбородко, и в особенности Ф. П. Уваров.

После смерти Павла I Лопухины возвратились в Москву. В 1826 г., во время коронации императора Николая I, Е. Н. Лопухина была пожалована орденом Св. Екатерины I-го класса, а в следующем 1827 г., овдовев, переехала опять в Петербург, где и скончалась 16 сентября 1839 г. Похоронена в селе Красный Яр Порховского уезда Псковской губер-

нии (9, с. 633). От брака с Екатериной Николаевной Шетневой, князь П. В. Лопухин имел еще трех дочерей: Александру (1788—1852), Елизавету (?—?), Софью (1798—1825).

Единственным сыном Петра Васильевича Лопухина был Павел (1790—1872), который известен как участник сражений Отечественной войны 1812 года. Светлейший князь с 1799 г., флигель-адъютант императора Павла I, генерал-поручик. За личный героизм и мужество в войне 1812 г. награждён орденом Св. Георгия 3-й степени. Скончался Павел 23 февраля 1873 г. Детей у него не было.

Сестра А. П. Лопухиной, Екатерина Петровна Лопухина — светлейшая княжна с 1799 г., служила при дворе. Была супругой Г. А. Демидова. Её Муж — Григорий Александрович служил флигель-адъютантом лейб-гвардии Конного полка (2, с. 178).

Итак, характер Анны Лопухиной формировался в семье, принадлежавшей к известному дворянскому роду и имевшей свои давние традиции. Вспоминали ли когда-нибудь в семье о судьбе Евдокии Лопухиной, знала ли о ней Анна, неизвестно.

Ее родная мать умерла, когда Анна была подростком. Поэтому она воспитывалась мачехой. Можно предположить, что Анна, будучи старшей, возложила на себя некие моральные обязательства по отношению к младшим детям в семье. Может быть и некоторая терпимость в характере, которую отмечали современники, «родом» из детства.

Благодаря Анне Лопухиной снова произошло возвышение рода Лопухиных. Наверное, молодая Анна не могла предположить, что совсем скоро она станет объектом интриги, результатом которой будет её сближение с императором...

В центре придворной интриги. Впервые Павел I увидел Анну Лопухину в 1796 г. на коронационных торжествах в Москве, но решил, что Анна ещё слишком молода. В 1798 г. император вернулся в Москву, где на одном из балов снова встретил Лопухину.

Об этой встрече, пишет в своих записках Саблуков: *«Однажды, на одном из балов, данных в Москве по случаю его приезда в 1798 г., император был совершенно очарован огненными черными глазами девицы Анны Лопухиной. Кутайсов, которому Павел сообщил о произведенном на него впечатлении, немедленно же рассказал об этом отцу девицы, с которым и был заключен договор, имевший целью пленить сердце его величества»* (11, с. 456).

Значение Ивана Кутайсова при дворе было велико... Он был настолько близок к Павлу, что изучил все его слабости, чем охотно поль-

зовался в своих целях. Но Кутайсову этой власти было мало. Он считал, что из-за того влияния, которое оказывают на императора Нелидова и Мария Фёдоровна, он может потерять своё положение при Дворе.

Анна Лопухина, сама того не ведая, оказалась объектом придворной интриги, вызванной противостоянием фаворита Павла, Ивана Кутайсова и его сторонников и императрицы Марии Фёдоровны в союзе с Нелидовой. Об этом свидетельствует письмо графа Кутайсова С. Р. Воронцову: *«Жаль, что на императора действуют внушения императрицы, которая вмешивается во все дела... Чтобы быть увереннее в своём значении, она соединилась с мадмуазель Нелидовой... Мы, три или четыре человека, — отверженные люди для этих дам, потому что мы служим одному только императору...»* (1, с. 213). Догадывался ли об интриге Павел I? Ожидал ли он, что его чувства к Анне будут настолько сильны?

Ещё из Москвы император писал жене в шутовском тоне о том, «что девица Лопухина на бале объяснила свою любовь». Воспоминания фрейлины Марии Фёдоровны, М. С. Мухановой, свидетельствуют о том, что по возвращении в Петербург, Павел обращался со своей женой уже не так как раньше: *«Велико же было удивление императрицы, когда при встрече Павел обошёлся с нею холодно, а о девице Лопухиной отзывался уже совсем иначе»* (1, с. 216).

После возвращения Павла I в Петербург, изменились и его отношения с бывшей фавориткой Екатериной Нелидовой, выпускницей Смольного института. Екатерина Нелидова имела большое влияние на Павла, который считал её *«тем единственным другом, который умел говорить ему правду, понимать его душевный настрой, мог направлять его императором»* (1, с. 202.) *«С Нелидовой его связывала лишь платоническая дружба»* (12, с. 2).

По-видимому, на этот раз от отношений с Анной Лопухиной, Павел ожидал совсем другого, чем с Нелидовой: *«На этот раз Павел не был расположен к платоническим отношениям, и черноглазая красавица разбудила в нем страсть»* (13, с. 61).

О первом впечатлении, которое произвела Анна Лопухина на императора, свидетельствуют записки графини Головиной: *«Император провёл в Москве дней пять-шесть. Стечение публики на манёврах было громадное, тем более что этому благоприятствовала погода. Все спешили праздновать пребывание его величества балами и другими увеселениями. Лопухина, привлекая внимание императора ещё в прошлом году на коронации, обратила опять на себя его взоры своей вполне расцветшей красотой. Кутайсов поддерживал как нельзя более впечатле-*

ние, производимое ею на государя, который выехал из Москвы безумно влюблённый и с твёрдым намерением привлечь в Петербург предмет своей страсти» (3, с. 39—40).

Дальше всё развивалось, как и задумал Кутайсов. Влияние императрицы и Нелидовой было ослаблено, и «любимый фаворит Павла» укрепился в своем положении. Можно сказать, что Анна, так же как и император, стала всего лишь «игрушкой» в руках придворных.

В те же дни Мария Фёдоровна, чтобы воспрепятствовать приезду в Петербург Анны Лопухиной, написала ей «строгое» письмо, с советом оставаться в Москве. Но это письмо не дошло до Анны Петровны, а попало в руки Павла I, что в дальнейшем очень повлияло на его отношения с супругой. *«Между тем государыня написала письмо девице Лопухиной с угрозами. Письмо до адресата не дошло, ибо его принесли государю. — Гнев был велик. — Государыня пыталась остановить его: «Я ограничиваюсь лишь единственною просьбой относиться ко мне вежливо при публичке» (6, с. 45).*

5 сентября 1798 г., после приезда Анны Лопухиной, Екатерина Нелидова покинула Петербург, уехав в замок Лоде в Прибалтике. Павел, по-видимому, внутренне был готов к этому, и неудивительно, ведь Кутайсов делал всё, чтобы расстроить эти отношения.

Фрейлина императрицы и фаворитка императора. Отношения Анны Лопухиной с императором начали развиваться с лета 1798 г., когда всё семейство Лопухиных переехало по просьбе Павла в Санкт-Петербург. 6 сентября Анна Лопухина была назначена камер-фрейлиной. *«Недели две спустя по возвращении в город, приехало семейство Лопухиных. Отец тот час же был назначен генерал-прокурором на место князя Алексея Куракина. Жена его была возведена в статс-дамы, а дочь Анна во фрейлины. Ничему более не удивлялись уже, в противном случае возведение 2-жи Лопухиной в звание статс-дамы вызвало бы справедливое недовольство» (3, с. 44).*

Свои первые придворные апартаменты Анна Лопухина обрела в Павловске, о чём свидетельствуют записки Н. А. Саблукова: *«Анна Петровна Лопухина вскоре была пожалована фрейлиною и приглашена жить в Павловске. Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из “Розового павильона”, не будучи никем замечен. Он являлся туда каждый вечер, как он вначале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения» (11, с. 456).*

Император подарил Лопухиным дом на Дворцовой набережной: *«1-ого августа сенатор П. В. Лопухин в первый раз обедал при дворе*

в Петергофе, а затем, 8-ого августа когда двор находился в Павловске, последовало назначение его генерал-прокурором. 20-го августа Лопухину был подарен дом бывший Рибаса, на Дворцовой набережной, а 23-го августа ему велено было присутствовать в Совете 6-го сентября» (14, с. 376—377).

Тогда же Лопухиным был пожалован участок на Аптекарском острове. Князь разбил пейзажный парк, возвел деревянное дачное строение. Дача и земельные владения князя Лопухина существовали до 1848 г (проданы купцу Громову), одна из улиц называлась Лопухинской дорогой (ныне улица Академика Павлова).

Из записок Головиной известно, что Павел I ежедневно ездил к своей фаворитке: «Он ежедневно ездил к ней в карете, запряженной парой лошадей. Государь полагал, что едет инкогнито в этом экипаже, но в действительности его узнавали и при этом случае, точно так же, как тогда, когда он ездил в обыкновенной своей карете» (3, с. 47).

О характере и внешности Лопухиной свидетельствуют записки графини Головиной: «Лопухина имела красивую голову, но была не высокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, чёрные брови и волосы того же цвета, прекрасные зубы и приятный рот, были единственными её прелестями; небольшой вздёрнутый нос не придавал изящества её фигуре. Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни делать чего-либо злого, но в то же время, она была недалёкого ума и не получила должного воспитания» (3, с. 46).

С каждым днём привязанность Павла I к своей фаворитке становилась сильнее, и Павел делал всё, чтобы угодить ей. «В ожидании императора были все признаки страсти влюбленного двадцатилетнего юноши. Он сделал великого князя Александра Павловича поверенным своих чувств, только и говорил ему, что про Лопухину <...>. — Вообразите, до чего доходит моя страсть, — сказал он однажды своему сыну, — я не могу смотреть на маленького горбуна Лопухина, не испытывая сердцебиения, потому что он носит ту же фамилию, что и она. — Лопухин...» (6, с. 45).

Анна очень любила вальс, и этот танец, прежде запрещённый при дворе, благодаря ей был снова введён. Каприз Анны вернул двору русские наряды, которые так любила Екатерина II и которые запретил ее сын: «Обычный придворный костюм стеснял Лопухину в танцах: она находила его недостаточно элегантным, вследствие чего вышло повеление, отменившее его, и этому повелению вся молодежь, не исключая

и великих княгинь, подчинилась с большой радостью и замечательным старанием, которое, однако, огорчило императрицу (3, с. 45).

Любимым цветом Лопухиной был малиновый, и Павел I приказал, чтобы все офицеры носили мундиры этого цвета: *«Красный цвет, любимый Лопухиной, стал любимым цветом и императора Павла; следовательно и двор отдавал ему предпочтение. Офицеры и все придворные, за исключением прислуги, носили этот цвет»* (3, с. 45).

Цвет Михайловского замка так же связан с Анной Лопухиной. Однажды на балу Анна обронила перчатку, а Павел склонился, чтобы поднять её. Рассмотрев перчатку, он очень удивился её необычному красно-кирпичному цвету. Этот оттенок так понравился императору, что он тут же отправил перчатку архитектору Михайловского замка Бренне и приказал взять ее цвет за образец.

Павел был настолько очарован возлюбленной, что, не раздумывая, называл её именем русские боевые корабли: один из кораблей получил название «Благодать» — так переводилось имя Анна. Анна Лопухина получила Мальтийский орден. Это была единственная женщина, которой была предоставлена эта милость.

Влияние Анны при дворе проявлялось обычно в раздаче милостей: *«Часто она испрашивала прощение невинных, с которыми император поступал очень строго в минуты гнева: тогда она плакала или дулась и таким образом достигала желаемого»* (3, с. 46—47).

Постепенно отношения Павла I с супругой ухудшались. Тем более что Кутайсов приложил большие усилия к тому, чтобы убедить императора, что Мария Фёдоровна «управляет» им. Тем не менее, чтобы угодить императору, Мария Федоровна старалась относиться к Лопухиной ровно.

Супруга князя Гагарина. Современники считали, что Анна Лопухина не отличалась особым умом, и ослепительной красавицей не считалась, но, несмотря на это, она смогла на долгое время завоевать расположение императора. «Эта любовь времен рыцарства» — писал Ростопчин. Несколько раз в день император навещал фаворитку, и даже поклялся, что, когда Анна захочет выйти замуж, он не будет препятствовать её желанию. Но она не отвечала императору взаимностью. *«Под влиянием рыцарского чувства, император доискивался взаимности, но княжна Анна Петровна употребляла все старания, чтобы отклонить его любовь. Когда однажды его ухаживания стали слишком настойчивы, она расплакалась»* (3, с. 55) Анна питала к нему теплые, дружеские чувства, могла часами слушать императора, но влюблена в него не была.

Из записок Головиной известно, что Анна Петровна была влюблена в князя Павла Гавриловича Гагарина, который служил тогда в армии Суворова. Однажды император получил известие о новой победе Суворова, который сообщил, что скоро отправит князя П. Г. Гагарина с более точными известиями об этой победе. Лопухина, услышав это, не смогла справиться со своими чувствами и призналась Павлу I: *«Это известие произвело на m-lle Лопухину сильное впечатление, которое она напрасно старалась скрыть от императора. Не будучи в состоянии устоять против его просьб и, наконец, против его повеления, она бросилась на колена перед ним и призналась, что знала князя Гагарина в Москве, что он был влюблен в нее, и что из всех ухаживателей он один заинтересовал ее. Она прибавила, что не могла оставаться равнодушной к известию о предстоявшем свидании с ним, и что она полагается на великодушие императора относительно их обоих»* (3, с. 55).

Сложно предположить, какие чувства испытывал в тот момент Павел I, но поскольку отличительными чертами его характера было рыцарство и благородство, он согласился выдать Анну замуж за этого человека: *«он немедленно же решил отказаться от любви к девушке, сохранив за собою только чувство дружбы, и тут же захотел выдать ее замуж за человека, к которому она питала такую горячую любовь»* (11, с. 456).

О князе Гагарине свидетельствуют записки Саблукова: *«Я находился во дворце, когда князь Гагарин прибыл ко двору, и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и невысокого роста человеке»*. Император наградил Гагарина орденом, привёл к Анне и в течение всего дня был искренне рад и доволен: *«И вечером на маленьком дворцовом балу он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия»* (11, с. 456—457).

В 1799 г. Павел I решает сделать свадебный подарок А. П. Лопухиной. Три дома на Дворцовой набережной, 10 были соединены в одно строение. Архитектор этого здания — Джакомо Кваренги. Всё это свидетельствует о благородстве императора и поэтому, можно судить о высшей степени искренних и тёплых чувствах Павла I к своей молодой фаворитке.

Император принял решение устроить свадьбу Анны Лопухиной и Гагарина 8 февраля 1800 г. Однако после свадьбы отношение императора к Анне не изменилось: *«После свадьбы император продолжал посещать Гагарину; но великодушие его постоянно истощалось, и страсть бра-*

ла своё. Он стал настойчивее домогаться любви Анны Петровны. Она не уступала, и сопротивление её часто порождало ссоры с самодержавным обожателем» (13, с. 66).

Князь Гагарин подчинился императору, и женился на Анне, но, очевидно, не разделял чувств молодой жены. Безразличие мужа подталкивало Анну на сближение с императором, которое произошло незадолго до его смерти...

Уже в самом начале царствования Павла I против него стал замышляться заговор, главную роль в котором сыграли близкие к нему люди: граф Пален — военный генерал-губернатор, вице-канцлер Н.Ф. Панин — племянник воспитателя Павла, Бенигсен, а также бывший фаворит Екатерины II — П.А. Зубов. Так же к заговору против Павла I был привлечён его сын, Александр, который дал согласие на свержение отца с престола: «Александр был поставлен между необходимостью свергнуть с престола своего отца и уверенностью, что отец его вскоре довел бы до гибели свою империю...» (12, с. 132).

О годах царствования императора Павла I и о характере царя свидетельствуют многие источники, мнения в которых, очень противоречивы: «Потрясение, в силу которого самое кроткое царствование сменилось другим — царствованием страха, привело к высшей степени странным последствиям: когда вблизи императора не трепетали, то становились безудержно весёлыми: Никогда столько не смеялись, никогда столько не шутили и никогда ещё не приходилось наблюдать, чтобы смех и шутка превращались столь быстро в гримасы ужаса» (10, с. 328).

За 40 дней до убийства, царская семья переехала в Михайловский замок: «1 февраля император и императрица и лица, наиболее приближенные к ним, переехали в Михайловский дворец <...>. Княгиня Гагарина Лопухина оставила дом своего мужа и была помещена в новом дворце, под самым кабинетом императора, который сообщался посредством особой лестницы с ее комнатами» (4, с. 68).

О роли Анны Лопухиной в перевороте мало что известно. Конечно, она могла догадываться об этом, так как любовник её мачехи, граф Уваров, был в числе заговорщиков: «Уваров в качестве генерал-адъютанта был дежурным в ночь с 11 на 12 марта и, как известно, был в то же время одним из главных деятелей заговора» (11, с. 70) Имеются так же сведения, что Анна Петровна рассказывала о заговоре принцу Вюртембергскому: «Павел не знал, что его любовница Гагарина, не решавшаяся говорить ему о грозящей опасности, предупреждала об этом юного Вюртембергского принца...» (13, с. 68).

Павел I был убит 11 марта 1801 г. Анна Лопухина в этот момент находилась в своей комнате, на этаж выше которой происходили страшные события. Из записок графини Ливен, дежурившей в ночь убийства во дворце: «11 часов вечера <...>. Император <...> в покоях княгини Гагариной, его метрессы, где он всегда заканчивал вечера после ужина с императрицею. Княгиня Гагарина жила в Михайловском замке, занимая помещение под личными апартаментами государя. Спустя час Павел ушел к себе, чтобы лечь спать» (5, с. 183.).

Иван Кутайсов участником переворота не был. За день до убийства Павла I кто-то передал ему письмо, содержащее в себе план заговора, но Кутайсов «поленился» и открывать его не стал.

Никаких известий о том, как отнеслась Анна Лопухина-Гагарина к смерти императора, нет. После вступления на престол Александра I, князь П. Г. Гагарин был назначен посланником к королю Сардинии, и княгиня А. П. Гагарина последовала за мужем в Италию. Там они прожили 2 года: «По смерти Павла Петровича, Гагарин с женою отправился за границу, очень дурно с нею обходился, заставил ее передать себе все ее состояние и вскоре, по возвращении в Петербург, овдовел» (7, с. 492).

Княгиня Гагарина скончалась там от чахотки после родов 25 апреля 1805 г. Погребена в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Мы прошли вместе с Анной Петровной Лопухиной-Гагариной все этапы ее жизненного пути. Анна Лопухина была человеком, невольно вовлечённым в придворную жизнь. Она не была интриганкой, да и в государственные дела не вмешивалась, была склонна к тихой семейной жизни и скорее была пешкой в руках придворных интриганов.

Насколько известно, близких друзей у неё не было. Павел I был для неё скорее всего единственным другом, ведь близки они стали только спустя два года после начала их отношений.

Анна смогла разбудить в нём тёплые чувства и надолго завоевать его сердце. Его отношения с ней были по-настоящему искренними, император вёл себя как настоящий рыцарь и его великодушию не было конца.

Нельзя сказать, что Анна Петровна была счастлива в браке. Её отношения с мужем не были такими, о которых она мечтала, умоляя императора дать разрешение на её брак с Гагариным.

Насколько известно Павел Гаврилович не был против отношений Анны с императором. Как только Гагарин вступил в брак с Анной, Павел сразу же стал осыпать его разными почестями и наградами.

После смерти Анны, всё её имущество перешло к мужу. На могиле жены Гагарин написал: «В память княгини Гагариной, моей супруги и благодетельницы».

Можно ли говорить о том, что отношения Павла I с Анной Лопухиной были похожими на отношения со своей фавориткой его отца Петра III? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Возможно, что Павел унаследовал какие-то качества от своего отца. Об этом упоминает в своей книге Каратов Ф. В.: «Павел I во многом походил на Петра III. Он был так же своенравен, пылок и придурковат, любил Пруссию, и главное, в выборе любовницы вполне напоминал его» (8, с. 27). Вряд ли можно целиком полагаться на столь нелестную характеристику. Действительно, Павел I, как и Пётр III стремился найти в своей фаворитке прежде всего друга. Своим же невмешательством в политику, искренней привязанностью, были похожи фаворитка Петра — Елизавета Романовна Воронцова, и фаворитка Павла — Анна Петровна Лопухина...

Петербургские годы Елизаветы Кузьминой-Караваевой

Трушина Елена,

10 класс ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2009 г.

Недалеко от Преображенского собора в Манежном проезде, 2 находится обычный петербургский дом, на котором в 2006 г. появилась мемориальная доска. Надпись на доске свидетельствует о том, что в этом доме в 1912—1915 гг. жила поэтесса, богослов, подвижница мать Мария (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева).

Поэтесса, богослов, подвижница... Кажется, я что-то слышала о ней, о ее мученической смерти в концентрационном лагере «Равенсбрюк». Но почему Петербург, Серебряный век, поэзия?

Тему для своей исследовательской работы я не выбирала: тема сама выбрала меня, захватила, подвигла к работе, открыла новые горизонты.

Оказывается, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, тогда Лиза Пиленко, когда переехала вместе со своей семьей в Петербург и начала учиться в гимназии, была немногим младше меня. О чем же писать? Конечно, о ее Петербурге, о ней в Петербурге, ее петербургских годах.

А как же газовая камера в Равенсбрюке, даже подумать страшно? Кто же она — Лиза Пиленко, Елизавета Кузьмина-Караваева, Мать Мария с мемориальной доски?

Я предполагала, что о ней уже писали и немало. Но книг, легко и доступно отвечающих мне, сегодняшней десятикласснице на вопросы, оказалось не так уж много. И я начала собирать материал и искать ответы...

Моя работа посвящена петербургским годам жизни и творчества Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой. В Петербурге она прожила с перерывами почти 12 лет с 1906 по 1918 г. Здесь она училась, в Петербурге произошло ее становление как поэта, здесь она встретилась с Блоком...

Цель моей работы — создать «петербургский» портрет гимназистки Лизы Пиленко, поэтессы Елизаветы Кузьминой-Караваевой... Взглянуть на Петербург ее глазами, пройти по тем улицам, по которым ходила она, почитать ее стихи и стихи ей посвященные...

Ну и что же, что об этом уже кто-то писал. Но ведь, это моя героиня, и это она ведет меня по петербургским улицам, будто старается мне что-то объяснить, а я только следую за ней и стараюсь понять. А пойму ли?

И поэтому, это важно — создать работу, понятную мне, а значит и моим сверстникам.

Для того чтобы написать работу «Петербургские годы Елизаветы Кузьминой-Караваевой», кажется, я прочитала, «пропустила» через себя все или почти все, что написано о Кузьминой-Караваевой, что написала сама Кузьмина-Караваева. Петербургским годам Кузьминой-Караваевой посвящена статья А. Шустова «Дочь России», опубликованная в 1985 г., и она, конечно, служила для меня путеводителем. А. Н. Шустов — автор нескольких десятков статей и публикаций, посвященных Кузьминой-Караваевой и на сегодняшний день, безусловно, самый авторитетный знаток ее жизни и творчества.

Сборники стихов «Скифские черепки» и «Руфь», повесть «Юрали», представляют творчество «петербургского периода» Кузьминой-Караваевой. И они были одними из первых, прочитанных мной по теме. Именно собственные сочинения автора, наиболее красноречиво свидетельствуют о ее мировоззрении.

В последние годы интерес к жизни и творчеству Е. Ю. Кузьминой-Караваевой очень возрос. Но это интерес в большей степени к Матери Марии, а не к молодой поэтессе Серебряного века, становлению которой способствовал Петербург.

К 55-летию со дня смерти Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, в 2000 г, выпущены материалы конференции «Мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева). Жизнь, творчество, судьба», содержащие статьи, в том числе посвященные ее петербургскому творчеству (статья Ларисы Агеевой «Петербург меня победил...»), которой я пользовалась в своей работе.

В 2000 г. Российской национальной библиотекой выпущен сборник поэтических, мемуарных и критических материалов «Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок», посвященный русской поэтессе и религиозно-общественному деятелю Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии), материалы которого, тоже были использованы в работе. В сборнике помещены письма поэтессы к А. Блоку и упоминания о ней в его письмах, дневниках и записных книжках. Здесь же помещена статья Е. Ю. Кузьминой-Караваевой «Встречи с Блоком» (к 15-летию со дня смерти поэта), содержатся отзывы современников о поэтических сборниках поэтессы. В статье «Последние римляне», опубликованной здесь же, Кузьмина-Караваева рассказывает о петербургской литературной среде начала XX века и своем восприятии собраний в «Башне» Вячеслава Иванова на Таврической. Эти и другие источники, приведенные в списке литературы, были использованы при создании работы.

Я прошла некоторыми ее петербургскими маршрутами, была в музее-квартире А. Блока, фотографировала.

С помощью книг, посвященных жизни и творчеству Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, воспоминаний, своего восприятия, я попробую рассказать своим сверстникам, сегодняшним ее почти ровесникам о жизни и творчестве Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, о ее петербургских годах, встречах, мыслях... Я попробую...

«В детстве своем я не помню человека другого...» (ранние годы, детство, учеба).

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Пиленко), родилась в Риге 8 декабря 1891 г. в семье товарища прокурора Юрия Дмитриевича Пиленко. Ее детство прошло на Кавказе. Впервые приехала в Петербург в раннем детстве весной 1894 г., когда мать Софья Борисовна, привезла ее к своей тетке — Елизавете Александровне Яфимович. Такие приезды в Петербург и долгие месяцы проживания в нем стали ежегодными. Об этом пишет сама Кузьмина-Караваева в статье «Друг моего детства»: *«...единственные мои ранние воспоминания о Петербурге — это лифт на квартире у тётки, огромные две китайские вазы в окнах Анчиковой аптеки на углу Невского и Фонтанки, два золотых быка на вывеске мясной против окон бабушкиной квартиры... Бабушкина квартира была*

огромная, в четырнадцать комнат, на Литейном проспекте, 57. На полу были натянуты ковры, не снимавшиеся восемнадцать лет. В гостиной мебель была резная, работы Лизерэ. На стенах висели портреты: Великой Княгини Елены Павловны... Потом портрет бабушкиного мужа — огромный, масляными красками; потом самой бабушки и её сестры — обе молодые, с кудрями на ушах и с открытыми плечами (фрейлины Елены Павловны)» (ЗВ, с. 17).

В эти годы произошло важное событие — ее знакомство с обер-прокурором Синода Константином Петровичем Победоносцевым, за которым последовала долгая «дружба» с ним. Он жил по соседству, и часто бывал с визитами: «В детстве своём я не помню человека другого, который так внимательно и искренне умел бы заинтересоваться моими детскими интересами. Другие люди из любезности к родителям или оттого, что в данное мгновение я говорила что-нибудь забавное, слушали меня и улыбались. А Победоносцев всерьёз заинтересовался тем, что меня интересовало, — и казался поэтому единственно равным из всех взрослых людей...» (ЗВ, с. 18).

Лиза сожалела, что не сохранила письма Победоносцева, но есть несколько фраз: «Слышал я, что ты хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное — сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное» (1, с. 47) С такими словами к Лизе обращались впервые, и она не могла их не запомнить.

К осени 1906 г. Ю.Д. Пиленко со своей семьёй собирался переехать в Петербург. Но 17 июля Юрий Дмитриевич скоропостижно умер в Анапе.

Впоследствии Елизавета Юрьевна так описала день смерти отца: «Тридцать лет тому назад, летом 1906 года, в моей жизни произошло событие, после которого я стала взрослым человеком. За плечами было только четырнадцать лет, но жизнь того времени быстро выросла на нас. Мы пережили японскую войну и революцию,.. Единственно, что смущало и мучило, это необходимость дать ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? И есть ли Бог? И вот, ответ пришёл. Пришёл с такой трагической неопровержимостью... УМЕР МОЙ ОТЕЦ» (9, с. 3).

После потери отца, у Лизы, по определению ее самой, «кончилось детство». Она рано стала взрослой и самостоятельной. Даже к матери она относилась, как к младшей сестре, заботясь о ней. А 17 августа в Петербурге умерла и крестная мать Елизаветы Е. А. Яфимович. В конце августа того же года Софье Борисовне пришлось везти самой детей в Петербург. Они поселились в небольшой квартирке, на первом этаже Баскова переуллка, 26.

Осознавать Петербург она стала только после переезда. Причем, восприятие было после юга контрастным, и поэтому, скорее негативным: «Я ненавидела Петербург. Мне трудно заставить себя учиться... на улицах рыжий туман. Падает рыжий снег. Никогда, никогда нет солнца. Осенью я впервые уехала надолго от Чёрного моря, от юга, солнца, ветра, свободы. Первая зима в Петербурге» (9, с. 3).

С 1 сентября 1906 г. Лиза начала заниматься в пятом классе гимназии Л. С. Таганцевой. Позднее она напишет, что школа привлекала свободолюбивым духом, первоклассными педагогами и фигурой ее попечителя — сенатора, члена Государственного совета, известного адвоката Н. С. Таганцева. По сфабрикованному делу («Заговор Таганцева») его сын, профессор, географ В. Н. Таганцев расстрелян в августе 1921 г., вместе с поэтом Н. С. Гумилевым.

Вот так Лиза отзывалась о гимназии в первые дни учебы: «Утром начинаем учиться при электрическом свете, и на последних уроках тоже лампы горят... Мне было трудно заставить себя учиться... Самая острая тоска за всю жизнь была именно тогда. И душе хотелось подвига, гибели за всю неправду мира, чтобы не было этого рыжего тумана в бессмыслице» (10, с. 200). Странные для девочки ее возраста записи, но определяющие ее внутренние переживания. Может быть «неправда мира», это глубокая душевная травма — смерть отца?

Гимназистки интересовались современной литературой, искусством, ходили на философские лекции, разделяли революционные настроения: «Я мечтала встретить настоящих революционеров, которые готовы каждый день пожертвовать своей жизнью за народ. Мне, кстати, случалось встречаться с какими-то маленькими партийными студентами. Но они не жертвовали жизнью, а рассуждали о прибавочной стоимости» (9, с. 4).

Некоторые ее одноклассницы преподавали рабочим Путиловского и Франко-Русского заводов русский язык, математику. Ее мать вспоминала впоследствии: «Однажды она пришла ко мне и объявила, что ее пригласили по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе... Это был 1906 год, всюду аресты, и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером!.. Я, скрепя сердцем позволила, думая, что она этим от душевной тяжести избавиться...» (10, с. 202—203). Избавилась ли она от душевной тяжести? Скорее нет...

Осенью 1908 г. Лизе Пиленко пришлось перейти в гимназию М. Н. Стоюниной. Возможно какую-то роль сыграло то обстоятельство, что новая гимназия находилась ближе к дому на Кабинетной ул. (ныне

ул. Правды, 20), Лиза с матерью жили тогда на Малой Московской ул., 4. Она поступила уже в седьмой класс, который являлся выпускным. Занятия в гимназии оказались очень напряженными и сложными. За год учебы в этой гимназии Лиза не нашла подруг, но по-прежнему общалась и дружила со своими бывшими одноклассницами по Таганцевской гимназии (10, с. 205).

В гимназии Стоюниной, кроме основных предметов, преподавались рисование, рукоделие, шитье и вышивание. Давая характеристику класса, в котором училась Лиза, одна из учительниц отмечала: «... то же касается Е. Пиленко, то у неё отмечено небрежное отношение к делу и привычка заниматься рукоделием... в результате к концу учебного года, из-за небрежного отношения к делу, — нет никаких успехов» (10, с. 50—51).

Из гимназии Стоюниной она была выпущена с серебряной медалью. Выпускные экзамены Елизавета сдавала с 6 апреля по 16 мая 1909 г.

После окончания гимназии, 8 июля 1909 г., следуя семейным традициям (отец закончил юридический факультет Петербургского университета), подала прошение о зачислении ее на юридический факультет Бестужевских курсов. Но 9 июля Елизавета подала новое прошение о зачислении ее на историко-филологический факультет, куда и была зачислена 30 августа 1909 г.

Елизавета активно включилась в учебу и жизнь Бестужевских курсов. Позже она написала в автобиографической повести «Клим Семенович Барынькин», где героиню Ольгу Малахову наделила отдельными эпизодами своей жизни, своими мыслями: «Каждый день она бывала на курсах; в коридорах пахло пылью. Неярко горел электрический свет, и торопливо сновали курсистки... Работала она много» (10, с. 207). Судя по этой повести, восприятие ею действительности не было радостным. С Бестужевских курсов Елизавета официально «выбыла» 1 сентября 1910 г., отучившись всего лишь год, не закончив, и не получив диплома.

«Чувствовала себя там «новичком, поистине варваром...» (на «Башне» Вячеслава Иванова).

Петербургские годы отмечены началом становления Е. Ю. Кузьминой-Караваевой как поэта со всем своеобразием ее творчества. Впервые в поэтическое сообщество Петербурга ввел Е. Ю. Кузьмину-Караваеву ее муж, помощник присяжного поверенного Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев. Их свадьба состоялась 19 февраля 1910 г.

Он был сыном известного профессора-правоведа и дальним родственником Н.С. Гумилева. В 1909 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, был связан с социал-демократическим студенческим движением.

В студенческие годы Кузьмин-Караваев писал стихи, так же как и его жена, и благодаря мужу Елизавета Юрьевна активно включилась в художественную жизнь Петербурга. Дмитрий Владимирович входил в поэтический «Кружок молодых». С тех лет знал многих поэтов: Городецкого, Пяста, был знаком с Блоком (10, с 207).

Вместе с мужем Елизавета Юрьевна посещала литературные собрания в журнале «Аполлон». Частыми гостями они были у С. Городецкого, у матери Елизаветы Юрьевны — Софьи Борисовны на Манежном пр., 2, в доме матери Гумилева в Царском Селе, где проходили заседания «Цеха поэтов». Ночами пропадали то в кафе «Бродячая собака», открывшемся в ночь под новый 1912 г., где собирались поэты, художники, актеры, музыканты, то на «Башне» — в одном из поэтических салонов Серебряного века на квартире поэта Вячеслава Иванова (1, с. 51—52).

В 1905—1913 гг. «Башня» оставалась центральным местом для всего художественного Петербурга. В разные годы на «Башне» бывали: А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Л. Андреев, М. Волошин... Собиравшиеся читали стихи, обсуждали различные философские и социальные проблемы (10, с. 208).

Елизавета Кузьмина-Караваева впервые попала на «Башню» в 1910 г.: *«Помню одно из первых наших посещений «Башни» Вячеслава Иванова. Вся Россия спит. Полночь. В столовой много народа. Наверное, здесь нет ни одного обывателя, человека вообще или просто человека. Мы не успели ещё со всеми поздороваться, а уже Мережковский кричит моему мужу: "С кем Вы — с Христом или с антихристом?!" И спор продолжается. ...Потом Кузьмин поёт под собственный аккомпанемент духовные стихи. Потом разговор о греческих трагедиях, об «орхестре», о Дионисе, о православной Церкви. На рассвете поднимаемся на крышу, на «Башне» это тоже в порядке времяпрепровождения. Внизу Таврический сад и купол Государственной думы...»* (9, с. 203).

И, как впоследствии вспоминала, чувствовала себя там «новичком, поистине варваром», встретив людей, владеющих «ключами от сокровищницы современной культуры» (ЗБ, с. 53).

Кузьмина-Караваева на «средах» у Иванова не являлась пассивной слушательницей: она всегда ждала от себя какого-то подвига, говорила

об этом с печалью, и поэтому привлекала этим всех присутствующих на «Башне» (10, с. 208—209).

Встречи на «средах» у Вячеслава Иванова способствовали развитию кружозора молодой поэтессы. Подмостками же для ее поэтического творчества стал «Цех поэтов», созданный 20 октября 1911 г. Организатором «Цеха поэтов» был поэт Сергей Городецкий. Первые встречи проходили на его квартире на наб. Фонтанки, 143. Сначала на собраниях присутствовали А. Блок, М. Кузьмин, А. Толстой, В. Пяст. Но потом в «Цехе» осталась поэтическая молодежь Петербурга: А. Ахматова, М. Лозинский, О. Мандельштам, Г. Иванов и другие (10, с. 211). Среди них не затерялась и Кузьмина-Караваева.

«Мы рекли — король наш Блок...» («Цех поэтов»). «Цех поэтов», был литературным объединением, которое давало молодым поэтам большую свободу творчества. Елизавета Юрьевна активно включилась в работу «Цеха». Она посещала все собрания. Если на «Башне» ее воспринимали только как жену Кузьмина-Караваева, то в «Цехе» все изменилось. Благодаря своему творчеству она так утвердилась в поэтических кругах, что уже Кузьмин-Караваев характеризовался только как «муж поэтессы» (10, с. 211—212).

На собраниях молодые поэты читали свои новые стихи, после этого следовала критика, так как к участникам «Цеха» предъявлялись требования поэтической активности. «Цех» собирался на квартире у Городецкого, а также на квартире матери Кузьминой-Караваевой.

10 декабря 1911 г. Елизавета Юрьевна вместе с группой поэтов, присутствовала на собрании «Цеха поэтов» в ресторане-кабаре «Вена». Гости «Вены» в разное время были русские писатели, артисты, художники — А. Куприн, А. Блок, К. Чуковский, С. Городецкий, Ф. Шалапин... Там все писатели всегда оставляли свои автографы в специальных альбомах, художники дарили свои картины, которые украшали стены залов ресторана. Специальный «литературный зал» представлял собой небольшую угловую комнату на втором этаже.

В тот декабрьский вечер 1911 г. в «литературном зале» была разыграна шуточная сцена заочного избрания «короля русских поэтов». «Королем» оказался Блок. Тут же за столом каждый поэт написал стихотворные строчки. Кузьминой-Караваевой принадлежат такие:

Каждый был безумно строг,
Как писал — король наш Блок...
«Венский» преступив порог,
Мы рекли — король наш Блок.

И решил премудрый рок,
Что король поэтов — Блок (10, с. 212).

10 марта 1912 г. состоялось заседание «Цеха поэтов» у Елизаветы Кузьминой-Караваевой, на котором отмечался выход в свет поэтического сборника Анны Ахматовой «Вечер» (10, с. 212).

С Анной Ахматовой Кузьмина-Караваева познакомилась на тверской земле. Имение матери Гумилева Слепнево в Бежецком уезде было неподалеку от Борискова, принадлежавшего Кузьминым-Караваевым. Н. С. Гумилев и Д. В. Кузьмин-Караваев находились в дальнем родстве.

Летом 1911 г. Кузьмины-Караваевы отдыхали в Борискове, в то же время из Парижа в Слепнево приехал Гумилев с женой. 15 июля того же года Гумилев представил Ахматову родным и друзьям. Сохранилась фотография, на которой в центре — Анна Ахматова, справа от нее Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева. В октябре 1911 г. после создания «Цеха поэтов» обе поэтессы часто встречались. Но вскоре Кузьмина-Караваева разочаровалась в «Цехе поэтов». Она считала, что ни с Гумилевым, ни с Ахматовой ей «не по пути». Они были очень разными натурами и духовной близости между ними не получилось: скорее даже отчуждение, холодок. Тем не менее, Ахматова до конца своих дней сохранила уважительное отношение к Кузьминой-Караваевой (4, с. 214—215).

Общаясь с А. Блоком, В. Ивановым, Н. Гумилевым, С. Городецким, А. Ахматовой, Кузьмина-Караваева утвердила себя как поэт. Но со временем отошла от поэтических исканий того времени и пошла своим путем — путем высокой религиозной поэзии (3, с. 8).

В 1910—1911 гг. Кузьмина-Караваева пишет много стихов, и читает их на вечерах и собраниях «Цеха поэтов». В марте 1912 г. выходит ее первый сборник «Скифские черепки». Выходит в Петербурге, но в них нет никаких примет Петербурга. Поэтесса попыталась создать «скифский эпос», найти, как войти в «заповедную родину», описать свою глубокую тоску по югу, по Анапе (10, с. 218). Тираж был невелик, но даже, несмотря на это Елизавета Юрьевна все-таки приобрела поэтическое имя, и тогда окончательно утвердила себя. Отзывы на книгу в целом были сдержанно-положительными. Своеобразный «итог» подвел С. Городецкий. Этот самый «итог» украшал обложку сборника: *«Главное достоинство этой книжки, что она чужда стилизации. Главный недостаток ее — что в ней нет стиля»* (3, с. 10). Емкое и о многом говорящее определение.

В апреле 1915 г. в Петербурге вышла философская повесть Кузьминой-Караваевой «Юрали», которая отражала ее душевные и идейные сомнения, искания последних полутора-двух лет. Она говорила: «Юра-

ли был тесно связан с моей жизнью» (10, с. 218). Герой повести — молодой певец, сказочник, мудрый учитель. Он похож на христианского проповедника, его искания порой непоследовательны и даже противоречивы, как и у самого автора. Но главное, о чём хочет сказать нам Юрали, что необходимо в жизни полагаться на судьбу: «Каждого человека стережет судьба; и никто не может уйти от пути своего. С детства видит человек, что пути его от судьбы предназначены...» (8, с. 32).

«Уходя с Галерной, я оставила часть души там...» (первые встречи с Блоком). Отношения с Александром Блоком — особая глава в жизни и творчестве Кузьминой-Караваевой. В них можно выделить два периода. Они не были равны ни по времени, ни по содержанию. Первый длился недолго, несколько месяцев. И второй, более длительный, продолжающийся несколько лет и состоящий в большей степени из редкой переписки и редких встреч.

Первая встреча с Блоком состоялась во второй половине января 1908 г., когда Лиза Пиленко попала вместе со своей сестрой на литературный вечер в реальном училище в Измайловских ротах: «...Читают стихи поэты-декаденты. Их довольно много... И ещё один. Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический. Тёмно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное. Читает стихи, очевидно новые... "По вечерам, над ресторанами", "Незнакомка"... В моей душе — огромное внимание. Человек с таким далёким, безразличным, красивым лицом. Это совсем не то, что другие. Передо мной что-то небывалое, головой выше всего, что я знаю. Что-то отмеченное.. Спрашиваю двоюродную сестру: "Посмотри в программе — кто это?" Отвечает: "Александр Блок"» (9, с. 35).

Потом было чтение стихов Блока, всех, какие можно было достать. Читала запоем, с ощущением, что «...он знает мою тайну. Читаю всё, что есть у этого молодого поэта. Дома окончательно выяснено: я — декадентка. Я действительно в небывалом мире. Сама пишу, пишу о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели, ещё о тоске и... о восторге!... Надо с ним поговорить. Узнаю адрес: Галерная, 41 кв. 4» (9, с. 205). Трижды она приходила к поэту. Два раза его не было дома. В третий раз она набралась смелости и попросила горничную разрешить ей подождать в кабинете. Позже писала: «Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюблённость и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая, обнажённая, зрячая душа...» (10, с. 204).

После визита Елизаветы, Блок в 1908 г. ответил ей письмом, в котором вложил стихотворение:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти... Все же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека (2, с. 95).

«Только влюбленный имеет право на звание человека», самые важные слова, она кажется, не поняла. Не они ей были нужны тогда. Чего же молодая поэтесса ждала от Блока, чего хотела? Возможно, ждала, что он объяснит ей, ее неосознанные стремления, поможет разобраться в мучившей ее неудовлетворенности. Письмо обидело ее: *«Не знаю, отчего я негодую. Бежать — хорошо же. Рву письмо, и синий конверт рву. Кончено. Убежала. Так и знайте, Александр Александрович, человек, всё понимающий, понимающий, что, значит, бродить без цели по окраинам Петербурга и что, значит видеть мир, в котором Бога нет. Вы умираете, а я буду бороться со смертью, со злом, и за Вас буду бороться, потому что у меня к Вам жалость, потому что Вы вошли в моё сердце и не выйдете из него никогда»* (10, с. 207). Это была клятва, клятва данная в юношеском порыве, но не забытая никогда.

В ноябре 1913 г. Кузьмина-Караваева напишет Блоку, вспоминая первые встречи: *«...Сначала вот что: когда я была у Вас еще девочкой, я поняла, что это навсегда, а потом жизнь пошла как спираль, и снова — вниз, — но на том же самом месте бывала я... Ведь и в первый раз я не знала, зачем реально иду к Вам, и несла стихи как предлог, потому что боялась я чего-то, что не может быть определено сознанием...»* (3, с. 85—86).

«Смотрю на высокие стекла, а постучаться нельзя...» (последующие годы).

Новая встреча произошла в декабре 1910 г., на собрании в Тенишевском училище, посвящённом десятилетию со дня смерти Владимира Соловьёва. Об этом Кузьмина-Караваева так писала в 1936 г.: *«...В переры-*

ве мой муж ушёл курить. Скоро вернулся, чтобы звать меня знакомиться с Блоками, которых он хорошо знал. Я решительно отказалась. Он был удивлён, начал настаивать. Но я ещё раз заявила, что знакомиться не хочу, — и он ушёл. Я забилась в глубину своего ряда и успокоилась. Вскоре муж вернулся, но не один, а с высокой, полной и, как мне показалось, насмешливой дамой... и с Блоком... Он произнёс: "Мы с Вами встречались". Опять я вижу на его лице знакомую, понимающую улыбку. Он спрашивает, продолжаю ли я бродить. Как «справилась» с Петербургом» (9, с. 214).

Потом были встречи в «приличном обществе», светское, ни к чему не обязывающее общение. Встречи у Блоков, у общих знакомых в «Башне», на квартире ее матери — С. Б. Пиленко... По ее собственному определению, этот период ничего не дал в их отношениях. И вот, однажды, она решила сказать ему, что уезжает, уезжает из Петербурга: «...Тут умирать надо, а ещё бороться хочу и буду... Петербург провалился. ДОЛОЙ КУЛЬТУРУ, ДОЛОЙ РЫЖИЙ ТУМАН. Долой «Башню» и философию. Есть там только один заложник. Это человек, символ страшного мира, точка приложения всей муки его, единственная правда о нём, а может быть, и единственное, мукой купленное, оправдание его — АЛЕКСАНДР БЛОК» (9, с. 215).

Осенью 1913 г. Кузьмина-Караваева уезжает в Москву. Весной 1914 г. — в Анапу. После первой встречи с Блоком, Елизавета Юрьевна не только почувствовала «материнскую встревоженность и заботу» о нем, но и глубокую любовь, которая, увы, осталась безответной. Многолетнее дружеское общение Блока и Кузьминой-Караваевой нашло отражение в их переписке. Блок хранил ее письма (4, с. 133).

Блок не разделял чувств и многих взглядов Елизаветы Юрьевны и порой уклонялся от встреч и переписки. К тому же в этот период он был увлечен актрисой Любовью Александровной Дельмас: «Андреева-Дельмас — мое счастье» (4, с. 133—134). Тогда поэт работал над «Кармен», посвященной своей возлюбленной.

Во-вторых, Блок, по собственным словам Елизаветы Юрьевны, «любил людей, с которыми ему было легко молчать» (4, с. 134), очевидно с ней просто молчать он не мог.

26 марта 1912 г. Елизавета Юрьевна подарила А. Блоку свой первый сборник — «Скифские черепки» с дарственной надписью на экземпляре. В ноябре 1913 г. отправляет ему письмо, в котором пишет о своих чувствах и менее всего о стихах. Стихи, конечно, предлог для общения: «...Если бы я, я человеческая, осмелилась, я бы издала 2-ую книжку, чтобы взять к ней эпиграфом: «Каждую душу разбил пополам и поставил двойные замки» (3, с. 85—86).

Ответ Блока на ее письмо последовал 1 декабря 1913 г. В этом письме он написал свое мнение о «Скифских черепках»: «Елизавета Юрьевна, я хотел бы написать Вам не только то, что получил Ваше письмо. Я верю ему, благодарю, и целую Ваши руки. Других слов у меня нет, может быть, не будет долго. Силы мои уходят на то, чтобы протянуть эту самую трудную часть жизни — середину ее. <...> Александр Блок. P.S. «Скифские черепки» мне мало нравятся — это самое точное выражение; я знаю, что все меняются, а Вы — молоды очень. Но все-таки, не знаю почему, мне кажется, что Ваши стихи — не для печати. Вероятно, «Скифские черепки» звучали бы иначе, если бы они не были напечатаны» (4, с. 134).

Перед тем, как Кузьмина-Караваева решила издать второй сборник, она снова написала Блоку 19 января 1914 г., чтобы посоветоваться с ним: «Месяц тому назад я решила издать вторую книгу стихов; тогда мне уже приходила в голову мысль попросить Вас просмотреть книгу до того, как я отдам ее в печать... Сегодня же посылаю Вам мою книгу и буду ждать Вашего ответа; если же Вас это почему-либо затруднит, или просто по прочтении не захочется высказываться, то пришлите рукопись обратно без всяких пояснений. Я много думаю о Вас. Елиз. Кузьмина-Караваева» (3, с. 86—87). Книга, о которой идет речь, изданная с пометками Блока уже после смерти Кузьминой-Караваевой — «Дорога».

В октябре 1914 г. Кузьмина-Караваева приехала в Петербург: «К Блоку пока ни звонить не буду, не напишу и уж конечно не пойду. И вообще сейчас надо своим путём в одиночку идти... Но в тот же день, оказалась на Офицерской, перед квартирой Блока. По тому, как замешкалась горничная, говоря, что хозяин будет в 6 часов, поняла: Блок дома и хочет подготовиться к встрече».

Время до 6-ти она провела в Исаакиевском соборе: «...С Офицерской иду в Исаакиевский собор, — это близко. Забиваюсь в самый тёмный угол. Передо мной проходят все мысли последнего времени, проверяю решения. Россия, её Блок, последние сроки — и надо всем ХРИСТОС, единый, искупающий всё...» (9, с. 217). И опять в 6 часов она у поэта. И снова разговоры о России, войне, Христе... Ушла с Офицерской в пять утра.

На следующий день она снова у Александра Блока. Потом еще день. И еще... Все эти ночные встречи и разговоры слились для нее в единую встречу и в единый разговор: «Кто вы, Александр Александрович? Если вы позовете, за вами пойдут многие. Но было бы страшной ошибкой думать, что вы вождь... Перед гибелью, перед смертью, Россия сосре-

доточила на вас все свои самые страшные лучи,— и вы за нее, во имя ее, как бы образом ее сгораете. Что мы можем? Что могу я, любя вас? По-тушить — не можем, а если и могли бы, права не имеем: таково ваше высокое избрание — гореть...» (1, с. 58).

Когда Елизавета Юрьевна пришла на следующий день, Блока дома не было. Для нее лежала записка: «Простите меня. Мне сейчас весело и туманно. Ушел бродить. На время надо все кончить. А. Б.» (1, с. 59).

Она все равно осталась его ждать. Только под утро поэт пришел. Они вошли в квартиру, и Елизавета Юрьевна тут же начинает торопиться. Он не задерживает, только просит: «Знаете, у меня к Вам есть просьба. Я хотел бы знать, что Вы часто, часто, почти каждый день проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает. Как пройдёте, так взгляните наверх. Это всё. Я соглашаюсь. Быстро прощаюсь...» (9, с. 217).

Смотрю на высокие стекла,
А постучаться нельзя...
Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;
Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.
На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющих свете
Балтийского моря залив (6, с. 58).

В 1916 г. вышел второй сборник стихов Кузьминой-Караваевой «Руфь». Со «Скифскими черепками», они ни в чем друг на друга не похожи. В сборнике «Руфь», поэтесса своими стихами рассказывает о прошлом, предстает там, как своеобразный лирик, склонный к философии.

Летом 1916 г. Блок был призван в армию. В начале июля, узнав о мобилизации, Кузьмина-Караваева посылает Блоку письмо: «Итак, если Вам будет нужно, вспомните, что я всегда с Вами и что мне ясно и покойно думать о Вас. Господь Вас хранит. Елиз. Кузьмина-Караваева».

И сразу же она получает ответ: «Я теперь табельщик 13-й дружины Земско-городского союза. На войне оказалось только скучно. <...> Какой ад напряженья. А Ваша любовь, которая уже не ищет мне новых царств. Александр Блок».

В ответ — новое письмо, наполненное страхом за него и переполняющей душу любовью: «...Мой дорогой, любимый мой, после Вашего письма я не знаю, живу ли я отдельной жизнью, или все, что «я», — это в Вас

уходит. Все силы, которые есть в моем духе: воля, чувство, разум, все желания, все мысли — все преображено воедино и все к вам направлено. Мне кажется, что я могла бы воскресить Вас, если бы Вы умерли, всю свою жизнь в Вас перелить легко...» (1, с. 60).

Письмо осталось без ответа, как и все последующие. Последнее письмо Кузьминой-Караваевой Блоку, было отправлено из Петрограда весной 1917 г.: «Дорогой Александр Александрович, мне хотелось бы Вам перед отъездом сказать вот что: я знаю, что Вам скверно сейчас; но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь, — всякий, всякий, — я бы все же с радостью свернула с него, лишь бы Вы этого захотели. Зачем — не знаю. Может быть, просто всю жизнь около Вас просидеть...» (1, с. 60).

В сентябре 1917 г., возвращаясь из Анапы, ночью, в поезде, она будет говорить о Блоке, говорить, более себе, чем собеседнице: «...Наступала ночь. Елизавета Юрьевна опять заговорила, тихо, почти шепотом, спокойно. Она говорила о Блоке. Читала его стихи, но я не помню какие, хотя Блока мы в то время хорошо знали. И уже совсем в темноте она сказала: «Он любил людей, с которыми ему было легко молчать. И мне показалось, что это он сказал о ней, что ему с ней было легко молчать...» (3А, с. 210).

Зиму 1916—1917 г. Кузьмина-Караваева провела в Петербурге, где встретила Февральскую революцию. В Петербурге вступила в партию эсеров, потом была мэром города Анапы (1918—1919). В 1920-м вместе с детьми и престарелой матерью она покидает Россию и обосновывается в Париже, где принимает самое активное участие в деятельности Российского студенческого христианского движения.

В изгнании мать Мария не раз вернется мыслями к Блоку, помянет его в год пятнадцатилетия со дня смерти, посвятив ему очерк «Встречи с Блоком». И в лагере Равенсбрюк она не раз будет вспоминать поэта, Россию, Петербург.

Прощайте, берега. Нагружен мой корабль
Плодами грешными оставленной земли.
Без груза этого отплыть я не могла б
Туда, где в вечности блуждают корабли.
Всем, всем ветрам морским открыты ныне снасти.
Все бури соберу в тугие паруса.
Путь корабля таков: от берега, где страсти,
В бесстрастные Господни небеса... (8А, с. 15).

Заключение. В марте 1932 г. Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (Скобцова) приняла постриг, но стала монахиней в миру. Всю свою энергию мать Мария отдавала организованному ею братству «Православное Дело», которое было центром социальной и духовной помощи отчаявшимся, а также Религиозно-философской академии, руководимой Н. Бердяевым (Кузьмина-Караваева состояла ее секретарем).

В годы войны и оккупации эта община предоставила приют многим сотням преследуемых нацистами людей. Здесь они получали свидетельства о принадлежности к православию, их детей переправляли в провинцию.

В феврале 1943 г. ее, вместе с сыном и помощниками, арестовали. Сначала она попала в лагерь под Парижем, а затем — в концлагерь Равенсбрюк, где была сожжена в газовой печи 31 марта 1945 г.

Есть легенда, что мать Мария погибла, обменявшись одеждой с узницей, отправленной в газовую камеру. В 1985 г. за участие в движении Сопротивления мать Мария была посмертно награждена Орденом Отечественной войны 2-й степени.

Идея подвижничества, ставшего жизненным призванием матери Марии, вызрела еще в петербургский период жизни Кузьминой-Караваевой. Стремление принести себя в жертву одному, пусть гениальному, пусть любимому человеку, переродилось у нее в жажду общечеловеческого подвига.

Николай Бердяев в своем очерке «Памяти матери Марии», так писал о ней: «М. Мария была одной из самых замечательных и одаренных русских женщин. Она характерна для своей эпохи и отражала самые характерные ее течения. Она была новой душой. Она была поэт, революционер и религиозный деятель».

Петербургские годы Кузьминой-Караваевой — годы, в которые закладывалось ее мировосприятие и творческое начало. Обстоятельства детства, безусловно, сказались на судьбе Лизы Пиленко. Потеря отца в раннем возрасте, первое событие, в череде многих последующих, которые повлияли на ее дальнейшее восприятие мира.

В общении с Победоносцевым — истоки ее нравственной устойчивости. Он оказал влияние на ее дальнейшее видение истории и пути православия.

Кузьмина-Караваева — настолько индивидуальна и в творчестве, и в жизненных проявлениях, что «примкнуть» к кому-то или к чему-то не могла. «Цех поэтов» не дал ей того, что она искала. Еще не осознанная жертвенность, желание «подвига», у нее тогда уже были главной

«идеей», этим, а не своим творчеством, она привлекала к себе на «Башне».

«Башня», «Цех поэтов», отношение к Блоку, сам Петербург — все влияло на ее творчество. Ее произведения очень разные. «Скифские черепки» — память об Анапе, юге. «Руфь», «Юрали» — религиозно-философские. В ее творчестве, как и в жизни, все «наперекор». Наперекор, в первую очередь себе. Будто в споре с собой создаются эти произведения, строится жизнь. Редко одобряет себя, во всем чувствует неудовлетворенность, стремление к какой-то иной справедливости. Собственно, к ней она и пришла. А петербургский период ее жизни и творчества — путь к ней.

Кажется, мне удалось раскрыть тему, при этом узнать много интересного о своей героине. Я подробно рассказала о местах, которые связаны с Кузьминой-Караваевой в Петербурге, о людях, с которыми она общалась. Не пожалела, что сама посетила квартиру Блока на улице Декабристов, 57 (тогда Офицерской), куда приходила Кузьмина-Караваева. Там находится музей, в котором можно многое узнать о великом поэте и человеке, который оказался определяющим в жизни Кузьминой-Караваевой.

Подводя итоги моей работы, я поняла, что в истории нашего города есть много интересных людей и одна из них — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева.

И теперь, проходя мимо дома с мемориальной доской на Манежном, я каждый раз поднимаю глаза, будто стараясь разглядеть, мелькнувшую в окне тень молодой поэтессы Серебряного века — матери Марии.

В великокняжеском окружении: Матильда Кшесинская (из истории женских судеб)

Трушина Марина,

10 класс ГБОУ СОШ № 233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2009 г.

Матильда Кшесинская... Женская судьба в истории петербургского театра, одна из судеб... В Петербурге есть особняк Кшесинской, на сцене Мариинского театра идут многие из постановок, в которых участвовала она. Не так давно появился небольшой памятник Кшесинской в Стрельне. Местные краеведы хранят память о ней, собирают все, что с ней связано. Что же больше всего интересует в ней? Конечно, партии, которые она исполняла, ее стойкость и жизнелюбие... Ее романы, наконец. Как часто можно услышать о ней очередную легенду. Почему так много легенд и слухов окружили имя балерины и так омрачают память о ней? Почему женщина полная непреодолимого очарования, страстная и яркая натура давала повод завистникам и недоброжелателям создавать атмосферу сплетен и интриг?

Моя героиня училась в Императорском танцевальном училище, танцевала на сцене Императорского театра, состоящего под покровительством императорской семьи. Три великих князя — Николай Александрович, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович, три романтических истории из жизни балерины...

Захотелось понять, что же так непреодолимо влекло к ней, в чем сила ее очарования? А может быть великокняжеское окружение обязывало? Какими людьми были три великих князя из семьи Романовых? И тогда моя работа нашла свое название.

Матильда Феликсовна Кшесинская родилась 1 сентября 1872 г. в Лигово близ Петербурга, в семье танцовщика Феликса Кшесинского. Начав свою балетную карьеру, она овладела всеми качествами для достижения успеха на театральной сцене — ум, воля, целеустремленность, огромная работоспособность, жесткие требования к себе. К моменту возведения ее в ранг балерины, несравненная грация, точность движений, мимика и какое-то неуловимое притяжение отличали ее от других танцовщиц. Ее танец разнообразен, то он отличается легкостью и мягкостью, то дышит огнем и страстью.

О моей героине писали уже немало. Но именно о личных отношениях источников не так уж много. И чтобы найти ответы на вопросы, интересующие меня, я стала собирать материал и знакомиться со своей героиней...

При создании работы использована литература из фондов Российской Национальной библиотеки и других библиотек города. Одним из основных источников являлись воспоминания Матильды Кшесинской, которые вышли в России в 1992 г. Воспоминания, в которых она описывала свои чувства, мысли, как нельзя лучше помогают раскрыть ее характер. Они служат полной биографией балерины.

В работе я пользовалась не только воспоминаниями Матильды Кшесинской, но и книгой воспоминаний брата Сергея Михайловича — великого князя Александра Михайловича, дневниками самого Николая II и даже военным дневником Андрея Владимировича.

Также была использована статья Олега Вареника «Милая Стрельна Матильды Кшесинской, в которой подробно говорилось о жизни Кшесинской на даче в Стрельне.

Задачи работы — рассмотреть жизнь Матильды Кшесинской в Петербурге, на даче в Стрельне, личные отношения балерины, создать портрет ее великокняжеского окружения...

«Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи...» (первая любовь). Они познакомились 23 марта 1890 г. на выпускном экзамене Императорского театрального училища. На нем присутствовала вся царская семья, а на торжественном ужине Кшесинская сидела рядом с наследником престола Николаем. Александр III посадил Кшесинскую рядом со своим сыном и в шутку заметил: *«Смотрите только, не флиртуйте слишком»*. Для нее это было невероятным потрясением! Она увидела молодого человека, который смотрел на нее добрыми голубыми глазами, и Матильда не смогла бороться с тем чувством, которое зарождалось в ее сердце: *«Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи»* (5, с. 32).

После простой и легкой беседы с цесаревичем, пришло время прощания, и она вдруг поняла, что и *«в его душу... вкралось чувство влечения, хоть мы и не отдавали себе в этом отчета... Мне казалось, что хоть он не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам. Нам ни разу не удавалось поговорить наедине, и я не знала, какое чувство он питает ко мне»* (5, с. 32).

Их юная любовь начиналась с минутных, случайных встреч, на расстоянии. Из дневника Великого князя Николая Александровича:

«10 июля, вторник: Был в театре, ходил на сцену. 17 июля, вторник: Кшесинская 2-я мне положительно нравится. 30 июля, понедельник: Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно. 31 июля, вторник: ... Простился с Кшесинской. 1 августа, среда: ...Стояние у театра дразнило воспоминания...» (7, с. 45).

Матильда Кшесинская любила кататься в карете-одиночке с русским кучером и на набережной часто встречала наследника, который тоже выезжал в то же время, что и она. Но это были встречи на расстоянии.

Однажды произошла совсем другая встреча: «У меня как-то на глазу вскочил фурункул, а затем и на ноге. Я все же продолжала выезжать на катанье, с повязкой на глазу, пока глаз от ветру так не разболелся, что пришлось несколько дней оставаться дома. Наследник, вероятно, заметил и повязку на глазу, и потом мое отсутствие... Я сидела дома вечером с повязкой на больном глазу, и сестра куда-то ушла, никого не было дома. В передней вдруг раздался звонок, и я слышала, как горничная пошла отворять дверь. Она доложила, что пришел гусар Волков, и я велела провести его в гостиную. Одна дверь из гостиной вела в переднюю, а другая в зал — и через эту дверь вошел не гусар Волков, а... наследник» (5, с. 36).

Тогда и произошла, та нежданная и счастливая встреча, о которой мечтала Матильда. В тот первый раз наследник оставался недолго, но они были одни и могли свободно поговорить. На другой день Кшесинская получила от наследника первую записку: «Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники» (7, с. 24).

После своего первого посещения наследник стал бывать у Кшесинской по вечерам. Николай часто привозил Матильде подарки, которые она сначала отказывалась принимать, но, видя, как это его огорчает, принимала их.

Неминуемая весть об их близких отношениях достигла семьи Кшесинской, и встревоженный отец спросил дочь, понимает ли она, что никогда не сможет выйти за наследника замуж. И она ответила: «...отлично все сознаю, но... всей душой люблю Ники и не хочу задумываться о том, что ожидает, хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю» (5, с. 41).

Все ее существо переполнялось не только чувствами радости и гордости, что именно она стала возлюбленной Ники, но и глубоким к нему уважением, как к человеку, который был по ее определению «очень образован, великолепно владел языками и обладал исключительной памятью.

Чувство долга и достоинства было в нем развито чрезвычайно высоко... Он был добрый и простой в обещании. Все и всегда были им очарованы, а его исключительные глаза и улыбка покоряли сердца. Одна из поразительных черт его характера было умение владеть собою...» (5, с. 54).

Но счастливая первая любовь была обречена на скорый финал. Болезнь и смерть Александра III 20 октября 1894 г. поторопили события, больно отозвавшиеся в сердце Матильды. После похорон вступил на престол новый император Николай II. Его невеста, принцесса Алиса Гессенская, приняла православную веру: «Известие об его сватовстве было для меня первым настоящим горем. После ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно. Я мучилась безумно...» (5, с. 38).

И только оставшаяся его фотография с надписью: «Моей дорогой пани», да строки последнего письма немного согревали: «Что бы со мною в жизни не случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости».

После помолвки Ники, Матильде казалось, что закончилась ее жизнь и радостей больше не будет, а впереди только горе: «...после его помолвки он просил назначить ему последнее свидание, и мы условились встретиться на Волконском шоссе, у сенного сарая, который стоял несколько в стороне. Я приехала из города в своей карете, а он верхом из лагеря. Как это всегда бывает, когда хочется много сказать, а слезы душиат горло, говоришь не то, что собиралась говорить, и много осталось недоговоренного. Да и что сказать друг другу на прощание, когда к тому еще знаешь, что изменить уже ничего нельзя, не в наших силах... Я вернулась домой, в пустой осиротевший дом...» (2, с. 132).

Ей было трудно объяснить, что она чувствовала в ту минуту, когда знала, что он уже со своей невестой. Главным ее горем было то, что она потеряла своего любимого. Ее первая любовь так грустно закончилась и началась трудная жизнь с разбитым сердцем: «После свадьбы молодые уехали в Ропшу, в загородный дворец. Этим празднеством закончился летний сезон, и я уединилась у себя на даче в Стрельне» (6, с. 66).

Иногда Матильда Кшесинская видела своего возлюбленного: «Летом 1897 года, когда я жила у себя на даче в Стрельне, Ники через Великого Князя Сергея Михайловича передал мне, что в такой-то день и час он проедет верхом с Императрицею мимо моей дачи, и просил, чтобы я непременно была к этому времени в саду. Точно в назначенный день и час Ники проехал с Императрицей мимо моей дачи и, конечно, меня отлично видел...» (6, с. 81).

«Я чувствовала себя виноватой перед ним...» (Великий князь Сергей Михайлович). Матильда Кшесинская познакомилась с Сергеем Михайловичем, когда наследник впервые привез его в дом Кшесинской. Великий князь Сергей так и остался после знакомства при ней и всегда поддерживал балерину. Она никогда не испытывала к нему чувств, которые можно сравнить с чувством к наследнику, но Матильда любила его, как верного друга: *«Тем верным другом, каким он показал себя в эти дни, он остался на всю жизнь, и в счастливые годы, и в дни революции и испытаний. Много лет спустя я узнала, что Ники просил Сергея следить за мной, оберегать меня и всегда обращаться к нему, когда мне будет нужна его помощь и поддержка»* (6, с. 66).

Великий Князь Сергей Михайлович не только питал дружеские чувства к балерине, но и любил её. Князь не отличался эффектной внешностью, многие находили его некрасивым, о чем однажды прямо заявила ему супруга родного брата Георгия Михайловича Великая княгиня Мария Георгиевна. *«В этом мое очарование»* — ничуть не смутившись, отпарировал Великий Князь, ибо он отличался отличным чувством юмора и истинно аристократической простотой в обращении (3, с. 220).

Великий князь Сергей Михайлович, пятый сын Великого князя Михаила Николаевича, родился 25 сентября 1869 г. Почти каждое лето с 12 лет Сергей Михайлович проводил в «загородной Великокняжеской усадьбе «Михайловское» вблизи Стрельны», и поэтому был хорошо знаком с этими приморскими местами. Сергей Михайлович жил отдельно от своих братьев в пяти комнатах Малого дворца, который был построен на высоком морском берегу Финского залива. В 20 лет со своим старшим братом Александром на собственной яхте «Тамара» он совершил двухлетнее плавание в Индию.

Считал, что во всем должна быть точность: *«Он радовал сердце моего отца тем, что вышел в артиллерию и в тонкости изучил артиллерийскую науку. В качестве генерал-инспектора артиллерии сделал все, что было в его силах для того, чтобы в предвидении неизбежной войны с Германией воздействовать на тяжелое на подъем русское правительство в вопросе перевооружения нашей артиллерии. Его советов никто не слушал, но впоследствии на него указывали в оппозиционных кругах Государственной думы как на человека, ответственного за нашу неподготовленность»*, писал его брат, Великий князь Александр Михайлович (3, с. 218).

Сергей Михайлович унаследовал от отца, генерал-инспектора артиллерии, не только «твердость убеждений и бесстрашие солдата», но и любовь к военным наукам, к артиллерии. Получив блестящее об-

разование, в 30 лет стал полковником, «состоял флигель-адъютантом, командиром 2-й Его Императорского Высочества генерал — фельдцейхмейстера батареи Лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады, был избран Почетным членом Михайловской артиллерийской академии», президентом Российского театрального общества» (3, с. 218—219).

Сильные чувства Сергея Михайловича к Кшесинской сохранились в течение 25 лет, а его преданность была безгранична. Великий Князь Сергей даже сыну Кшесинской, который родился от Андрея Владимировича, дал свое отчество, потому что мать Андрея, Великая княгиня Мария Павловна, была против брака ее сына с танцовщицей.

Когда Великий князь Сергей Михайлович, попытался избавиться от боли неразделенной любви и найти счастье в другой любви, он чуть ли не женился на Великой княжне Ксении (дочери императора Александра III), но осознающая свое превосходство Матильда Кшесинская была против этого союза: «Я чувствовала себя виноватой перед ним, так как предыдущей зимой, когда он ухаживал за одной молоденькой и красивой Великой Княжной и пошли слухи о возможной свадьбе, я, узнав об этом, просила его прекратить ухаживания и тем положить конец неприятным для меня разговорам. Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчета, как я виновата была перед Великим Князем Сергеем Михайловичем» (5, с. 77).

Великий князь Сергей Михайлович смирился, когда Матильда вновь влюбилась в другого. Он больше не делал попыток устроить свою личную жизнь и полностью ушел в военную службу. Как вспоминал Великий князь Александр Михайлович: «Он избегал светских торжеств и в высоких кругах слыл человеком замкнутым и молчаливым. Был прост в общении с обыкновенными людьми и доступен всем» (3, с. 220).

Больше двадцати лет Великий князь Сергей Михайлович был близким другом императора Николая II и не оставлял его в Ставке до последних дней существования империи, помогая Николаю II своими рекомендациями: «Его точный математический ум не был способен на необоснованные предложения. Его утверждения основывались на всесторонней осведомленности и тщательном анализе секретных донесений» (3, с. 218).

В 1918 г. Великого князя Сергея Михайловича под предлогом переезда в более «тихое и безопасное место» тайно вывезли к заброшенной Нижне-Селимской шахте, разыграв под утро инсценированное нападение, якобы с целью освобождения князей отрядом белых гвардейцев. Всех узников, с завязанными глазами, сбросили живыми в ствол старой

шахты глубиной около 60 метров. Всех, кроме Великого князя, который оказал сопротивление палачам, схватил одного из них за горло, но был убит пулей в голову.

«Он был удивительно красив и очень застенчив...» (Великий князь Андрей Владимирович). Новый роман Матильды Кшесинской начался в 1900 г. Во время обеда, устроенного в честь десятилетнего юбилея ее службы на императорской сцене, 27-летняя Матильда Кшесинская неожиданно для себя влюбилась в Великого князя Андрея Владимировича.

Великий князь Андрей Владимирович был младшим сыном великого князя Владимира Александровича (брата императора Александра III) и Великой княгини Марии Павловны, урожденной принцессы Мекленбург-Шверинской, считавшейся, согласно дворцовой иерархии, третьей дамой в Российской империи после обеих императриц.

Андрей родился 2 мая 1879 г. в Царском Селе. Образование получил под наблюдением августейших родителей, а также в Михайловском артиллерийском училище, которое окончил в 1902 г. 25 ноября 1895 г. зачислен на военную службу, 2 мая 1898 г. произведен в подпоручики. В 1908 г. окончил Александровскую военно-юридическую академию по 1-му разряду и 28 мая 1908 г. был зачислен по военно-судебному ведомству. С 19 июня 1905 г. по 23 апреля 1906 г. был причислен к Александровской военно-юридической академии для переводов иностранных военно-уголовных уставов. 18 апреля 1910 г. произведен в полковники и 29 августа 1910 г. назначен командиром 5-й батареи лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады.

Андрей Владимирович был участником Первой мировой войны (отправился в действующую армию в октябре 1914 г.); с 7 мая 1915 г. — командующий лейб-гвардии конной артиллерией, генерал-майор свиты императора.

В конце декабря 1919 г. уехал из Кисловодска и 4 января 1920 г. прибыл в Новороссийск, а через полтора месяца на французском корабле эвакуировался за границу (4, с. 3—4).

«Великий Князь Андрей Владимирович произвел на меня в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, что его вовсе не портит, напротив. Во время обеда нечаянно он задел своим рукавом стакан с красным вином, который опрокинулся в мою сторону и облил мое платье. Я не огорчилась тем, что чудное платье погибло, я сразу увидела в этом предзнаменование, что это принесет мне много счастья в жизни...»

С этого дня в мое сердце закралось сразу чувство, которого я давно не испытывала, это был уже не пустой флирт...» (5, с. 77).

Матильда была между двух огней: Сергей Михайлович и Андрей. Ее связь с Сергеем Михайловичем ни для кого не секрет, а в Андрея не влюбиться было невозможно.

Андрей Владимирович был моложе, но они совсем не чувствовали разницы в возрасте. Через полгода после первой встречи с Великим князем Андреем Владимировичем Матильда узнала, что ждет ребенка: «...У меня был тяжелый разговор с Великим Князем Сергеем Михайловичем. Он отлично знал, что не он отец моего ребенка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на все, остаться при мне и ограждать меня как добрый друг... Он боялся за мое будущее, за то, что может меня ожидать» (5, с. 90).

Рожать она решила в своей любимой Стрельне. Жизнь Кшесинской на даче в Стрельне началась после разрыва ее близких отношений с наследником престола, будущим императором Николаем II: «Мне казалось, что жизнь моя кончена и что радостей больше не будет, а впереди много, много горя», — вспоминала балерина. Матильда в отчаянии хотела укрыться от всего мира, убежать от своего горя и поселилась на лето в Стрельне: «Дача была большая, но запущенная, общее расположение участка мне понравилось. На углу висела вывеска «дача продается», и я пошла внимательно все осматривать...» (6, с. 68).

Великий князь Сергей Михайлович — верный друг балерины, купил эту дачу на имя Кшесинской, и на следующее лето в 1895 г., та переехала в нее жить, — «...чтобы меня хоть немного утешить и развлечь, Великий Князь Сергей Михайлович баловал меня, как мог, ни в чем мне не отказывал и старался предупредить все мои желания...» (6, с. 71).

Дача находилась недалеко от родового имения Михайловка, где жил Сергей Михайлович в детстве. На даче в Стрельне Кшесинская устроила уютный настоящий семейный дом.

Сергей Михайлович все приготовил к родам и уговорил личного доктора своего отца Великого князя Михаила Николаевича, лейб-медика А. Л. Зендера и ассистента профессора Отта, доктора Драницына, принимать роды, которые совершились глубокой ночью 18 июня 1902 г.: «У меня родился сын. Меня едва спасли, роды были очень трудные, и врачи волновались, кто из нас выживет: я или ребенок. Но спасли» (5, с. 90).

Он же взял на себя организацию таинства крещения, которое состоялось 23 июля 1902 г. в маленькой дворцовой церкви во имя Святой Равноапостольной княгини Ольги в летней резиденции своего отца —

в Михайловке. Новорожденного окрестили Владимиром, в честь отца Андрея, брата императора Александром III. Великий князь Владимир Александрович дал на то согласие и подарил новокрещенному младенцу нателный крест из уральского темно-зеленого камня с платиновой цепочкой.

Спустя восемь лет Великий князь Сергей Михайлович подготовил для сына Кшесинской Указ Его Императорского Величества о «потомственном дворянском Российской империи достоинстве». Девятилетнему Владимиру Сергеевичу Красинскому в 1911 г. были выданы свидетельство Департамента герольдии Правительствующего Сената и «личный паспорт». Сергей Михайлович всю жизнь заботился о ребёнке, уделял ему много внимания, всегда был на даче в дни его рождения «в его любимой Стрельне» и даже, будучи под строгим арестом в Алапаевске, за месяц до своей мученической гибели смог отправить поздравительную телеграмму ко дню 16-тилетия. Ребенок отвечал Сергею Михайловичу искренней привязанностью.

После революционных перипетий и разлук, Кшесинская и Великий князь Андрей Владимирович все-таки встретились во Франции. Они думали не только о своем счастье, но и о положении сына. Ведь до сих пор оно было неопределенным. Вскоре умерла мать Андрея, и по окончании траура, получив позволение старших родственников, они обвенчались в Каннах 30 января 1921 г. Матильде Феликсовне был присвоен титул Светлейшей княгини Романовской-Красинской, а ее сын Владимир был официально признан сыном Андрея Владимировича и тоже Светлейшим князем.

Вторую Мировую войну Кшесинская с мужем и сыном пережила во Франции без особых невзгод. Сильно поволновались лишь однажды, когда гестапо арестовало Владимира: он входил в кружок русских масонов, а для фашистов любая организация представляла потенциальную опасность. Кого-то из взятых по этому делу расстреляли, но молодой князь не пострадал, и Кшесинская считала это провидением свыше: в лагере номер Владимира был «119» — ровно 119 дней сына в заключении и продержали...

Великий князь Андрей Владимирович скончался в возрасте 77 лет, поставив своеобразный рекорд долголетия среди великих князей.

«Однажды, во время прогулки, я увидела прелестную дачу...»
(история дачи в Стрельне).

Дача в Стрельне и особняк на Кронверкском и сегодня не дают забыть о Кшесинской и ее преданных поклонниках. Правда, дачи уже нет...

О ней тепло вспоминала Кшесинская спустя многие десятилетия: «Однажды, во время прогулки, я увидела прелестную дачу, расположенную посреди обширного сада, простиравшегося до самого моря...» (6, с. 68).

Обширный земельный участок дачи находился около дворцовых земель Большого Стрельнинского дворца и хорошо охранялся. С севера дачу омывали воды Финского залива, с восточной стороны находилось частное владение. Матильда Кшесинская обустроила виллу на свой вкус: «Мне это доставило большое удовольствие, так как с раннего детства я привыкла летом жить на даче. Дача была, хотя по-старинному, но хорошо обставлена... Лето 1895 года я провела уже в своей новой даче в Стрельне, которую я наскоро обставила, а свою спальню отделила совершенно заново: стены обтянула кретоном, а мебель заказала у Мельцера, лучшего фабриканта мебели в Петербурге...» (2, с. 132).

При входе в имение был поставлен фонтан, посажены цветы, кустарники, деревья, разбиты оранжереи: «Все лето я прожила в Стрельне, и наслаждалась в своем имении» (5, с. 57).

Растения из сада дачи на зиму перевозились в город в зимний сад. В имении занимались и подсобным хозяйством. Там была конюшня, коровник, гараж, погреб, ледник, огород, паровые ящики, огромный парк и пр. В парке часто собирали грибы. С моря усадьба была ограждена защитной дамбой с пристанью.

Домашних животных тоже было достаточно: козочка, корова, любимая собака Джиби (преданный друг) и йоркширская породистая толстая свинья, которую очень любил сын Кшесинской. Козочка, которую Матильда приручила, выступала вместе с балериной в балете «Эсмеральда» в Мариинском театре.

Сама Кшесинская признавалась, что всю жизнь любила строить, и в этом ей помогал всегда Великий князь Сергей Михайлович.

Матильда с детства боялась темноты и не совсем уютно чувствовала себя по ночам на даче в Стрельне, и тогда Сергей Михайлович, воспользовавшись новшеством военной техники, построил первую в Стрельне электростанцию для освещения загородного дома и парка: «...В это время в Стрельне нигде не было электричества, даже во дворце, и дача моя была первая, и единственная, с электрическим освещением. Все кругом мне завидовали, некоторые просили уступить им часть тока, но у меня станции едва хватало. Электричество было тогда в новинку и придало много прелести и уюта моей даче...» (5, с. 115—116).

Сын Кшесинской часто жаловался, что она мало проводит времени дома, все время на выступлениях. И тогда она пообещала, что

как только заработает достаточно денег, построит ему домик, где сыну можно было жить и играть: «Затем я построила еще один домик в 1911 году... детский домик с двумя комнатами, салоном и столовой, с посудой, серебром и бельем. Сын был в диком восторге, когда осматривал домик, окруженный деревянным забором с калиткой...» (5, с. 116).

Вскоре дача Кшесинской в Стрельне стала своеобразной Меккой для всей артистической и художественной интеллигенции Петербурга-Петрограда конца XIX — начала XX века. В дни своего рождения Матильда Феликсовна устраивала в Стрельне «веселые праздники», на которые ежегодно 19 августа собирался весь цвет Петербурга. По воспоминаниям ее самой, «самый грандиозный и удачный был в 1911 году. Было много сюрпризов и разных развлечений: Для этого вечера я заказала большие афиши, какие обычно вывешивают повсюду по случаю какого-нибудь праздника, на который хотят привлечь публику соблазнительными приманками... А после вечера на станцию будет подан экстренный поезд для гостей, которые пожелают вернуться обратно в Петербург... Ужин очень удался: своей оригинальностью и красотой панорамы: с одной стороны виднелись огни Петербурга, а с другой — Кронштадта, а прямо напротив — огни Лахты...» (6, с. 183).

Часто Стрельну посещали друзья Кшесинской — князя Никита Сергеевич Трубецкой, Дмитрий Джамбакуриани-Орбелиани и Борис Георгиевич Гартман.

Великий князь Кирилл Владимирович со своим братом Борисом почти ежедневно бывали у Кшесинской в Петербурге и Стрельне. Они познакомились во времена коронации в Москве, в 1896 г., когда ему еще не было 20 лет, и были знакомы почти 40 лет. Великий Князь Кирилл Владимирович умер 12 октября 1938 г., и для Кшесинской это было большой потерей.

Занималась Кшесинская в Стрельне прогулками на своем катере по заливу, конным спортом и ездой на вошедшем в моду велосипеде — ездил из Стрельны по Волхонке даже до Павловска.

Но больше всего любила кататься по Петергофской перспективе мимо Михайловки — имения Великого князя Михаила Николаевича, и далее мимо Знаменки Великого князя Николая Николаевича: «В Михайловке я обыкновенно встречала Великого Князя Михаила Николаевича, который гулял по своему парку. Он всегда меня останавливал, очень мило со мной беседовал и заставлял делать на велосипеде восьмерки, которые не всегда хорошо у меня удавались» (6, с. 81).

Двадцать три года счастливо прожила Матильда Кшесинская в Стрельне на своей любимой даче. В начале июня 1917 г. Кшесинской вновь довелось побывать в своей любимой Стрельне, куда она повезла умершего фоксика Джиби. *«Я повезла его в Стрельну...похоронить его там, где он был такой счастливый, бегая на воле по саду. Солдаты, которые уже жили на мой даче, отнеслись к этому очень трогательно и сами помогли мне вырыть ямку и засыпать... Я до этого случая не была у себя на даче. Все в доме было перевернуто, и масса мебели уже увезена...»* (5, с. 190).

Двухэтажный деревянный резной дом с красивой башней-бельведером пережил революцию и войны. После Великой Отечественной войны в нем были устроены коммунальные квартиры, которые постепенно расселялись. В 1953 г. рядом был построен административный корпус Арктического училища. При строительстве спортивной площадки у нового корпуса в 1956 г. был разобран на бревна дом Кшесинской. В настоящее время единственно, что сохранилось в Стрельне от построек М.Ф. Кшесинской — это бетонная чаша фонтана, пережившего все катаклизмы времени. К сожалению, прямо по фонтану в заросшем парке проходит забор бывшего Арктического училища. Громадный парк усадьбы, общей площадью 10 гектар, давно одичал, зарос кустарником, высокой травой. В этих непроходимых зарослях в настоящее время поселилась редкая птица ремез. Это единственное место ее обитания в Ленинградской области. Местные грибники, не зная, что тут было имение Кшесинской, ходят в этот близкий лесок по грибы. Под водой на морской дамбе дачи видны бетонные основания причала с перилами, разрушенные стихией (2, с. 132).

«Дом вышел очень удачным, архитектор выполнил все мои желания...» (особняк Кшесинской).

В 1904 г. балерина Матильда Кшесинская купила у вдовы Петровой за 88 тысяч рублей земельный участок. В том же году рассматривался и был утвержден проект особняка: *«Перед составлением плана мы вместе обсуждали... расположение комнат в соответствии с моими желаниями и условиями моей жизни. Внутреннюю отделку комнат я наметила сама»* (5, с. 104).

Особняк был построен в 1904—1906 гг. архитектором Александром Ивановичем фон Гогеном. Он расположен на старейшей площади города Троицкой, на углу, от которого расходятся улица Куйбышева, бывшая Большая Дворянская, и дуга Кронверкского проспекта.

Фон Гогену и его помощникам удалось создать произведение, ставшее «классическим» образцом, своего рода эталоном петербургского

модерна. Кшесинская признавала, что «дом вышел очень удачным, архитектор выполнил блестяще все мои желания».

Особняк был своеобразной Меккой художественной интеллигенции Петербурга-Петрограда вплоть до 1917 г. Он был полон чудесными произведениями искусства, в нем был огромный зимний сад с редкими растениями и цветами.

В доме Кшесинской бывали самые интересные и известные люди Петербурга начала XX века: Ф. Шаляпин, Л. Собинов, В. Нижинский, Т. Карсавина, А. Павлова. Сергей Дягилев также бывал в особняке, но еще более он любил бывать на даче Кшесинской в Стрельне. Здесь устраивались домашние спектакли, концерты, велись интересные беседы, общались близкие по интересам люди. Особняк помнит блестящие балы и торжественные приемы.

Когда Матильда Кшесинская отдыхала в Париже, один из слуг ей подарил белого ручного голубя, которого потом она привезла в Россию. Голубь быстро освоился в особняке на Кронверкском проспекте, подружился с обитателями и животными, жившими там. Особенно голубю понравился фоксик Джигби, любимец хозяйки особняка. В 1917 г., после того как хозяйка покинула свой дом, белый голубь вылетел в окно и не вернулся, словно подал знак.

Счастливая жизнь в особняке закончилась в начале 1917 г., когда в Петербурге стало беспокойно, на улицах появились военные, часто стреляли. Страх за жизнь сына заставили Кшесинскую покинуть свое уютное и уже привычное жилище. Судьба распорядилась так, что больше она уже никогда не вернулась сюда.

Наступил март 1917-го... 13 марта был захвачен особняк на Каменно-островском проспекте, из которого хорошо виден Троицкий мост и набережная. Большевики готовились к новому перевороту, а это место оказалось стратегически важным для контроля над мостом. С 4 апреля 1917 г. две комнаты сына Кшесинской занял вернувшийся из эмиграции Ленин. Матильда Феликсовна, защищая свое имущество от разорения, подала в суд на Петроградский комитет большевиков, обвинив его в захвате частной собственности. Сергей Михайлович помогал ей в этом. 5 мая 1917 г. суд постановил: «выселить из дома Кшесинской Петроградский комитет большевиков, и все другие организации, которых к маю насчитывалось около 17, и среди них ПК РСДРП(б). ПК РСДРП(б), Военную организацию большевиков. Солдатский клуб. Центральное бюро профсоюзов, фракцию большевиков Петроградского Совета, редакцию «Солдатской газеты» и другие» (1, с. 125). Но даже министр юстиции Ке-

ренский не смог помочь Кшесинской добиться выполнения решения суда. Проезжая как-то мимо своего дома, Матильда Феликсовна увидела Коллонтай, разгуливавшую в саду в ее горностаевом пальто.

С июля по октябрь 1917 г. особняк был занят батальоном самокатчиков, верных Временному правительству. После Октябрьской революции особняк Кшесинской стал достоянием Петроградского Совета, в нем размещались различные административные организации. В 1929 г. особняк был отдан Нарпиту, в нем разместился Институт общественного питания со столовой. В 1931 г. был передан Обществу старых большевиков, которое занимало его до 1935 г. Затем в особняке разместилась комиссия партийного контроля. В 1936 г. он был взят на учет трестом учрежденческих домов (ТУД), и до июля 1937 г. пустовал и находился в ведении 4-го хозяйства ТУДа. В 1937 г. особняк был передан Музею С. М. Кирова. В годы Великой Отечественной войны во время блокады особняк серьезно не пострадал. После войны еще 10 лет музей С. М. Кирова находился в особняке великой балерины. В декабре 1954 г. в Смольном был решен вопрос о размещении в Особняке Кшесинской Музея революции (1, с. 126) 13 августа 1991 г. музей был преобразован в Государственный Музей политической истории России.

Сегодня в великолепном особняке в память о замечательной русской балерине Матильде Феликсовне Кшесинской проходят литературные, музыкальные и хореографические вечера. И когда наслаждаешься искусством современной танцовщицы на вечере старинной хореографии, то кажется, что тень хозяйки незримо присутствует рядом, и чувствуешь, что погружаешься в «золотой век» императорского балета. Особняк помнит всех, кто бывал здесь. Здесь открывают выставки, которые помогают нам помнить людей, бывающие, когда-то в особняке.

Работа подошла к концу, но не хочется расставаться с тремя романтическими историями Матильды Феликсовны Кшесинской. Окруженная достойными людьми, она была счастлива. Счастлива своей первой любовью к молодому Николаю — Ники, счастлива сознанием рыцарского служения ей Сергея Михайловича, счастлива своей любовью к Андрею Владимировичу, отцу ее сына. И они были счастливы с ней. Николай, который обещал не забывать «свою пани». Сергей Михайлович, который будучи в Алапаевске, на краю гибели, отправил поздравление с днем рождения ее сыну, Андрей Владимирович, который венчался с ней... В судьбе каждого из них, она значила много, или была главным. Сергей Михайлович — настоящий и верный друг Матильды Кшесинской, вместе с ней переживал горе и радости. Он всю жизнь любил свою Малю,

так и не найдя себе иную любовь. Андрей Владимирович, во Франции, в изгнании, обрел с ней семейный очаг.

Но и они — эти великие князья, блестящее ее окружение, так много значили для нее. Всего, что было в судьбе Матильды Кшесинской, вполне хватило бы на три жизни. Другое подходящее название для работы — «Три жизни Матильды Кшесинской». Две ее жизни остались в России, ее третья жизнь прошла во Франции.

В Париже Матильда Кшесинская открыла свою балетную школу. Имя Кшесинской в Европе помнили — в свое время ей рукоплескали Будапешт, Рим, Париж, Вена... Она не ошиблась в своих расчетах: дав первый урок в студии в апреле 1929 г., через несколько лет принимала уже сотню учеников. Весьма помогли развитию ее балетного класса мастера русской сцены, оказавшиеся за границей: Тамара Карсавина, Анна Павлова, Серж Лифарь, Михаил Фокин.

Овдовела Кшесинская в 1956 г. — Андрей Владимирович скоропостижно умер на руках жены и сына. Похоронили его в форме лейб-гвардии полка конной артиллерии, в котором он служил в России. Матильда Кшесинская умерла 6 декабря 1971 г. в Париже, ей было 99 лет.

Она пережила свою страну, свой балет, мужа, возлюбленных, друзей и врагов. Вместе с ней ушла эпоха: люди, собравшиеся у ее гроба, провожали в последний путь блестящий и легкомысленный санкт-петербургский свет, украшением которого она когда-то была.

Думается, мне удалось раскрыть тему, при этом узнать много интересного о своей героине. Я подробно рассказала об отношениях ее с великими князьями. Посетила особняк, где жила Матильда Кшесинская. Там находится музей, в котором можно многое узнать о балерине и о том, что происходило в нем после отъезда хозяйки. И проделав такую большую работу, познакомившись с тремя романтическими историями Матильды Кшесинской, читая ее дневники, дневники и воспоминания людей, в той или иной степени причастных к происходящему, приходишь к выводу, что Матильда Кшесинская была достойна такой любви и преданности. Она была счастлива и с ней были счастливы.

Антонина Павлычева — актриса большого дарования (из истории жизни и творчества)

Дроздова Александра,

11 класс ГБОУ№233.

Краеведческое объединение «Охта» ДДЮТ «На Ленской».

Научный руководитель: Столбова Наталья Павловна.

Работа 2015 г.

Настоящая работа посвящена советской актрисе, Заслуженной артистке СССР Антонине Павловне Павлычевой, многие десятилетия жизни которой были связаны с Ленинградом.

Выбор темы обусловлен моим интересом к истории театра, театральной жизни — одной из самых интересных сторон петербургской культуры.

Волею случая, ко мне в руки попал альбом, который содержал большое количество фотографий А. П. Павлычевой в разных ролях и жизни. Поразило лицо актрисы и человека — волевое, целеустремленное и одновременно по-женски обаятельное. Пообщавшись со своими сверстниками, родителями, педагогами, оказалось, что Антонину Павловну Павлычеву мало кто знает сейчас. Иногда ее имя упоминают лишь в связи с актером Василием Меркурьевым, с которым она несколько лет состояла в гражданском браке или в связи с ее дружескими отношениями с актером Георгием Жженовым.

Желание посвятить работу ей от этого только усилилось, захотелось ввести в современную культурную жизнь Петербурга полузабытое имя ленинградской актрисы Антонины Павловны Павлычевой.

Антонина Павлычева прожила долгую жизнь, сыграла множество ролей в театре, была известна своими ролями в кино. Прошла путь развития советского театра, начиная в 1920-е—1930-е годы вместе с Театром Актерского Мастерства (ТАМом) и закончив свою карьеру в Областном Драматическом театре. Играла волевых сильных женщин, героинь военного времени, послевоенных десятилетий.

В начале работы было выдвинуто предположение: *Антонина Павловна Павлычева — актриса большого дарования.*

Цель работы: на основе материалов семейного архива Павлычевых и других источников доказать или опровергнуть данное предположение, разобраться, несли ли ее роли только отпечаток эпохи, или могут быть интересны сегодня.

У Антонины Павловны Павлычевой есть родственники, которые живут в Петербурге, Петрозаводске и других городах. В ходе работы уда-

лось пообщаться с внучкой Павлычевой Сабиной Михайловной Марковой, которая помогла в написании данной исследовательской работы. Она рассказывала об Антонине Павловне, так живо, что у меня сложилось впечатление, что я лично с ней была знакома.

Во время работы были использованы фотографии и документы из семейного альбома Павлычевых, литература, периодическая печать, журналы того времени и, конечно, воспоминания о ней С. М. Марковой.

Антонина Павловна Павлычева — актриса, жизненной путь которой практически не отражен в литературе, но много упоминаний о ней и о спектаклях, в которых она играла, встречается на страницах периодической печати. Это газеты «Советская Россия», «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Смена», журнал «Театральный Ленинград» за 1950—1970-е годы.

Определенная часть материала о Павлычевой содержится в книгах, посвященных Меркурьеву и Жженову, в творческих и дружеских отношениях с которыми была Павлычева. В книге С. Л. Цимбала «Василий Меркурьев» (1963) отмечают работу молодого коллектива Театра Актёрского Мастерства над современным репертуаром, где на первом плане работа Антонины Павловны Павлычевой. Также талант и замечательная актёрская игра Павлычевой и её коллег: Екатерининского, Меркурьева, Толубеева упоминается в книге Б. П. Петровой «Леонид Сергеевич Вивьен: актёр, режиссёр, педагог» (1998 г.). Но главным источником является семейный архив и воспоминания внучки Павлычевой.

Начало творческого пути. Антонина Павловна Павлычева родилась в 1900 году в Астрахани в большой купеческой семье, в которой было семеро детей: четыре девочки и три мальчика. Антонина была старшей. В семейном альбоме, предоставленном внучкой Антонины Павловны Павлычевой С. М. Марковой, имеются фотографии связанные с семьёй актрисы.

В детстве будущая актриса получила домашнее образование, обучалась музыке, языкам, литературе, живописи. Жизнь была благополучной, но Астрахань того времени была провинциальным промышленным и торговым центром, и культурная жизнь не удовлетворяла юную Павлычеву. Приезжал цирк, театральные антрепризы, которые она посещала, но хотелось большего, и в возрасте 18 лет она уехала в Петроград. Первоначально актрисой быть не собиралась. Хотела быть модисткой, умела хорошо шить, вышивать, эти навыки могли быть полезными.

В 1924 году Павлычева поступила в Школу Актёрского мастерства. О годах учебы сведения отрывочные. По воспоминаниям Павлычевой на занятия можно было ходить избирательно, посещение было свободным.

В конце 1960-х годов Павлычева вместе со своей внучкой Сабинной ездила в Астрахань. Нашли старый сохранившийся деревянный дом, остатки сада. Но найти могилы родителей не удалось.

Будущая Заслуженная артистка РСФСР (1957 г.) А. П. Павлычева начала свой творческий путь в театре актёрского мастерства (ТАМ), куда пришла в 1928 году после окончания Института сценического искусства (Ленинградского театрального института), основанного в 1918 как Школа актёрского мастерства (22).

ТАМ был создан актером и режиссером Л. С. Вивьеном в 1928 году. Среди его первых актеров были Н. К. Черкасов, Н. К. Симонов, Б. А. Смирнов, Ю. В. Толубеев, А. И. Райкин, Б. П. Чирков, В. В. Меркурьев (22).

Одной из первых ролей Павлычевой была Василиса в спектакле «На Дне» М. Горького, где Меркурьев играл Луку. Среди первых спектаклей Павлычевой был и спектакль «Правда — хорошо, а счастье лучше» по пьесе Островского.

В коллективе ТАМа, который вскоре был переименован в Филиал Государственного Академического театра Драмы, затем в театр Красной Армии и позже в Реалистический театр, Павлычева также сыграла Ленчицкую в «Бойцах» Ромашова, Марианну в «Забавном случае» Гольдони, Мотылькову в «Славе» Гусева и много других ролей (18, с. 8—9).

Как писала в 1959 году театровед Слонимская, первые же роли, сыгранные Павлычевой, показали незаурядные характерные данные молодой актрисы, острую наблюдательность, умение тонко разобраться в психологии своих героинь (18, с. 8—9).

Антонина Павловна Павлычева в конце 1920-х–1930-е годы состояла в гражданском браке с Василием Васильевичем Меркурьевым.

К тому времени у Антонины Павловны Павлычевой был сын Михаил, родившийся в 1926 году. М. А. Павлычев физик по образованию, окончил физический факультет ЛГУ. Работал в Дубне, Ленинграде в проектных бюро, закрытых предприятиях. Умер в 1992 году, похоронен на кладбище в Комарово.

Василий Васильевич Меркурьев — советский актёр театра и кино, театральный режиссёр, педагог, Народный артист СССР, Лауреат трёх Сталинских премий второй степени, родился в 1904 году в городе Остров Псковской губернии. Театральную деятельность начал в 1920 году там же. В 1926 году окончил Институт сценического искусства (Ленинградский театральный институт). С 1926 по 1937 год служил вместе с Павлычевой в театре Актёрского мастерства под руководством Л. С. Вивьена. В кино дебютировал в 1924 году. Наибольшую известность получил бла-

годаря комедийным ролям в фильмах «Небесный тихоход», «Золушка», «Верные друзья» и др. Снимался в фильмах «Летят журавли», «Обыкновенный человек», «На подмостках сцены», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Москва — Кассиопея» и др. (27).

В 1931 году, Антонина Павлычева и Василий Меркурьев работали в Самарском (Куйбышевском) драмтеатре. Под крышей Самарского театра драмы собрались тогда очень даровитые актеры: Соловьев, Толубеев, Кистов, Киселев и Симонов.

Театр активно гастролировал по стране: в республиках Кавказа, Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, на Урале, в городах Европейской части страны. Во многих постановках играли Меркурьев и Павлычева (22).

Великая Отечественная война застала Павлычеву в Куйбышеве. Работая чтицей в филармонии, она выступала с концертами в колхозах, госпиталях, воинских частях. В 1945 году, вернувшись в Ленинград, поступила в Областной Драматический театр, много работала на радио.

По воспоминаниям С. М. Марковой на Ленинградском радио Павлычева читала произведения военной тематики, участвовала в радиопостановках. Передачи ленинградского радио служили эталоном правильной русской речи и звучали во всех ленинградских домах.

В радиопостановке «Чудотворная», поставленной в 1959 году, Павлычева выступила в роли бабки Грачихи. В газете «Вечерний Ленинград» есть небольшая заметка об этом спектакле (17).

Эта радиопостановка была поставлена по повести В. Тендрякова «Чудотворная». В вырезке из газеты, которая была взята из семейного архива Павлычевых, М. Ильин в статье «Родька Гуляев в школе и дома», отмечает, что успех игры А. П. Павлычевой и других актёров в первую очередь зависел от глубокого проникновения актёров в саму постановку. В передаче также были заняты народный артист СССР Полицеймако, заслуженные артистки Сергеева, Уварова, а также Екатерининский, Злобин и другие (11).

В послевоенные и последующие годы Павлычева служила в Областном Драматическом театре, с которым ее связывают более тридцати лет творчества и где в полной мере раскрылся ее талант театральной актрисы.

Павлычева — актриса Областного Драматического театра. Об актерской жизни Антонины Павловны Павлычевой сегодня можно судить только по воспоминаниям и оценкам её творчества современниками, которые видели её на сцене, а также по некоторым постановкам и филь-

мам, которые сейчас можно с трудом найти в записях. К сожалению, мне не удалось увидеть Павлычеву на театральных подмостках, но некоторые фильмы с ее участием я видела в записях. И было интересно, какое впечатление они произведут на меня сегодняшнего, далекого от того времени человека. Для этого пришлось знакомиться и с театром, и с мнением критиков о творчестве Павлычевой в 1950—1960-е годы.

Безусловно, я знала, что эпоха была непростой. В 1956 году состоялся XX съезд партии, развенчавший культ личности Сталина. Но театр, роли (скорее их трактовка), должны были нести отпечаток эпохи и это видно из критических статей, к которым мы скоро обратимся.

Театр, с которым связано имя актрисы — Областной Драматический театр на Литейном, 51. Театр создан в 1940-е годы правительством Ленинградской области. Гастрольным театром руководил А. Винер, а драматическим — Г. Гуревич (25).

За первые 12 лет службы в театре, с 1945 по 1958 год, Павлычева сыграла около 30 ролей, создав галерею разнообразных сценических образов. В юбилейный год (отмечалось 30-летие ее творческой деятельности) в прессе появилось много статей, посвященных ее творчеству. Репертуар театра в те годы опирался на классику, но ставились пьесы и современных драматургов.

Перечисление ролей Павлычевой того времени дает представление об этом: *«Лицемерная, жадная Огудалова в "Бесприданнице", хитровая, добродушная Домна Пантелеевна в "Талантах и поклонниках", вдумчивая Милютина в "Персональном деле", робкая и в то же время смелая Ханна в спектакле "Тропою грома"»* (18).

Антонина Павловна Павлычева — талантливая актриса, которой особенно хорошо удавались роли сильных, волевых женщин. Главными спектаклями, наиболее ярко раскрывшими талант и незаурядные способности актрисы, были спектакли *«Власть тьмы»* Л. Толстого и *«Каменное гнездо»* Х. Вуолийоки. Специальный корреспондент газеты *«Советская Россия»* Л. Лосев писал в 1959 году: *«...Эти две капитальные постановки примечательны искусством ансамбля, своеобразием режиссёрского почерка, во многих отношениях выдерживают сравнение с лучшими работами известных театров»*. Он же писал, что *«...исполнительский состав отмечен той слитностью, которая идет не от режиссёрского деспотизма и нивелировки индивидуальностей, а от верного, убеждённого понимания идеи пьесы»*.

Автором спектакля *«Каменное гнездо»* является известная финская писательница того времени Хелла Вуолийоки (1930-е годы). Режиссёры

спектакля — М. Н. Гладков и заслуженный артист РСФСР В. И. Хохряков (12). Этот спектакль имеет и второе название «Женщины Нискавуори». Всего автором написано пять пьес этого цикла (10).

В спектакле «Каменное гнездо» Антонина Павловна Павлычева играла старую хозяйку Нискавуори. Как отмечали критики тех лет, самый яркий, выразительный, живой и многогранный образ, созданный талантливой артисткой за последние годы, стала роль хозяйки Нискавуори в пьесе Хеллы Вуолийоки.

В семейном архиве есть фотография Павлычевой в роли хозяйки Нискавуори, на которой мы видим умную, волевою и обаятельную женщину, образ которой так характеризует театровед Д. Слонимская: *«Хозяйка старого гнезда, которую с подлинной трагедийностью играет актриса, умна, опытна и деспотична. Её жизненный путь был безрадостен и суров. Всю свою энергию, силы она отдаёт утверждению своего поместья, своей земли, своей фермы. Самое важное в жизни — деньги. Как напоминает старая хозяйка горьковскую Вассу Железнову! Та же самоуверенность и властность, жажда денег, страх за разрушающуюся семью, гнездо...»* (18).

В газете «Вечерний Ленинград» от 10 декабря 1957 года И. Руч также отмечает игру актрисы и образ, созданный ею: *«После встречи с А. Павлычевой в роли старой хозяйки Нискавуори в памяти ещё долго живут детали её игры, создающей живой, выразительный и богатый образ»* (15).

Спектакль шел на сцене Областного театра несколько лет, и более поздняя критика по-прежнему отмечает его успех: *«В этом спектакле талантливая актриса передает образ просто и правдиво, она вживается в роль, и переживает всё вместе со своей героиней, проникается всем происходящим, живёт этим образом. Эта роль — большая творческая победа Павлычевой, победа всего театра, поставившего хороший спектакль»* (18).

В этом спектакле Антонина Павловна Павлычева играла вместе со своим хорошим другом Георгием Степановичем Жженовым, с которым Павлычеву связывали долгие годы дружбы. Жженов служил в Областном Драматическом театре в 1955—1960-х годах.

По воспоминаниям Антонины Павловны, которыми она делилась со своей внучкой С. М. Марковой, они познакомились, когда играли в спектакле «Каменное гнездо» («Женщины Нискавуори»). Это был первый для Жженова спектакль в театре. Он был очень обаятельным и эмоциональным человеком, которому необходимо было делиться пе-

реживания. И Антонина Павловна Павлычева всегда была ему верным другом и собеседником. Дружба продолжалась и после отъезда Жженова в Москву, вплоть до смерти актрисы.

Спектакль «Каменное гнездо» и другие спектакли цикла по пьесам Вуолийоки ставятся в настоящее время в Мурманске, Петрозаводске, Финляндии.

Ещё один спектакль, в котором Антонина Павловна Павлычева раскрылась как талантливая актриса — это спектакль «Власть тьмы» по пьесе Льва Толстого. В нём актриса создала яркую, запоминающуюся Матрёну.

Спектакль впервые был поставлен в Петербурге в 1895 году в Театре Литературно-художественного общества, потом ставился в Александринском театре, многих московских театрах и за границей. Сейчас спектакль идет на сцене Большого Драматического театра в Петербурге, Малого и Московского художественного театра в Москве.

В Областном Драматическом театре он был поставлен в 1958 году. Вот как пишет об игре Павлычевой автор статьи в журнале «Театральный Ленинград»: *«В этой темной, забитой жизнью крестьянке нет ничего исключительного, злодейского. Она страшна именно своей простотой и обыденностью. Матрону толкает на преступление не природная жестокость, а тяжёлая беспросветная нужда»* (18).

Еще об одном спектакле, в котором Павлычева играла главную роль, — спектакле по пьесе А. Софронова «Сердце не прощает», писала театровед Д. Слонимская в 1959 году: *«Актрисе Антонине Павлычевой удаётся в своей героине совместить и грубые черты, и какую-то женскую теплоту и сердечность, это свидетельствует о большом мастерстве актрисы и заслуживает огромного восхищения»* (18).

В критике тех лет вновь видны тенденции эпохи: *«Основные образы пьесы увидены в действительности, обрисованы, смело и живо под непосредственным впечатлением «натуры». Они проникнуты мыслями о новой счастливой жизни народа, о счастье свободного коллективного труда»* (18).

Актриса пользовалась авторитетом в коллективе театра. Она была *«дисциплинирована, политически грамотна и заслуживала большого уважения»*, о чем писал в характеристике директор театра (8).

Подводя итог сказанному, можно отметить, что театральная жизнь Павлычевой этого периода интересна и разнообразна. Героини, которых она играла, отличались сильным и волевым характером, что и заставляло обращать на них особое внимание.

Пьесы, в которых играла Павлычева в Областном Драматическом плане, роли, исполняемые ею разноплановы. Женские образы глубоки, многослойны, неоднозначны. И хотя критика тех лет зачастую тенденциозна, талант актрисы ярок, образы, созданные ею и проблемы ее героинь актуальны и сегодня.

Киноактриса Антонина Павлычева. Антонина Павловна Павлычева известна не только как актриса театра, но и как киноактриса. За свой творческий путь она сыграла более чем в двадцати фильмах. В кино снималась в течение двадцати лет в 1957—1976 годы.

Так, в семейном архиве есть справка от начальника актёрского отдела киностудии «Ленфильм» от 16 октября 1959 года о том, что А. П. Павлычева в тот период снималась в картинах: «Выборгская сторона», «Год 19-й», «Всего дороже», «День первый», «Гушак из Рио-де-Женейро».

Антонина Павлычева не только участвовала на радио в постановке «Чудотворная», но и снималась в одноимённом фильме, где сыграла одну из главных ролей — бабушку Авдотью. «Чудотворная» — художественный фильм на антирелигиозную тему режиссёра Владимира Скуйбина по одноимённой повести Владимира Тендрякова, снят на киностудии Мосфильм в 1960 году (28).

Сюжет фильма заключается в том, что ученик Гумнищенской неполной средней сельской школы Родька Гуляев выкапывает на берегу реки древнюю потемневшую икону, и его бабушка Авдотья распускает слух, что эта икона — чудотворная, а её внук Родька — святой. И это событие меняет его жизнь, ибо верующие сельчане объявляют мальчика «Божьим избранником» (28).

Ещё один фильм, в котором снималась Антонина Павлычева — это фильм «Государственный преступник», поставленный на киностудии «Ленфильм» в 1964 году режиссёром Николаем Розанцевым (24).

Одним из значимых фильмов, в котором снималась Заслуженная артистка Павлычева, является фильм «В то далёкое лето», поставленный по мотивам повести Надежды Надеждиной «Партизанка Лара». Антонина Павлычева выразительно сыграла в этом фильме бабушку Ларисы. В 1975 году фильм был награждён Почетной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина.

Фильмография Павлычевой представляется обширной. Кроме приведенных, нельзя не отметить роли в известных фильмах «Дикая собака Динго», «Все остается людям», «Двадцать дней без войны» и других. Эти фильмы сохранили образы, созданные талантливой актрисой Антониной Павлычевой. Для Павлычевой не было незначительных «проход-

ных» ролей. В каждую, даже эпизодическую роль, она вкладывала свой талант, глубокие человеческие чувства и переживания, поэтому фильмы с ее участием интересно смотреть и в наше время.

Воспоминания об актрисе и ее адреса в Ленинграде. Антонина Павловна Павлычева удивительная актриса и замечательный человек, о чем свидетельствуют отклики ее современников. Д. Слонимская в журнале «Театральный Ленинград» писала так: «Зрители Ленинграда любят и знают творчество заслуженной артистки РСФСР Антонины Павловны Павлычевой и ждут воплощения его на сцене образа нашей современницы-труженицы, женщины нашей страны» (18).

В журнале «Вечерний Ленинград» от 28 февраля 1958 года была напечатана статья «30 лет на сцене»: «Зрители нашего города в области знают и любят искусство этой талантливой актрисы. Здесь в целом ряде классических и советских ролей обнаружили незаурядные способности Павлычевой — актрисы большого дарования, умеющей тонко передать психологию своих героинь. На юбилейном вечере, состоявшемся на днях в Доме актёра, после вступительного слова главного режиссёра Областного драматического театра Г. Гуревича были показаны отрывки из спектаклей, затем состоялись чествования актрисы» (30).

Редакция «Театрального Ленинграда» в 1958 году обратилось к ряду ленинградских артистов, режиссёров и композиторов с просьбой прислать свои новогодние пожелания, поделиться с читателями своими творческими планами. Антонина Павловна Павлычева также написала новогоднее пожелание: «У каждого актёра есть своя роль-мечта. Моя мечта — сыграть роль Вассы Железновой в пьесе Горького. Надеюсь, что в новом году это моё желание совпадёт с планами театра. Хочется также, чтобы в новом году наш Ленинградский областной драматический театр поставил не одну-две пьесы, а создал бы несколько спектаклей, хороших и разных. А также, чтобы у зрителя исчезло неоправданное деление театров на областные и городские, как плохие и хорошие, которое возникает от недостаточного знакомства с нашим репертуаром и нашими актёрами» (15).

7 февраля 1958 года после чествования актрисы на адрес Дома актёра было прислано письмо: «Дорогая Антонина Павловна! Примите нашу искреннюю благодарность за то большое удовольствие, которое Вы нам доставили своим прекрасным творческим вечером. Желаем Вам, дорогая Антонина Павловна, здоровья, счастья и дальнейших больших творческих успехов».

На фотографии из семейного альбома есть надпись, принадлежавшая неизвестному лицу: «Дорогая Антонина Павловна! Я всегда был, есть и буду самым горячим поклонником Вашего таланта. Пусть эта фотография напомнит Вам о нашей совместной работе. Мне она постоянно напоминала о большой радости сотрудничества с Вами — большой актрисой и очень-очень хорошим человеком. Искренне Ваш» (3).

Созвучна времени характеристика, выданная Павлычевой директором театра Г. М. Коркиным, в которой дирекция, партийная организация и местный комитет театра рекомендуют Павлычеву для туристской поездки за рубеж — в страны народной демократии и несут за неё полную ответственность. В характеристике говорится: «Заслуженная артистка РСФСР Антонина Павловна Павлычева 1900 года рождения, русская, беспартийная, член Профсоюза Работников Культуры, работает в Ленинградском Областном драматическом театре с 28-го августа 1945 года и пользуется авторитетом не только среди своего коллектива, но и заслуженным авторитетом у зрителей» (9).

Внучка А. П. Павлычевой Сабина Михайловна Маркова, редактор по профессии рассказывала, что первым адресом, с которым была связана актриса в Ленинграде, был Греческий проспект, дом 5. Там А. П. Павлычева жила до 1961 года. Это была небольшая комната в коммунальной квартире, на последнем этаже. Следующий адрес, который относится к А. П. Павлычевой — это Комсомольская площадь, дом 10, квартира 66. Там она жила с 1961 года и до самой смерти. Это была двухкомнатная квартира, особенность которой состояла в том, что в ней не было ни одного прямого угла. Непременно стоит отметить, что с именем актрисы связан Дом актёра в Ленинграде и Дом отдыха в Комарово (2) Антонина Павловна Павлычева, скончавшаяся в 1977 году, похоронена на кладбище в Комарово.

Подводя итоги проделанной работы, проанализировав творческий путь Антонины Павловны Павлычевой, театральную жизнь и жизнь в кино, можно сказать, что высказанное в начале работы предположение о том, что Антонина Павловна Павлычева — актриса большого дарования, нашло своё подтверждение.

А. П. Павлычева прошла большой творческий путь, связанный со становлением и развитием советского театра. Родившись во времена российской империи, она жила и скончалась в Советском Союзе, государстве, которого сейчас нет так же, как нет и империи. Такие государственные метаморфозы отразились на всех сторонах жизни общества, не обошли стороной они и театр.

Анализируя репертуар театров, в которых служила Павлычева, видно, что, основываясь на классическом репертуаре, на суд зрителей выносились и спектакли современных авторов, отражающих как советскую действительность, часто идеализируя ее, так и социальные проблемы западного общества.

Трактовка спектаклей, судя по критике того времени, соответствовала тенденциям и, казалось, не оставляла актеру свободы самовыражения. Но советский театр при этом находился на подъеме, стоит вспомнить, к примеру, «золотое» тридцатилетие (1959—1989) БДТ (Большого Драматического театра) во главе с Г. А. Товстоноговым, когда на его подмостках блистали Смоктуновский, Доронина, Борисов, Лебедев и многие другие актеры.

Значит, все зависит от таланта умного проницательного режиссера и таланта актеров, всего театрального коллектива, который делает спектакль интересным, актуальным, запоминающимся.

Безусловно, по силе воздействия на зрителя, нельзя сравнивать спектакли БДТ со спектаклями Областного Драматического театра того времени. Но яркими, запоминающимися спектаклями и ролями, были и его спектакли. Время, когда на подмостки выходили Жженов, Павлычева, Горин было незабываемым для многих поклонников таланта этих актеров.

Самыми яркими ролями в театре у Павлычевой были роли в спектаклях «Каменное гнездо», «Власть тьмы» и «Сердце не прощает». Ей особенно удавались роли сильных, волевых женщин. Одной общей чертой всех её ролей было то, что она совмещала в своих героинях властность и грубость, с душевной теплотой и сердечностью, создавая нетипичные по психологической глубине для социалистической годов образы.

Театральная критика 1960—1970-х гг. уделяла актрисе меньше внимания: последние два десятилетия её жизни связаны с кинокарьерой, в это время она была очень востребована в кинематографе.

Нельзя не отметить, что послевоенные и последующие десятилетия связаны с участием Павлычевой в работе на Ленинградском радио. Её голос часто слышали и узнавали ленинградцы.

Познакомившись с такой актрисой, как Антонина Павловна Павлычева становится понятным, что ее героини с их преданностью близким, родине, своим принципам находятся вне времени. Павлычева была талантлива, и нельзя говорить, что ее исполнение несло только отпечаток эпохи. Пожалуй, проблемы, которые стоят перед героями «Хозяйки Нискавуори», «Власти тьмы», других спектаклей актуальны и сегодня, а исполнительский психологизм Павлычевой вполне современен.

Список использованных источников и литературы работ, помещенных в сборнике

Смирнова Анастасия. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский — либерал, демократ, патриот

1. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем (1828—1876). Т. 4 — Москва: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев — 1935
2. Бараев В. Муравьев-Амурский, полномочный представитель царя// газета Алфавит — 2000 — № 30
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский Кн. 2 — Москва: Синодальная Типография, 1891
4. Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 гг. //Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. — Хабаровск: Кн. изд., 1970
5. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний — М., 2004
6. Дьяков Н. Н., Самойлов Н. А. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография — СПб: СПбГУ, Восточный факультет, 2011
7. Завалишин Д. И. Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство // Морской сборник. — 1859 — № 7
8. Завалишин Д. И. // Русская Старина. — 1881 — № 9, 10
9. Захаренко И. А. Формирование Российской границы на Дальнем Востоке в XVII — XIX веках // Российская история. — 2008 — № 5
10. Захаренко И. А. Амурские сплавы // Военно-исторический журнал — 2008 — № 11
11. Золотухин М. Ю., Мелихов Г. В., Рыбаченок И. С. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. — М. 1997
12. Зырянов П. Н. Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Вопросы истории — 2008 — № 1
13. Кадырбаев А. На рубежах Дальнего Востока, Хевролина В. Миссия полковника Игнатьева, Автономов А. Дипломатическая деятельность Русской Православной миссии в Пекине в XVIII—XIX вв. /Родина — 07.2004, 01.2009, 04. 2010
14. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков — Новосибирск, 1997

15. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX век — М., 1998
16. Мясников В.С. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916 — М., 2004
17. Натаев П. Граф Муравьев-Амурский//Бурятия. — 2009 — № 204, 04 ноября
18. Петренко В.М. Развитие Русских сухопутных сил на Дальнем Востоке (конец 40-х — середина 80-х годов XIX века) //Военно-исторический журнал — 2009 — № 5
19. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения — М., 1977
20. Хохлов А. Н. Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX века // Российская история — 2012 — № 3
21. Горелов В. Историческая хроника. Амурский подвиг графа Муравьева //Биробиджанская звезда — 2014 — № 36, 21 мая
22. Юбилей графа Муравьева-Амурского отметили во Владивостоке //Владивосток — 2014 — № 127, 27 августа
23. Амурское дело русского графа//Тихоокеанская звезда — 2009 — № 150, 14 августа
24. Русский биографический словарь.// Том 14. Маак — Мятлева. 1896—1918 гг

Электронные источники:

25. Кропоткин П.А. Записки революционера// Academia. — 1933 http://militera.lib.ru/memo/russian/kropotkin_pa/03.html (дата обращения: январь 2015)
26. Официальный сайт Центральной государственной библиотеки имени Островского города Комсомольска-на-Амуре www.kmslib.ru (дата обращения: декабрь 2014)
27. Иркутские повествования. 1661 — 1917 годы. В 2 т. / Автор-составитель А.К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 2. http://irkipedia.ru/content/amurskie_ekspedicii_do_1917_g (дата обращения: февраль 2015)
28. Личность Н. Н. Муравьева-Амурского в воспоминаниях современников. http://www.tuelo.ru/index.php?catid=38:2010-06-25-08-11-44&id=70:muraviev-amurskiy&Itemid=27&option=com_content&view=article (дата обращения: февраль 2015)

Иванов Артем. Рафаил Александрович Черноsvитов — человек своего времени

1. Десницкий А. В. Дело петрашевцев / А. В. Десницкий. — Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951
2. Достоевский Ф. М. Записные тетради Ф. М. Достоевского / Ф. М. Достоевский. — Ленинград: Academia, 1935
3. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. — Москва: Художественная литература, 1983
4. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. — Москва Художественная литература, 1983
5. Дулов А. В. Петрашевцы в Сибири / А. В. Дулов. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996
6. Егоров Б. Ф. Первые русские социалисты / Б. Ф. Егоров. — Ленинград: Лениздат, 1984
7. Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы / В. Р. Лейкина-Свирская. — Москва: Просвещение, 1965
8. Михайловская А. И. Из истории русско-китайских отношений XIX века: (Айгунский трактат 1858 г.) / А. И. Михайловская. — Верхнеудинск: тип. Ц.С.Н.Х.Б. — М.А.С.С.Р., 1927.
9. Прокофьев В. А. Петрашевский / В. А. Прокофьев. — Москва: Молодая Гвардия, 1962.
10. Смирнов Ю. М. Огонь, вода, серебряные трубы (К истории 21—го пехотного Муромского полка) / Ю. М. Смирнов, Т. Б. Купряшин. — Ижевск: Вит-принт, 2014.
11. Черноsvитов А. В. «Виды на Сибирь» // «Петрашевцы в Сибири. письма. Воспоминания. Статьи» Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2005.
12. М. Tchernosvitov «Tchernosvitov», Paris-Bruxelles, 2010. <https://sites.google.com/site/echernosvitov>

Менгель Виктория. Он «памятник воздвиг себе нерукотворный»: жизненный и профессиональный путь Андрея Ипполитовича Вилькицкого

1. Архив Русского Географического Общества: Дело 37, Конверт с портретами Андрея Ипполитовича и Бориса Андреевича Вилькицких с автографом Б.А. Вилькицкого, 1995. Дело 38, Материалы и биография А. И. Вилькицкого и Б.А. Вилькицкого (письма), 1995
2. Полный послужной список генерал-лейтенанта Корпуса Флотских Штурманов Андрей Ипполитовича Вилькицкого. РГАВМФ фонд 406, опись 9, дело 607, лист 21—28
3. Семейный архив Ирины Семеновны Тихомировой (правнучки А. И. Вилькицкого)
4. Вилькицкий А. И. Известия Императорского Русского Географического общества — Том XXXI. Предварительный отчет о работах гидрографической экспедиции в 1894 году в реке Енисее и Ледовитом океане А. И. Вилькицкого — 1895
5. Доценко В.Д. Знаменитые люди Санкт-Петербурга: Биографический словарь//В.Д. Доценко, В.М. Йолтуховский, В. Н. Щербаков — СПб.: Издательство «Д.А.Р.К.», 2004
6. Евгенов Н. И. Полярная экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910—1915 годах.// Н. И. Евгенов, В. Н. Купецкий — Издательство «ГеоГраф», Санкт-Петербург, 2013
7. Комарицын А. А. История гидрографической службы Российского флота. Том 4//А. А. Комарицын, В. А. Солодов, В. Г. Романов — СПб., 1997
8. Мордовин К. Памяти А. И. Вилькицкого. Записки по гидрографии, вып. 36// К. Мордовин, 1913
9. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1887 год — С.-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1888.
10. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1891 год — С.-Петербург, Типография А. С. Суворина, 1892
11. Старокадомский Л. М. 1910—1915 Экспедиция Северного Ледовитого океана// Л. М. Старокадомский — М.—Л., 1946
12. Стебницкий И. И. Записки Императорского Русского Географического общества по общей географии. Том XXIV, № 1— Материалы для изучения распределения силы тяжести в России, Наблюдения над качаниями поворотных маятников Репсольда, произведенные на Новой Земле и в Архангельске А. Вилькицким, флота лейтенантом, в 1887 г. — СПб., 1890

13. Стебницкий И. И. Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Том XXIV, № 2 — Материалы для изучения распределения силы тяжести в России, Наблюдения над качаниями поворотных маятников Репсольда произведенные в Орле, Липецке и Саратове А. Вилькицким, флота лейтенантом, в 1889 г. — СПб, 1891
14. Штубендорф О.Э. Записки Императорского Русского Географического общества по общей Географии. Том XXX, № 3. Материалы для изучения распределения силы тяжести в России, Наблюдения над качаниями поворотных маятников Репсольда, произведенные в Кшииневе и Александровске А. Вилькицким в 1892 году. СПб., 1903
15. Штубендорф О.Э. Записки Императорского географического общества по общей географии. Том XXX, № 4. Материалы для изучения распределения силы тяжести в России, Наблюдения над качаниями поворотных маятников Репсольда, произведенные в г. Енисейске, селен. Гольчих, на о-ве Диксона, в г. Тобольске, г. Березове, с. Обдорске и в Югорском Шаре полковником А. Вилькицким в 1894 и 1896 г// Штубендорф О.Э., Шокальский Ю.М. — СПб., 1903
16. Вилькицкий Андрей Ипполитович // funeral-spb.ru: (сайт). / 2006—2013 URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/smolenskoe/vilkitskiy/> (обращение: ноябрь, 2013)
17. Центральный Военно-Морской Портал: (сайт). / А.И. Сорокин (СПб.). — 1998 —2014 — URL: <http://www.navy.ru/science/vma.htm> (обращение: февраль, 2014)

Жабенко Илона. Церковный иерарх и историк Евгений Болховитинов (петербургский период)

1. Аббасов А. М. Житие митрополита Евгения. — Воронеж. 1996
2. Аббасов А. М. Из родословной Евфимия Алексеевича Болховитинова. Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж. 1992
3. Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Кн. 4
4. Евгений (Е. А. Болховитинов). Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включ.) / Изд. Воронеж. губ. стат. ком. — Воронеж, 1868—1885

5. Жервэ Н. Н. Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало изучения древностей Новгородской земли. — Киевский Болховитиновский сборник. — Киев, 1993
6. Змеев Л. Ф. К родословной митрополита Евгения Болховитинова. СПб., 1893
7. Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером Николаем Петровичем Румянцевым и некоторыми другими современниками. Вып. 1. СПб., 1868
8. Переписка Евгения с Державиным, с приложением писем к графу Хвостову и К. К. Гирсу. СПб., 1868
9. Румянцева И., Кудряшов С. «Монастыри Санкт-Петербургской епархии». — СПб.: 2001
10. Сперанский М. Ученая деятельность митрополита Евгения Болховитинова, митрополита киевского. — Русский Вестник. 1885, июнь
11. Шмурло Е., митрополит Киевский. Очерк развития его ученой деятельности в связи с биографией. Журнал министерства народного просвещения. 1886—1888

**Петрова Виктория. Друг Пушкина — поэт, драматург,
критик Е. Ф. Розен**

1. Арнольд Ю. К. Воспоминания/ Ю. К. Арнольд. — Москва, 1892—1893
2. Брюсов В. Я. Письма Пушкина и к Пушкину/ В. Я. Брюсов. — СПб., 1903
3. Бурнашев В. П. Из воспоминаний Петербургского старожила/ В. П. Бурнашев — СПб., 1871
4. Литературные прибавления к Русскому инвалиду, 1834
5. Панаев И. И. Литературные воспоминания/ И. И. Панаев, СПб., 1888
6. Розен А. Е. Очерк фамильной истории баронов фон Розен/ А. Е. Розен. — СПб., 1876
7. Розен Г. Ф. Россия и Баторий. Историческая драма в 5-и действиях/ Г. Ф. Розен. — СПб., 1833
8. Розен Г. Ф. Рождение Иоанна Грозного в 3-х частях / Г. Ф. Розен. — СПб., 1830
9. Розен Г. Ф. Князя Курбские в 5-и действиях / Г. Ф. Розен. — СПб., 1857
10. Розен Г. Ф. Дочь Иоанна III в 5-и действия / Г. Ф. Розен. — СПб., 1835

11. Розен Г. Ф. Статья: вторая неудача уваровских наград / Г. Ф. Розен. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1859
12. Розен Г. Ф. Альциона. Альманах/Г.Ф. Розен. — СПб., 1831—1833
13. Русский Архив, 1878
14. Русский архив, 1883
15. Русский вестник, 1871
16. Справочник-путеводитель Исторические кладбища Петербурга. — СПб., 1993
17. Страничка из прошлого. Из истории оперы «Жизнь за царя». — СПб., 1904

Электронные источники

18. Баронъ Розень «О рифмъ» <http://books.google.ru/books?id=Xs4GAAAAQAAJ&pg=PA131#v=onepage&q&f=false>. Дата обращения: январь 2012
19. Лермонтовская энциклопедия «Розен Егор (Георгий) Федорович» <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lermontov/1182/Розен>. Дата обращения: январь 2012
20. Розен Е. Ф. из статьи «Ссылка на мертвых». <http://www.aspushkin.net/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-114.php>. Дата обращения: январь 2012

Гамзатова Алина. Степан Петрович Шевырёв — пламенный патриот (патриотические взгляды и деятельность С. П. Шевырева)

1. Аронсон, М. К истории «Медного Всадника» / М. К. Аронсон // Временник Пушкинской комиссии. — № 1. — М.—Л., 1936
2. Бартенев, П. И. Воспоминания (Электронный ресурс). / П. И. Бартенев. — Электрон. текстовые дан. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm>
3. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений. Художественные произведения (1829—1835). Том первый / В. Г. Белинский. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1953
4. Герцен, А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Том 1. Произведения 1829—1841 годов / А. И. Герцен — М., 1954.
5. Гоголь, Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году / Гоголь Н. В. // Современник. — 1836. — № 1
6. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в 8 томах. Том 8. Письма / Н. В. Гоголь. — М., 1984. — 3040 с.

7. Кошелев, А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы) / А. И. Кошелев. — М.: Наука, 2002
8. Погодин, М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве / М. П. Погодин. — СПб: Печатня В. И. Головина, 1869
9. Тургенев, И. С. Литературные и житейские воспоминания (1854—1883) / И. С. Тургенев. — М.: Гослитиздат, 1987
10. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах / И. С. Тургенев. — М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960—1968. Т. 3: Письма. — 1961. — 730 с.
11. Шевырев, С. П. Автобиография / С. П. Шевырев // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1955. — Ч. 2
12. Шевырев С. П. Беседы об истории русской словесности. ОР РНБ. Ф. 850. № 39. Л. 235
13. Шевырев, С. П. Взгляд русского на современное образование Европы / С. П. Шевырев // Москвитянин. — 1841. — № 1
14. Шевырев С. П. Вступление в педагогию. ОР РНБ. Ф. 850. № 8. Л. 23.
15. Шевырев, С. П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. В. Гоголя / С. П. Шевырев // Москвитянин. — 1848. — Ч. II, № 1—2
16. 16. Шевырев С. П. Дневник. Ноября 1831 — 18 февраля 1839. ОР РНБ. Ф. 850. № 18. Л. 134
17. Шевырев С. П. Дневник. ОР РНБ. Ф. 850. № 18. Лист 8
18. Шевырев С. П. Доверенность, выданная Степану Петровичу Шевыреву на управление имениями кн. Зинаиды Волконской в России. ОР РНБ. Ф. 850. № 6. 2 листа
19. Шевырев С. П. Документы, относящиеся к его столкновению с В. А. Бобринским по поводу недовольства русскими порядками. ОР РНБ. Ф. 850. № 13. 30 листов
20. Шевырев С. П. Документ об утверждении степени доктора философии. ОР РНБ. Ф. 850. № 2. Л. 1
21. Шевырев С. П. Записка о необходимости издания двух общественно-литературных журналов в Москве и Петербурге. ОР РНБ. Ф. 850. № 12. 2 листа
22. Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. ОР РНБ. Ф. 850. № 35. 230 листов
23. Шевырев, С. П. Итальянские впечатления / С. П. Шевырев. — СПб: Академичекий проект, 2006. — 645 с.
24. Шевырев С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному. ОР РНБ. Ф. 850. № 67. Л. 3

25. Шевырев С. П. Патент на чин. ОР РНБ. Ф. 850. № 5. Л. 1
26. Шевырев С. П. Письмо П. А. Вяземскому от 21 августа 1846 года. ОР РНБ. Ф. 850. № 88. 2 листа
27. Шевырев С. П. Письмо П. А. Вяземскому от 14 апреля 1860. ОР РНБ. Ф. 850. № 83. 2 листа
28. Шевырев С. П. Программа бесед профессора Шевырева об истории русской словесности. ОР РНБ. Ф. 850. № 39. Л. 1
29. Шевырев, С. П. Словесность и торговля / С. П. Шевырев // Московский наблюдатель. — М., 1835. — № 1
- 29а. Шевырѳв, С. П. Отрывки из писем Русского путешественника / С. П. Шевырѳв // Галатея. — М., 1829. — Ч. 7. — № 32
- 29б. Шевырѳв, С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С. Шевырѳва в 1847 году / С. П. Шевырѳв. — Ч. 1. — М., 1850

Использованная литература

30. Беловинский, Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII — начало XX века / Л. В. Беловинский. — М.: Олма-Пресс, 2003
31. Горохов, А. А. С. П., Шевырев — последователь традиции старчества в русской консервативной мысли и культуре первой половины XIX столетия / А. А. Горохов. — Арзамас, 2012
32. Дементьев, А. Г. Шевырев — критик «Москвитянина» / А. Г. Дементьев // Очерки по истории русской журналистики и критики 1840—1850-х годов / Н. И. Мордовиченко; И. Г. Ямпольский, В. Е. Евгеньев-Максимов. — Л.: Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина Университета им. Жданова, 1950
33. Жукова А. Н. Степан Шевырев — вступление в жизнь: литературно-критическая и научная деятельность С. П. Шевырева до 1836 года / А. Н. Жукова. — М: Граф-Пресс, 2011
34. Карпов, Н. А. Петербург в жизни и творчестве С. П. Шевырева (Электронный ресурс). / Н. А. Карпов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Электрон. текстовые данные. — СПб, 2008. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/peterburg-v-zhizni-i-tvorchestve-s-p-shevyreva>, свободный
35. Кулешов, В. И. История русской литературной критики XVIII—XIX веков / И. В. Кулешов. — М.: Просвещение, 1972
36. Петров Ф. А. Степан Петрович Шевырев: Краткий биографический очерк / Ф. А. Петров. — М.: Издательство Московского государственного университета, 1998

37. Петров, Ф.А. С.П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете / Ф.А. Петров. — М: Альтекс, 1999
38. Ратников, К. В. Принципы «официальной народности» в русской поэзии конца 1830-х — первой половины 1850-х годов (Электронный ресурс). / К. В. Ратников. — Электрон. текстовые дан. — Челябинск, 2000. — Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/vcsu00_01.pdf, свободный
39. Ратников, К. В. Роль Степана Петровича Шевырева в развитии русской науки, литературы и журналистики / К. В. Ратников. — Челябинск: б. и., 2008
40. Ратников, К. В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века / К. В. Ратников. — Челябинск: Околица, 2007
41. Степанов, А. Н. Критики лагеря «официальной народности» / А. Н. Степанов // История русской критики / А. Н. Степанов. — М.: Издательство АН СССР, 1958
42. Топоров, А. М. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / А. М. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. — М., 1995
43. Федорова, О. Ф. Мирообразы лирики С. П. Шевырева: учебное пособие / О. Ф. Федорова. — Омск: Издательство А. А. Аскаленко, 2010
44. Цветкова, Н. В. С. П. Шевырев — критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы) / Н. В. Цветкова. — Псков: Псковский государственный педагогический университет, 2008

Беркос Анастасия. Елизавета Романовна Воронцова (женская судьба в истории России)

1. Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. Россия забытая и неизвестная. Русские фамилии. — Москва. Центрполиграф: 2002
2. Дашкова Екатерина. Записки 1743—1810. — Л.: Наука. 1985
3. Е. И. В. Екатерина II. Мемуары. Издание: Антология мысли. Императрица Екатерина II. О величии России. — М.: «ЭКСМО», 2006, серия «Антология мысли»
4. Записки императрицы Екатерины II. — М.: Орбита. : 1989
5. Записки императрицы Екатерины II. Россия XVIII столетия. В издании вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1859 Лондон. Репринтное воспроизведение. — М., Наука: 1990

6. Записки придворного брильянтщика Позье о пребывании его в России. С 1729 по 1764 гг (часть четвертая) // Русская старина, Том 1.: 1870
7. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. II. — СПб.: 1871
8. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. Справочник-путеводитель. Сост. А. В. Кобак. Ю. М. Пирютко. СПб.1993
9. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция семьдесят пятая. Москва: Госполит-издат, 1956
10. Письма Графу Станиславу-Августу Понятовскому. Издание: Переворот 1762 года/ Соч. и переписка участников и современников. 4-е, испр. — М.: 1910
11. Письма Петра III из Ропши. Издание: Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. — СЛОВО/SLOVO М.: 1997 (Русские мемуары)
12. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 11т. т.3.– М.: 1988.
13. Русский биографический словарь. — СПб.:1903
14. Русский двор сто лет тому назад. — СПб.,: 1907
15. Сахарова Я. М. Алексей Петрович Антропов. — М.,: 1974
16. Семевский М. И. Екатерина II в жизни. Биографические хроники. М. Олма-Пресс Звёздный мир.– : 2004
17. Станислав-Август Понятовский. Мемуары. Издание: Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. — СЛОВО/SLOVO М.: 1997 (Русские мемуары)
18. Советская историческая энциклопедия: Лекции по Русской истории профессора С. Ф. Платонова, Петроград, Сенатская типография, — : 1915
19. Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I, –М.: 2005

**Беркос Анастасия. Анна Петровна Лопухина.
(женская судьба в истории России)**

1. Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института/ А. Данилова. — М.: «Эксмо», 2008
2. Дворянские роды Российской империи: в 3 т. — СПб., ИПК «Вести» 1995 — Том 2: Князья
3. Записки графини В. Н. Головиной//Исторический вестник.- 1899. — № 2
4. Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. — СПб., 1907

5. Из записок княгини Ливен. // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. — М., 1990 (1907)
6. Песков Алексей. Павел I / А.Песков.- М.: Молодая гвардия, 2005.
7. Рибопьер А. И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера / Предисл. и примеч. А. А. Васильчикова // Русский архив.- 1877.- Кн. 1. — Вып. 4
8. Российские государи. Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство. — М.: МП «Галактика», 1991
9. Русский биографический словарь: В 25 т. / А. А. Половцов. — М., 1896—1918. Том: 13
10. Русская старина // Жизнь императоров и их фаворитов — 1896 — т. 88
11. Саблуков Н. А. Записки о времени императора Павла и о его кончине // Исторический вестник. — 1906. — № 1
12. Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников — СПб.: А, с. Суворин, 1907
13. Чулков Г. И., Императоры: Психологические портреты / Г. И. Чулков. — М.: «Московский рабочий», 1991
14. Шильдер Н. К. Император Павел Первый/ Н. К. Шильдер. — М.: «Чарли», 1996

Трушина Елена. Петербургские годы Елизаветы Кузьминой-Караваевой

1. Агеева Лариса. Петербург меня победил. // Мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева). «Жизнь, творчество, судьба». Конференция к 55-й годовщине со дня смерти матери Марии. Издательство «Серебряный век», СПб., 2000
2. Блок Александр. И невозможное возможно... // Стихотворения, поэмы, театр, проза. — М. изд. «Молодая гвардия». — 1980
3. Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. Сост. и подг. текстов: Л. И. Бучина, А. Н. Шустов. Предисл. и комм.: А. Н. Шустов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2000
- 3А. Е. А. Омельченко. Из моих воспоминаний о встрече с Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. Сост. и подг. текстов: Л. И. Бучина, А. Н. Шустов. Предисл. и комм.: А. Н. Шустов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2000
- 3Б. Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Последние римляне. // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. — СПб., Издательство

Российская национальная библиотека, Сост. Бучина А. Н. и Шустов А. Н. : 2000

- 3В. Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Друг моего детства. // Мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева). «Жизнь, творчество, судьба». Конференция к 55-й годовщине со дня смерти матери Марии. Издательство «Серебряный век», СПб., 2000
4. Кузьмина-Караваева Е. Ю. Наше время еще не разгадано. — Томск. Изд. «Водолей»: 1996
5. Кузьмина-Караваева Е. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы — мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. — СПб. Искусство: 2001
6. Кузьмина-Караваева Е. Руфь. — Петроград.: 1916
7. Кузьмина-Караваева Е. Скифские черепки. — СПб. Цех поэтов.: 1912
8. Кузьмина-Караваева Е. Юрали. — Петроград.: 1915
- 8А. Л. Агеева. Встреча с Блоком. <http://www.mere-marie.com/205.htm>
9. Мать Мария. Встречи с Блоком (к пятидесятилетию со дня смерти поэта). // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. — СПб., Издательство Российской национальной библиотека, Сост. Бучина А. Н. и Шустов А. Н.: 2000
10. Шустов А. Дочь России. Их имена — в истории города на Неве. // Белые ночи. Сост. Л. Б. Добринская, — Лениздат.: 1985

Трушина Марина. В великокняжеском окружении: Матильда Кшесинская (из истории женских судеб)

1. Бобров В. Д., Кириков Б. М. Особняк Кшесинской. — СПб Изд. «Белое и Черное»: 2000
2. Вареник Олег. «Милая Стрельна» Матильды Кшесинской. № 132 — СПб.: 2000
3. Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — Москва. Современник.: 1991.
4. Великий Князь Андрей Владимирович. Военный дневник. — СПб. Изд. «Октябрь»: 1998
5. Кшесинская Матильда. Воспоминания. — Москва.: 1992
6. Кшесинская Матильда. Воспоминания. — Москва. Центрполиграф.: 2005
7. Николай II. Воспоминания. Дневники. — СПб. Изд. Пушкинский фонд.: 1994

8. Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз. И. А. Ефрон. — СПб.: 1896

Дроздова Александра. Антонина Павлычева — актриса большого дарования (из истории жизни и творчества)

Материалы из семейного архива Павлычевых

1. Благодарность А. П. Павлычевой от Дома Актера Всероссийского театрального общества. 27 февраля 1958
2. Воспоминания об актрисе её внучки Сабины Михайловны Марковой. Беседа. 2015
3. Надпись на фотографии от неизвестного лица к А. П. Павлычевой. 1940-е
4. Программа спектакля «Персональное дело» с участием А. П. Павлычевой. 1940-е
5. Программа творческого вечера А. П. Павлычевой. 27 февраля 1958
6. Справка А. П. Павлычевой от начальника актёрского отдела. 16 октября 1959
7. Фото из семейного архива Павлычевых
8. Характеристика А. П. Павлычевой от директора Областного драматического театра Г. М. Коркина. 1945
9. Характеристика Павлычевой от директора Областного драматического театра. 1956

Использованная литература

10. Крушение «Каменного гнезда» А. Мантере // Смена — 1957.
11. Ленинград. Программы передач. Радио. Телевидение // Вечерний Ленинград — 8 января 1959
12. Любовь большая, всепобеждающая // Ленинградская правда — 1957
13. Новогодние мечты и пожелания. Н. Янет // Театральный Ленинград. — 1—7 января 1958
14. Очередной рейс. Ленинград — Сланцы. Л. Лосев // Советская Россия/ — 12 июня 1959
15. Павлычева А. П. Руч И. // Вечерний Ленинград. — 10 декабря 1957.
16. Петровых Б. П. Леонид Сергеевич Вивьен: актёр, режиссёр, педагог. Сборник/ Б. П. Петровых. — Москва: — 1998
17. Родька Гуляев в школе и дома. Чудотворная // Вечерний Ленинград — 1959

18. Слонимская Д. // Театральный Ленинград — 10—16 июня 1959
19. Тридцать лет на сцене// Вечерний Ленинград/ — 28 февраля 1958
20. Цимбал С. Л. Первая встреча с современниками/ Цимбал С. Л.— М. — 1975

Электронные источники

21. Большая советская энциклопедия. Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/102896> Дата обращения: январь 2015
22. В жизни Василия Меркурьева был «ТАМ». <http://luki.ru/pskovregion/264969.html> Дата обращения: январь 2015
23. В то далёкое лето (фильм). Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: январь 2015
24. Государственный преступник (фильм). Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: январь 2015
25. История государственного драматического театра на Литейном <http://www.naliteinom.ru/index.php/history/> Дата обращения: февраль 2015
26. Ленин в Польше. Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: январь 2015
27. Меркурьев Василий Васильевич. Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: январь 2015
28. Чудотворная (фильм). Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: январь 2015

ИЗ ОХТИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ
Выпуск двенадцатый

Составитель *Н. П. Столбова*
Под редакцией *Н. П. Столбовой*

Верстка *И. З. Жестяниковой*